

ИМПЕРАТОРЪ
АЛЕКСАНДРЪ II.

ИСТОРИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ

ЖИЗНИ и ЦАРСТВОВАНІЯ

ИМПЕРАТОРА

АЛЕКСАНДРА II-го.

Составилъ

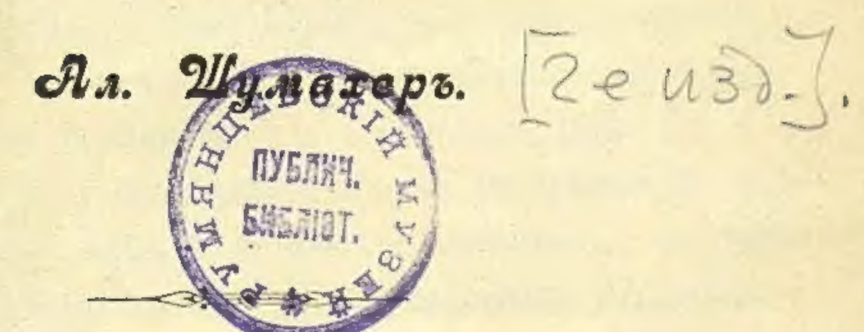
Ал. Шумахеръ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія В. Д. Смирнова, Екатерининскій каналъ, д. № 45.
1899.

ИСТОРИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ
ЖИЗНИ и ЦАРСТВОВАНІЯ
ИМПЕРАТОРА
АЛЕКСАНДРА II-го.

Составилъ

Ал. Шумахеръ.

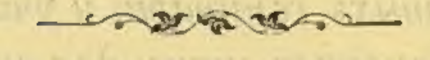

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія В. Д. Смирнова, Екатерининскій каналъ, д. № 45.
1899.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 28 Октября 1899 г.

Настоящая книга **А. Шумахера,** *въ первоначальномъ изданіи ея 1886 года, подъ заглавіемъ* **„О жизни и дѣяніяхъ Императора Александра II-го,** *историческій разсказъ для народнаго чтенія": а) написана была на конкурсъ, предложенный С.-Петербургскимъ Комитетомъ Грамотности, состоявшимъ при Императорскомъ Вольномъ Экономическомъ Обществѣ, и удостоена имъ* **почетнаго отзыва;** *б)* **рекомендована** *Морскимъ Ученымъ Комитетомъ для экипажныхъ, судовыхъ и портовыхъ библіотекъ и учебныхъ заведеній морскаго вѣдомства; в)* **одобрена** *Военно-Ученымъ Комитетомъ при Главномъ Штабѣ къ обращенію въ войскахъ; г)* **допущена** *Учебнымъ Комитетомъ при Св. Синодѣ въ библіотеки духовныхъ семинарій и училищъ мужскихъ и женскихъ въ качествѣ книги для внѣкласснаго чтенія учащихся; д)* **одобрена** *Училищнымъ при Св. Синодѣ Совѣтомъ для пріобрѣтенія въ библіотеки церковно-приходскихъ школъ и школъ грамоты; е)* **допущена** *Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія къ употребленію въ безплатныхъ народныхъ читальняхъ и ж)* **допущена** *Особымъ Отдѣломъ того же Комитета въ учительскія библіотеки всѣхъ низшихъ учебныхъ заведеній.*

Выпускаемое нынѣ второе изданіе той-же книги, подъ заглавіемъ **„Историческій очеркъ жизни и царствованія Императора Александра II“**, *отличается отъ перваго изданія 1886 года многочисленными, сообразно указаніямъ критики, исправленіями и дополненіями, изъ коихъ наиболѣе существенныя относятся: къ описанію отроческаго и юношескаго періода жизни Царя-Освободителя (глава I), къ изложенію Крымской войны (глава II), къ очерку освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости (глава III), къ исчисленію мѣропріятій по народному образованію (глава VII) и къ описанію пребыванія Государя въ дѣйствующей арміи во время Русско-Турецкой войны 1877—1878 годовъ (глава VIII).*

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 18 Октября 1899 г.

Типографія В. Д. Смирнова, Екатерининскій каналъ, д. № 45.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

			страп.
Глава	I.	Отъ рожденія до восшествія на престолъ .	1
„	II.	Крымская война.—Восшествіе на престолъ.—Коронованіе.—Отмѣна отдачи въ солдаты въ видѣ наказанія	26
„	III.	Освобожденіе крестьянъ отъ крѣпостной зависимости и устройство ихъ быта.	55
„	IV.	Отмѣна тѣлесныхъ наказаній.—Введеніе земскихъ учрежденій и городского самоуправленія.	83
„	V.	Преобразованіе судебной части	98
„	VI.	Усмиреніе польскаго мятежа.—Покореніе Кавказа.—Завоеванія въ Средней Азіи. . .	120
„	VII.	Введеніе всесословной воинской повинности.—Заботы о народномъ образованіи и другія мѣропріятія	139
„	VIII.	Русско-Турецкая война 1877—1878 годовъ. .	164
„	IX.	Злодѣйскія посягательства на жизнь Государя и мученическая его кончина	194

ГЛАВА I.

Отъ рожденія до восшествія на престолъ.

Во время свѣтлыхъ праздниковъ Пасхи Христовой, въ среду на святой недѣлѣ, 17 апрѣля 1818 года, въ 10 часовъ утра пушечные выстрѣлы возвѣстили жителямъ первопрестольной Москвы о рожденіи, въ стѣнахъ ея кремля, у великаго князя Николая Павловича и августѣйшей супруги его, великой княгини Александры Ѳеодоровны, сына—первенца. Въ воскресенье 5-го мая совершено было, въ церкви Чудова монастыря, по установленному обряду, св. крещеніе царственнаго младенца, нареченнаго при этомъ—Александромъ, именемъ царствовавшаго въ то время дяди его, Императора Александра Павловича, бывшаго и воспріемникомъ высоконоворожденнаго отъ купели.

По странному стеченію обстоятельствъ, колыбель будущаго Царя-Освободителя явилась тамъ-же, гдѣ была и колыбель Царя-Преобразователя и перваго

Императора земли русской—Петра Великаго: только они двое изъ всѣхъ русскихъ Императоровъ были московскими уроженцами.

Извѣстный поэтъ нашъ, Василій Андреевичъ Жуковскій, призванный еще въ 1817 году къ высочайшему двору для преподаванія великой княгинѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ русскаго языка, привѣтствовалъ рожденіе великаго князя Александра Николаевича особымъ стихотвореніемъ, заключавшимъ въ себѣ истинное пророчество его будущаго величія и славы. Пророчество это выражено поэтомъ въ слѣдующихъ звучныхъ стихахъ:

„Съ душой, на все прекрасное готовой;
Наставленный: достойнымъ счастья быть,
Великое съ величіемъ сносить,
Не трепетать, встрѣчая рокъ суровой,
И быть въ дѣлахъ временъ своихъ красой.
Лѣта пройдутъ, подвижникъ молодой,
Откинувши младенчества забавы,
Онъ полетитъ въ путь опыта и славы...
Да встрѣтитъ онъ обильный честью вѣкъ!
Да славнаго участникъ славный будетъ!
Да на чредѣ высокой не забудетъ
Святѣйшаго изъ званій: *человѣкъ!*“

Какъ-бы предугадывая великія дѣла будущаго Государя и его самоотверженіе, поэтъ желалъ ему:

„Жить для вѣковъ въ величіи народномъ,
Для блага всѣхъ—свое позабывать“.

Осенью 1825 года Императоръ Александръ Павловичъ отправился, для возстановленія своего разстроеннаго здоровья, на югъ Россіи, но во время этого путешествія неожиданно скончался, не оставивъ послѣ себя дѣтей. На всероссійскій престолъ вступилъ поэтому братъ покойнаго Государя, великій князь Николай Павловичъ, а семилѣтній въ то

время старшій сынъ новаго Императора, великій князь Александръ Николаевичъ объявленъ былъ наслѣдникомъ престола.

Еще за годъ слишкомъ до этого, когда великому князю Александру Николаевичу только что минуло шесть лѣтъ, Императоръ Николай Павловичъ назначилъ къ нему воспитателемъ подполковника Карла Карловича Мердера, обратившаго на себя вниманіе Государя своими высокими нравственными достоинствами, какъ человѣкъ въ высшей степени честный и добрый, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, умный и твердый характеромъ.

12-го іюня 1824 года К. К. Мердеръ вступилъ въ отправленіе своей новой высокой должности, и съ этого дня вся цѣль его жизни сосредоточилась на томъ, чтобы быть полезнымъ своему августѣйшему питомцу, которому онъ отдалъ все свое время, не зная ни отдыха, ни досуга, принимая живѣйшее участіе во всѣхъ его дѣтскихъ играхъ и не оставляя его безъ надзора ни днемъ, ни ночью.

Непрестанно наблюдая за нравственнымъ развитіемъ великаго князя, Мердеръ съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе пріобрѣталъ себѣ его любовь и довѣріе; постоянное же милостивое къ нему расположеніе Императора Николая Павловича и Императрицы Александры Ѳеодоровны служитъ лучшимъ доказательствомъ того, какъ благоразумно и добросовѣстно исполнялъ почтенный воспитатель свои отвѣтственныя обязанности.

При вступленіи на престолъ Императора Николая I, наслѣдникъ цесаревичъ Александръ Николаевичъ находился уже въ томъ возрастѣ, когда нужно было начинать ученіе.

Еще въ послѣдніе годы царствованія Императора

Александра Павловича, великая княгиня Александра Θеодоровна поручила Жуковскому, во время путешествія своего за границу, передать малолѣтнему сыну своему Александру нѣкоторыя первоначальныя познанія, а затѣмъ, вскорѣ послѣ коронаціи Императора Николая Павловича, тотъ же Жуковскій назначенъ былъ наставникомъ къ наслѣднику престола.

Мердеръ и Жуковскій, — воспитатель и наставникъ великаго князя Александра Николаевича, — взаимно помогали другъ другу въ несеніи общихъ заботъ и преслѣдованіи общей цѣли — образованія ума и сердца порученнаго ихъ попеченіямъ царскаго сына. Внушая цесаревичу благороднѣйшія мысли и чувства, они воспитывали въ немъ не только будущаго Государя, но и человѣка, въ самомъ высокомъ значеніи этого слова.

Воспитаніе и обученіе наслѣдника цесаревича должно было преслѣдовать двѣ цѣли: развивать надлежащимъ образомъ сердце великаго князя и въ то же время обогащать умъ его высокими истинами знанія. Обѣ эти цѣли проводились строго и точно по общему подробному плану ученія, составленному Жуковскимъ и утвержденному Императоромъ Николаемъ Павловичемъ. Согласно этому плану, ученіе должно было продолжаться съ отрочества до начала молодыхъ лѣтъ, т. е. съ 8-ми до 20-тилѣтняго возраста и было направлено къ тому, чтобы изъ царственнаго ученика вышелъ не ученый, а просвѣщенный человѣкъ.

Отдавшись всецѣло возложенному на него царскому порученію, Жуковскій не щадилъ ни трудовъ, ни силъ своихъ и усердно готовился къ наилучшему выполненію выпавшей на его долю священной обязанности.

Съ какимъ жаромъ и вниманіемъ принялся Жуковскій за Высочайше ввѣренное ему дѣло образованія наслѣдника цесаревича, видно изъ одного частнаго письма его: „Моя настоящая должность", писалъ онъ, „беретъ все мое время. Въ головѣ одна мысль, въ душѣ одно желаніе. Не думавши, не гадавши, я сдѣлался наставникомъ Наслѣдника престола. Какая забота и отвѣтственность!.. Занятіе питательное для души! Цѣль для цѣлой остальной жизни! Чувствую ея великость и всѣми мыслями стремлюсь къ ней!"

Стараясь всѣми силами достигнуть обогащенія понятій цесаревича разнообразными знаніями, Жуковскій стремился вмѣстѣ съ тѣмъ образовать изъ своего царственнаго питомца, прежде всего, добродѣтельнаго человѣка, вселивъ въ его юномъ сердцѣ чувство уваженія къ человѣческой личности и христіанскую любовь къ ближнему. Жуковскій самъ былъ человѣкомъ съ свѣтлымъ умомъ и доброю, благородною, христіански-чистою душою, и эти-то драгоцѣнныя качества Жуковскаго, которыя, главнымъ образомъ, и доставили ему высокую честь быть назначеннымъ въ наставники къ наслѣднику престола, имѣли самое благотворное вліяніе на умственное и нравственное развитіе великаго князя; сѣмена добра и правды, посѣянныя опытнымъ наставникомъ въ сердцѣ будущаго Царя-Освободителя, не пропали безслѣдно: они упали на добрую почву, взошли и принесли обильные плоды для чести и славы Россіи.

Въ лицѣ своего товарища заботъ и попеченій о наслѣдникѣ цесаревичѣ—К. К. Мердерѣ, Жуковскій нашелъ человѣка, глубоко уважаемаго имъ за чистоту нравственныхъ свойствъ. Это видно изъ слѣ-

дующаго отзыва о немъ, высказаннаго Жуковскимъ въ письмѣ къ Императрицѣ Александрѣ Θеодоровнѣ изъ за границы:

„Дѣло идетъ о средствахъ обезпечить успѣхъ воспитанія великаго князя и довести его до предпринятой цѣли, а именно: образовать въ немъ Монарха Великой Имперіи. Вашъ сынъ, Государыня, переданъ нынѣ на попеченіе двухъ лицъ, изъ которыхъ каждому предназначена своя особенная обязанность. На Мердера возложено нравственное воспитаніе; мнѣ поручено наблюденіе за учебною частью... Мердеру хорошо знакомъ дѣтскій міръ; онъ самъ отецъ; онъ уже имѣлъ надзоръ за чужими дѣтьми; у него характеръ твердый и, что̀ весьма важно, чрезвычайно ровный, такъ что онъ въ состояніи выполнять свой долгъ съ постоянствомъ и выполнять его такъ, чтобы онъ не былъ ни тягостенъ для него, ни обременителенъ для его воспитанника. Такой человѣкъ драгоцѣненъ и мы весьма счастливы, что имѣемъ его...“

Императоръ Николай Павловичъ самъ выбралъ своему сыну въ товарищи по воспитанію и обученію двухъ другихъ мальчиковъ: Графа Іосифа Віельгорскаго и Александра Паткуля.

Состоя въ теченіе почти десяти лѣтъ воспитателемъ великаго князя Александра Николаевича и его товарищей, Мердеръ оставилъ послѣ себя веденныя имъ въ это время записки, въ которыхъ заключаются любопытныя свѣдѣнія о всѣхъ трехъ его питомцахъ.

Изъ записокъ этихъ видно, что благородное поведеніе Віельгорскаго, его милая дѣтская веселость, искренняя дружеская привязанность къ великому князю и Паткулю, всегдашняя бодрость, постоянное

прилежаніе и необыкновенная точность въ исполненіи своихъ обязанностей внушили къ нему любовь и уваженіе обоихъ товарищей и вызвали въ нихъ похвальное чувство соревнованія. Никогда почти не нужно было требовать отъ Віельгорскаго вниманія и дѣятельности; онъ былъ словно помощникомъ своихъ учителей, которые, занимаясь имъ, имѣли удовольствіе видѣть, что онъ уважаетъ ихъ благодѣтельную о немъ попечительность.

Другой товарищъ великаго князя по воспитанію и обученію—Паткуль не отличался ни прилежаніемъ, ни вниманіемъ; онъ не любилъ заниматься, не находилъ удовольствія въ исполненіи обязанностей и даже въ играхъ не имѣлъ ничего постояннаго; но онъ былъ мальчикомъ добраго сердца, обладалъ хорошими способностями и въ особенности прекрасною памятью.

Наконецъ самъ великій князь Александръ Николаевичъ, какъ свидѣтельствуетъ Мердеръ, одаренъ былъ щедрою рукою природы всѣми способностями, обладалъ необычайно яснымъ и здравымъ умомъ, живымъ, веселымъ нравомъ и прекраснымъ, благороднымъ сердцемъ, всегда готовымъ на все доброе и хорошее. Великій князь питалъ чувство нѣжнѣйшей любви къ своимъ родителямъ, всегда охотно и щедро помогалъ всѣмъ несчастнымъ, нуждавшимся въ помощи, удивлялъ и восхищалъ всѣхъ правильностію своихъ сужденій, своею необыкновенною ловкостію, любезностію, учтивостію и милою дѣтскою непринужденностію. Великій князь отличался цвѣтущимъ здоровьемъ, прекраснымъ физическимъ развитіемъ и своею привлекательною наружностію, привѣтливостію, предупредительностію и милою обходительностію располагалъ къ себѣ сердца всѣхъ его

видѣвшихъ. Всѣ они, какъ говоритъ въ своихъ записках Мердеръ, любовались прелестью во всемъ блескѣ восходящаго солнца, благотворною теплотою коего каждый изъ нихъ надѣялся когда нибудь быть согрѣтымъ и преуспѣвать въ благоденствіи. „Симъ чувствомъ сердца“, продолжаетъ онъ, „радуюсь со всѣми сладостною надеждою и молю Всевышняго, да сбудутся наши ожиданія“.

Единственный недостатокъ, замѣченный Мердеромъ въ своемъ августѣйшемъ воспитанникѣ, состоялъ въ нѣкоторой невнимательности его во время занятій, въ отсутствіи постоянства въ исполненіи по совѣсти своихъ обязанностей, въ неумѣніи всегда въ должной мѣрѣ владѣть собою, словомъ — въ нѣкоторой слабости воли.

Тотъ же недостатокъ замѣченъ былъ въ великомъ князѣ и наставникомъ его—В. А. Жуковскимъ. Вотъ какъ отзывается онъ о своемъ царственномъ питомцѣ въ 1828 году въ письмѣ къ Государынѣ Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ, сообщая объ экзаменѣ, которому подвергся Александръ Николаевичъ: „Вижу, что онъ имѣетъ умъ здравый; что въ этомъ умѣ все врѣзывается и сохраняется въ ясномъ порядкѣ; вижу, что онъ имѣетъ много живости; вижу, что онъ способенъ къ благородному честолюбію, которое можетъ довести его далеко, если соединится съ нимъ твердая воля; вижу, наконецъ, что онъ способенъ владѣть собою, почему и имѣю право надѣятся, что онъ, какъ скоро пойметъ всю важность слова должность, будетъ умѣть владѣть собою“.

И Жуковскій не ошибся въ своихъ надеждахъ: вся послѣдующая жизнь Александра Николаевича и всѣ великія дѣянія его славнаго царствованія наглядно доказали, что отъ подмѣченной въ немъ въ

его дѣтскіе годы нѣкоторой слабости воли не осталось и слѣда. Всѣ эти великія дѣянія, начиная съ величайшаго изъ нихъ — освобожденія крестьянъ, текли въ неумолимой, настойчивой послѣдовательности, одно за другимъ, цѣпляясь звено къ звену, какъ выполненіе однажды задуманнаго и строго проводимаго плана, и показали, что настойчивость въ добрѣ, свойственная кроткимъ и мягкимъ отъ природы натурамъ, часто творитъ подвиги гораздо бо̀льшей рѣшительности, чѣмъ проявляютъ умы жесткаго закала, оставляющіе по себѣ память людей желѣзной воли и сильнаго характера.

Наблюдая въ своемъ царственномъ питомцѣ быстрое и рѣдкое развитіе „доброты душевной, здраваго ума, прямого высокаго характера и чистоты сердечной", Жуковскій приходилъ въ положительный восторгъ и во множествѣ его тогдашнихъ писемъ и записокъ буквально наговориться не могъ о „миломъ Наслѣдникѣ". „Отмѣнно здравый умъ, рѣдкое добродушіе и живая чувствительность, соединенная съ холодною твердостью воли и неизмѣннымъ спокойствіемъ души" — таковы были, по отзыву Жуковскаго, отличительныя черты характера цесаревича Александра Николаевича. Подъ благотворнымъ же вліяніемъ Жуковскаго возрастала и крѣпла лежавшая въ благородной отъ природы натурѣ Александра Николаевича горячая любовь къ человѣчеству, ознаменовавшая впослѣдствіи все его царствованіе.

Великій князь Александръ Николаевичъ любилъ обоихъ своихъ товарищей по воспитанію и обученію и былъ любимъ ими взаимно. Живя подъ одною съ ними кровлею, онъ проводилъ вмѣстѣ съ ними все свое время, дѣлилъ съ ними и трудъ, и забавы.

Благодаря неустаннымъ заботамъ Жуковскаго, какъ главнаго руководителя образователей ума и сердца наслѣдника цесаревича, Александръ Николаевичъ былъ, съ самыхъ раннихъ лѣтъ, постоянно окруженъ преподавателями изъ лучшихъ и образованнѣйшихъ людей того времени.

Цесаревичъ вставалъ обыкновенно въ 6 часовъ утра, готовилъ уроки одинъ, а съ учителями занимался вмѣстѣ съ своими товарищами. Дѣтство его проходило беззаботно среди любящей, счастливой семьи, и единственными огорченіями его дѣтскихъ лѣтъ были—случавшаяся разлука съ горячо любимыми имъ родителями или недовольство ихъ своимъ сыномъ. Когда великому князю случалось небрежно приготовить свой урокъ, онъ бывалъ въ отчаяніи и горько плакалъ. Если же онъ обнаруживалъ недостатокъ прилежанія въ теченіе нѣсколькихъ дней, то Мердеръ доводилъ объ этомъ до свѣдѣнія Государя, который выражалъ сыну свое неудовольствіе. Тогда цесаревичъ такъ чувствовалъ свою вину, выказывалъ такое искреннее раскаяніе, что самъ строгій Мердеръ уже просилъ за него снисхожденія у Императора. Мердеръ былъ крайне требователенъ, иногда даже слишкомъ строгъ съ своимъ воспитанникомъ; но великій князь любилъ его, тѣмъ не менѣе, всею душою. Стоило сказать Мердеру, что какая-нибудь шалость или капризъ его огорчаютъ,—и великій князь бросался къ нему на шею и просилъ прощенія: такъ пугалось его доброе сердце и мысли огорчить любимаго воспитателя. Строгій Мердеръ и его кроткій воспитанникъ были большими друзьями.

Цесаревичъ былъ смѣлый мальчикъ, великолѣпно ѣздилъ верхомъ, отважно плавалъ и нырялъ во время купанья и вообще уже съ раннихъ лѣтъ удивлялъ

всѣхъ своею храбростію и неустрашимостію. Уже въ пору ранняго дѣтства военныя игры были любимою забавою Александра Николаевича. На парадахъ восьмилѣтній наслѣдникъ, ловко гарцуя на конѣ во флангѣ лейбъ-гусарскаго полка, возбуждалъ удивленіе иностранныхъ генераловъ и восторгъ многотысячной толпы. Въ лѣтнее время цесаревичъ, всегда сопровождаемый Мердеромъ, занимался изученіемъ военнаго искусства, участвуя, вмѣстѣ съ кадетами, на маневрахъ. Ночевать гдѣ-нибудь на сѣнѣ, на полу, вмѣстѣ съ кадетами, доставляло ему неописуемое удовольствіе. Но полюбивъ отъ души военное дѣло, Александръ Николаевичъ не увлекался имъ чрезмѣрно во вредъ общему воспитанію.

Въ цесаревичѣ съ очень юныхъ лѣтъ обнаружились, по свидѣтельству его учителей, блестящія природныя дарованія и выдающіяся нравственныя качества. Онъ росъ крѣпкимъ и сильнымъ, и съ лѣтами все болѣе и болѣе укрѣплялся здоровый духъ въ его здоровомъ тѣлѣ.

Знакомя своего августѣйшаго ученика съ тѣмъ, что̀ его окружаетъ и съ тѣмъ, что̀ онъ есть, Жуковскій сталъ объяснять ему также и то, чѣмъ онъ быть долженъ... Жуковскій былъ полонъ мыслью о томъ, что цѣль воспитанія есть образованіе для добродѣтели. Онъ безконечно радовался своей непорочной душою, когда юному ученику его случалось сказать или сдѣлать что-нибудь такое, изъ чего онъ видѣлъ, что великій князь все болѣе и болѣе сознаетъ, что̀ значитъ долгъ и достоинство человѣка.

Среди блеска высочайшаго двора, окруженный роскошью и почетомъ, цесаревичъ никогда не высказывалъ ни малѣйшей надменности или тщеславія. Съ раннихъ лѣтъ привлекалъ онъ къ себѣ сердца

всѣхъ своимъ здравымъ умомъ, правдивостію, кротостію и въ особенности любовію ко всему доброму и отвращеніемъ отъ всего дурнаго и порочнаго.

Великій князь никогда не могъ видѣть безъ участія нужды и горя. Во время своихъ далекихъ прогулокъ съ Мердеромъ или Жуковскимъ, онъ нерѣдко заходилъ къ какому-нибудь бѣдняку и охотно помогалъ ему. И чѣмъ старше становился Александръ Николаевичъ, тѣмъ крѣпче западало въ душу его сострадание ко всѣмъ несчастнымъ и нуждающимся.

Подобно Мердеру и Жуковскому, на нравственное развитіе наслѣдника цесаревича имѣлъ прекрасное вліяніе и законоучитель его, протоіерей Герасимъ Петровичъ Павскій, бывшій самымъ ревностнымъ и просвѣщеннымъ сотрудникомъ Жуковскаго. Молодое сердце царственнаго юноши было уже отъ природы открыто всему доброму и прекрасному, и на это-то сердце, вмѣстѣ съ Мердеромъ и Жуковскимъ, началъ дѣйствовать и протоіерей Павскій, вліяя на него высокими истинами христіанской религіи, которыя онъ умѣлъ передавать съ необыкновенною ясностію, простотою и послѣдовательностію. Мердеръ, Жуковскій и Павскій были собственно тѣ три лица, которыя больше всѣхъ содѣйствовали развитію чувствъ доброты и человѣколюбія въ будущемъ Государѣ.

Подъ благотворнымъ руководствомъ столь доблестныхъ людей, прирожденные Александру Николаевичу благіе задатки быстро и мощно развились въ немъ въ тѣ высокія человѣческія достоинства, благодаря которымъ онъ такъ прославился и возвеличился. Вся жизнь и дѣятельность его представляется живымъ воплощеніемъ его безпредѣльной доброты душевной, истинной человѣчности и горячей любви

къ людямъ вообще и къ народу русскому въ особенности. Человѣколюбіе было какъ бы прирожденнымъ качествомъ Александра Николаевича и служило главнымъ, основнымъ источникомъ всѣхъ его высокихъ стремленій и великихъ дѣяній; оно побуждало его на всѣ подвиги милосердія и самоотверженія, оно же, вмѣстѣ съ непоколебимою вѣрою въ Бога, поддерживало и его долготерпѣніе среди всѣхъ ниспосланныхъ ему Провидѣніемъ испытаній.

Въ 1829 году Императоръ Николай Павловичъ предпринялъ, со всѣмъ своимъ семействомъ, путешествіе въ Варшаву, а затѣмъ и за границу. Какъ воспитатель наслѣдника, Мердеръ сопровождалъ въ этомъ путешествіи царское семейство и ежедневно записывалъ наиболѣе выдающіеся поступки своего воспитанника. 19 марта, сообщаетъ онъ въ своемъ дневникѣ, великій князь Александръ Николаевичъ услыхалъ отъ матери своей, Государыни Императрицы Александры Ѳеодоровны, что онъ будетъ сопровождать Ея Величество въ Варшаву; разсказывая объ этомъ своему воспитателю, цесаревичъ спросилъ, откуда возьмутъ такое множество лошадей, и на данное ему Мердеромъ объясненіе замѣтилъ: „Какое несчастіе для бѣдныхъ мужиковъ, которые принуждены будутъ отдавать своихъ лошадей въ такое время года, когда сами въ нихъ нуждаются!“ На замѣчаніе это Мердеръ пояснилъ великому князю, что такое чувство состраданія къ полезному крестьянскому сословію чрезвычайно похвально и дѣлаетъ ему честь.

По свидѣтельству Мердера, цесаревичъ съ особеннымъ вниманіемъ относился къ путевымъ впечатлѣніямъ и, замѣчая бѣдность крестьянскихъ хижинъ, выражалъ сожалѣніе. „Изъ Дубровки“, пишетъ Мер-

деръ въ своемъ дневникѣ, „мы пошли съ Александромъ Николаевичемъ пѣшкомъ впередъ и успѣли пройти 9 верстъ, прежде нежели насъ нагнали экипажи. Въ 10 часовъ мы сѣли въ коляску и помчались по дорогѣ, усѣянной полуразвалившимися хижинами, изъ оконъ коихъ выглядывали блѣдныя, бѣдностію и рабствомъ искаженныя лица. Проѣзжая деревни, коихъ строенія и сады были крайне запущены и разорены, великій князь удивлялся бѣдности и невѣжеству крестьянъ“.

Далѣе въ томъ же дневникѣ у Мердера записано: „2-го мая мы обѣдали въ Сувалкахъ, въ домѣ, занимаемомъ президентомъ дистрикта. На ночлегъ пріѣхали къ помѣщику Рыдзевскому. Мнѣ было пріятно видѣть поспѣшность великаго князя, съ которою онъ выхватилъ кошелекъ, чтобы помочь несчастной вдовѣ съ тремя малолѣтками“.

Во время того же путешествія, продолжавшагося до 24-го іюня, имѣлъ мѣсто еще слѣдующій случай, о которомъ разсказываетъ въ своихъ запискахъ Мердеръ. Проѣзжая черезъ деревню Яблонку, между городами Пултускомъ и Варшавою, цесаревичъ навѣстилъ, вмѣстѣ съ отцомъ Императоромъ, казармы 8-го линейнаго полка, причемъ шелъ за Государемъ. Одинъ заслуженный, украшенный знаками отличія, офицеръ, поглядѣвъ съ умиленіемъ на проходившаго мимо него великаго князя, обратился къ нему со словами: „Я-бы желалъ имѣть счастіе поцѣловать вашу руку“.—„Позвольте лучше мнѣ имѣть честь поцѣловать васъ“,—возразилъ ему цесаревичъ и съ этими словами бросился на шею къ изумленному офицеру, который послѣ поцѣлуя старался схватить руку наслѣдника, но великій князь, увернувшись, снялъ фуражку, поклонился и какъ стрѣла

пустился за Государемъ. „Можно себѣ вообразить", прибавляетъ къ этому разсказу Мердеръ, „какое чувство овладѣло всѣми здѣсь бывшими свидѣтелями сего нечаяннаго происшествія,—можно-ли не любить такого ребенка?"

Сохранился также разсказъ еще о слѣдующемъ событіи изъ дѣтства Александра Николаевича.

Въ началѣ мая 1831 г., по набережной рѣки Фонтанки въ С.-Петербургѣ, по направленію отъ Инженернаго замка къ Невскому проспекту, шелъ цесаревичъ Александръ Николаевичъ въ сопровожденіи генерала Мердера. Оглядываясь своими добрыми голубыми глазами по сторонамъ, великій князь замѣтилъ, что на одной изъ стоящихъ на рѣкѣ барокъ лежитъ, подъ солнечнымъ припекомъ, какой-то старикъ рабочій, прикрытый, вмѣсто одѣяла, грязною рогожею; при этомъ онъ весь трясся и громко стоналъ. Не успѣлъ Мердеръ оглянуться, какъ наслѣдникъ, по настланнымъ мосткамъ и доскамъ, быстро пробѣжалъ прямо на барку, наклонился надъ старикомъ и сталъ его о чемъ-то разспрашивать. Мердеръ, видимо недовольный, осторожно послѣдовалъ за своимъ воспитанникомъ на барку. Но, по мѣрѣ разспросовъ несчастнаго, мучавшагося въ лихорадкѣ старика рабочаго, недовольство на серьезномъ лицѣ Мердера исчезало, а великій князь, вынувъ изъ кармана платокъ, утиралъ катившіяся изъ его глазъ слезы. Затѣмъ Мердеръ досталъ кошелекъ, вынулъ изъ него золотой и подалъ наслѣднику, который наклонился къ больному старику и положилъ ему деньги на грудь, подъ рогожу. Больной сказалъ что-то и перекрестился нѣсколько разъ, а Мердеръ и цесаревичъ, осторожно ступая по мосткамъ и доскамъ, перебрались съ барки обратно на панель и

пошли дальше. Мердеръ о чемъ-то говорилъ, какъ бы сильно взволнованный, а великій князь шелъ молча рядомъ: глаза его были красны отъ недавнихъ слезъ, а задумчивое лицо было исполнено глубокой грусти и печали...

Среди игръ и занятій науками незамѣтно промелькнули дѣтство и отрочество наслѣдника цесаревича и Мердеръ имѣлъ радость видѣть, какъ исчезъ безвозвратно послѣдній слѣдъ дѣтской лѣни въ его царственномъ питомцѣ и какъ всѣ способности благородной души его проснулись къ дѣятельной жизни.

Радовался и Императоръ Николай Павловичъ, глядя на достойнаго первенца своего. „Я имъ доволенъ“, писалъ счастливый отецъ о 15-тилѣтнемъ цесаревичѣ Александрѣ Николаевичѣ къ его воспитателю, —„у него сердце доброе, готовое на все хорошее и благородное“. Благоговѣйно и преданно полюбилъ наслѣдника цесаревича и весь народъ русскій: все заставляло видѣть въ немъ вѣрный залогъ благословенія Божія на царство русское, все внушало благую надежду, что онъ будетъ радостію и утѣхою народа, славою и гордостію Россіи.

Привязанность Александра Николаевича къ Мердеру не имѣла границъ, а когда Мердеръ, по болѣзни, долженъ былъ разстаться съ великимъ княземъ и уѣхалъ за границу, цесаревичъ переписывался съ нимъ каждую субботу, называя его „безцѣннымъ, милымъ другомъ“ и отдавая ему отчеты во всѣхъ своихъ занятіяхъ, поступкахъ, помыслахъ.

17-го апрѣля 1834 года великому князю Александру Николаевичу исполнилось 16 лѣтъ. День достиженія этого возраста, согласно законамъ Россійской Имперіи, считается для наслѣдника престола

днемъ его совершеннолѣтія, а потому будущій Государь 22-го того-же апрѣля принесъ торжественную присягу на вѣрное служеніе своему отечеству.

Пожелавъ ознаменовать свое совершеннолѣтіе добрымъ дѣломъ, великій князь послалъ петербургскому и московскому генералъ-губернаторамъ по 50.000 рублей для раздачи бѣднѣйшимъ жителямъ столицъ.

Наканунѣ своего совершеннолѣтія Александръ Николаевичъ въ письмѣ къ Мердеру называлъ его „вторымъ отцомъ". Но когда наслѣдникъ писалъ эти строки, Мердера уже не было въ живыхъ: онъ тихо скончался 24-го марта 1834 года за границею, вдали отъ своего любимаго питомца, при особѣ котораго провелъ онъ, въ постоянныхъ трудахъ и заботахъ, десять лѣтъ самой неутомимой, самой ревностной дѣятельности. Привязанность Мердера къ великому князю была такъ сильна, что послѣднее слово, произнесенное имъ на смертномъ одрѣ, было драгоцѣнное для него имя цесаревича, который, въ свою очередь, отплачивалъ своему воспитателю такою же искреннею къ нему привязанностію. Чувство самой нѣжной дружбы связывало Александра Николаевича съ его достойнымъ воспитателемъ, смерть котораго была для него тяжелымъ ударомъ.

Вотъ что̀ писалъ о Мердерѣ, по случаю его кончины, Жуковскій:

„Изъ сорока шести лѣтъ жизни своей, посвятилъ онъ тридцать на службу Государю и послѣднія десять провелъ безотлучно при особѣ Его Высочества Наслѣдника, коего воспитаніе было ему ввѣрено. Отмѣнно здравый умъ, рѣдкое добродушіе и живая чувствительность, соединенные съ холодною твердостію воли и неизмѣннымъ спокойствіемъ души,—таковы были отличительныя черты его характера. Съ

сими свойствами, дарованными природою, соединялъ онъ ясныя правила, извлеченныя имъ изъ опытовъ жизни, правила, отъ коихъ ничто никогда не могло отклонить его въ поступкахъ. Спокойно и смиренно дѣйствовалъ онъ въ кругу своихъ обязанностей, руководимый одною совѣстью, вѣрный долгу, безъ честолюбія, безъ видовъ корысти, строгій съ самимъ собою и удивительно добродушный съ другими. Десять лѣтъ, проведенныхъ имъ при великомъ князѣ, конечно оставили глубокіе слѣды на душѣ его воспитанника; но въ данномъ имъ воспитаніи не было ничего искусственнаго: вся тайна состояла въ благодѣтельномъ, тихомъ, но безпрестанномъ дѣйствіи прекрасной души его, дѣйствіи, которое можно сравнить съ благорастворeніемъ воздуха, необходимымъ для жизни и полнаго развитія растеній. Его питомецъ былъ любимъ нѣжно, жилъ подъ святымъ вліяніемъ прямодушія, честности, благородства; онъ окруженъ былъ порядкомъ; самая строгость принимала съ нимъ выраженіе нѣжности; онъ слышалъ одинъ голосъ правды, видѣлъ одно безкорыстіе — могла ли душа его, отъ природы благородная, не сохраниться свѣжею и непорочною, могла ли не полюбить добра, могла ли въ то же время не пріобрѣсти и уваженія къ человѣчеству, столь необходимаго во всякой жизни, особливо въ жизни близъ трона и на тронѣ?

„Будемъ же радоваться, что душа наслѣдника на разсвѣтѣ своемъ встрѣтилась и породнилась съ прекрасною душою Мердера. Провидѣніе разлучило ихъ въ минуту важную для обоихъ. Все земное кончилось для одного въ то время, когда другой вступалъ въ храмъ для первой присяги на жизнь земную. Одинъ, при переходѣ въ лучшій міръ, простился съ

здѣшнимъ, произнося свое любимое здѣшнее имя: Александръ, Александръ...“

Послѣ своего совершеннолѣтія еще три года провелъ Александръ Николаевичъ за серіозными научными занятіями, заботясь о своемъ всестороннемъ просвѣщеніи. Жуковскій внушалъ ему, что власть Царя происходитъ отъ Бога, и что на высотѣ престола Государь долженъ являть высочайшій примѣръ покорности правдѣ Божіей... Наслѣдникъ постоянно дѣлился мыслями съ Жуковскимъ, относился къ нему съ величайшимъ почтеніемъ, довѣріемъ и любовью, какъ къ наставнику и другу.

2-го мая 1837 г., для пополненія книжнаго ученія и домашняго воспитанія, наслѣдникъ цесаревичъ предпринялъ большое путешествіе по Россіи, съ цѣлію нагляднаго изученія разнообразныхъ мѣстностей своего обширнаго отечества и личнаго ознакомленія съ бытомъ и жизнью, нуждами и потребностями многомилліоннаго народа, его населяющаго. Въ путешествіи этомъ великаго князя сопровождали наставникъ его—Жуковскій и товарищи дѣтства—графъ Віельгорскій и Паткуль.

Желѣзныхъ дорогъ въ Россіи въ то время еще не было (существовала одна только Николаевская желѣзная дорога между С.-Петербургомъ и Москвою), и потому все путешествіе пришлось совершить на лошадяхъ, въ экипажѣ.

Слѣдуя черезъ многіе города Россійской Имперіи, цесаревичъ посѣщалъ всюду замѣчательные въ томъ или другомъ отношеніи соборы, церкви и монастыри, обозрѣвалъ съ особеннымъ вниманіемъ историческія и промышленныя достопримѣчательности каждаго встрѣчавшагося на пути города и селенія и подробно осматривалъ фабрики и заводы, а также пра-

вительственныя, учебныя и благотворительныя заведенія.

Во время этого путешествія, продолжавшагося около восьми мѣсяцевъ, молодой наслѣдникъ престола имѣлъ случай лично увидать и узнать бытъ и нужды своего народа; онъ увидѣлъ и узналъ свое отечество и съ хорошей и съ дурной стороны, изучалъ его внутренній складъ, сходился съ людьми, близко знакомыми съ особенностями и потребностями той или другой мѣстности. Жуковскій водилъ своего царственнаго воспитанника не только въ богатыя хоромы, съ обильными яствами и веселымъ говоромъ, но и въ убогія крестьянскія избы, гдѣ будущій Государь не разъ и вздохи слышалъ и слезы видѣлъ и выслушивалъ разсказы о горькомъ житьѣ-бытьѣ. Очень понятно, что такое путешествіе, совершенное притомъ въ молодые годы, когда душа особенно впечатлительна и воспріимчива, должно было имѣть огромное вліяніе на всю послѣдующую жизнь будущаго Императора. Юный наслѣдникъ престола видѣлъ во время этого путешествія горе тяжкое, бѣдность непроглядную, слышалъ рѣчи скорби народной. И доброе сердце его болѣло; горе народа стало его горемъ. Крѣпко залегло ему на душу помочь бѣднякамъ, облегчить ихъ горькую участь; и по восшествіи на престолъ онъ не замедлилъ привести завѣтное желаніе свое въ исполненіе.

Во всѣхъ мѣстахъ по пути слѣдованія высокаго путешественника толпы народа встрѣчали и провожали государева сына непрерывными привѣтственными кликами, выказывая трогательное умиленіе и простое, неподдѣльное чувство радости и сердечнаго расположенія: въ сынѣ своего Царя народъ видѣлъ святую надежду Россіи, залогъ ея будущаго счастія.

Горожане подносили хлѣбъ-соль, дворянство давало блестящіе балы и пышныя празднества, простой же народъ, выпрягая зачастую лошадей изъ экипажа цесаревича, добивался счастія везти его на себѣ. По пріѣздѣ же наслѣдника въ Сибирь, населеніе этого края пришло въ положительный восторгъ. Цесаревичъ Александръ Николаевичъ былъ первый изъ августѣйшихъ особъ, посѣтившій этотъ отдаленный край, а потому жители Сибири встрѣчали его восторженными словами: „доселѣ нашъ край былъ Сибирью, съ сихъ поръ сталъ Россіей".

Уже въ этомъ путешествіи опредѣлился наглядно характеръ наслѣдника цесаревича. Бывши въ Сибири, цесаревичъ имѣлъ случай увидѣть собственными глазами, какое страшно тяжелое положеніе приходится выносить сосланнымъ туда преступникамъ. Покоряясь доброму движенію своего человѣколюбиваго сердца, глубоко тронутый наслѣдникъ пишетъ изъ Сибири къ державному родителю своему и со всею свободою сына молитъ его любящею душою объ облегченіи тяжкой участи каторжниковъ. 24-го іюля, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Симбирска, цесаревича настигъ фельдъ-егерь и вручилъ ему письмо отъ отца-Государя, въ которомъ Императоръ Николай Павловичъ извѣщалъ сына-наслѣдника о своемъ повелѣніи смягчить положеніе каторжныхъ и уменьшить нѣкоторымъ изъ нихъ сроки наказанія. Цесаревичъ поспѣшилъ сообщить Жуковскому содержаніе этого письма, и тутъ же, среди дороги, подъ открытомъ небомъ, наслѣдникъ престола и его другъ-наставникъ обнялись во имя Царя, возвѣстившаго имъ милость къ несчастнымъ. Жуковскій не могъ безъ слезъ вспоминать этой минуты, которую называетъ „одною изъ счастливѣйшихъ въ своей жизни".

Поэтъ-наставникъ видѣлъ, на какую благодатную почву упали его уроки, его совѣтъ—въ самыхъ высокихъ положеніяхъ жизни, среди величайшихъ успѣховъ, „не забывать святѣйшаго изъ званій — человѣка".

Объѣхавъ около 30 губерній своего отечества, наслѣдникъ цесаревичъ посвюду внимательно выслушивалъ народъ, освѣдомлялся о его нуждахъ и потребностяхъ и лично принялъ до 16-ти тысячъ просьбъ, изъ которыхъ наиболѣе важныя представлены были затѣмъ Государю Императору.

10-го декабря того-же 1837 года Александръ Николаевичъ, послѣ восьмимѣсячнаго путешествія, возвратился въ С.-Петербургъ. Главную пользу отъ этого путешествія Жуковскій видѣлъ не столько въ пріобрѣтеніи наслѣдникомъ свѣдѣній о состояніи Россіи, сколько въ томъ глубокомъ нравственномъ впечатлѣніи, которое производила на него встрѣчаемая имъ всюду непритворная народная любовь и преданность. Да и самъ цесаревичъ былъ, съ своей стороны, полонъ радостнаго благодарнаго чувства къ русскому народу. Онъ видѣлъ родину свою и народъ свой лицомъ къ лицу и почувствовалъ, что въ груди его бьется русское сердце. Въ письмѣ къ одному изъ своихъ наставниковъ онъ выразилъ общее впечатлѣніе свое отъ путешествія слѣдующими словами: „Я своими глазами и вблизи познакомился съ нашей матушкой Россіею и научился еще болѣе любить ее и уважать. Да, намъ точно можно гордиться, что мы принадлежимъ Россіи и называемъ ее своимъ отечествомъ".

Возвратясь изъ своего путешествія по Россіи, наслѣдникъ цесаревичъ прослушалъ еще высшіе курсы наукъ, знаніе которыхъ признано было необходи-

мымъ для наслѣдника престола, какъ будущаго правителя государства; послѣ чего воспитаніе и ученіе Александра Николаевича было закончено.

Въ началѣ мая 1838 года, наслѣдникъ цесаревичъ предпринялъ, въ сопровожденіи Жуковскаго и прочихъ особъ свиты, новое путешествіе, на этотъ разъ уже за границу своего отечества, въ чужіе края. Жуковскій не могъ нарадоваться тому впечатлѣнію, которое произвелъ наслѣдникъ повсюду за границею. „Вездѣ“, говоритъ онъ, „поняли его чистоту душевную, его прямой, высокій характеръ; всюду произвелъ онъ одинаковое впечатлѣніе: его полюбили и отдали справедливость тѣмъ качествамъ, которыя онъ подлинно имѣетъ, его чистому сердцу, его здравому уму и тому достоинству, которое онъ непринужденно и самымъ привлекательнымъ образомъ сохраняетъ“.

Но среди всѣхъ новостей и радостей заграничной поѣздки, наслѣдникъ цесаревичъ постоянно вспоминалъ свою родную Россію, свое по ней путешествіе, народную къ нему любовь и привязанность, велъ переписку съ близкими ему людьми и получалъ изъ Россіи новыя книги. „Сколько разъ“, писалъ онъ изъ за границы своему бывшему преподавателю исторіи, Арсеньеву, „вспоминалъ я, во время моего европейскаго странствованія, наше россійское путешествіе, которое на всю жизнь оставило мнѣ самое пріятное воспоминаніе“.

Побывавъ почти во всѣхъ государствахъ Западной Европы, цесаревичъ въ концѣ іюня 1839 г. возвратился въ Петербургъ, а затѣмъ весною слѣдующаго 1840 года вновь отправился за границу, куда теперь влекла его уже не одна любознательность, но и желаніе выбрать себѣ по сердцу и вкусу по-

другу жизни. Выборъ Александра Николаевича палъ на пятнадцатилѣтнюю дочь великаго герцога Гессенъ-Дармштадтскаго, принцессу Марію.

Въ сентябрѣ того же года высоконарѣченная невѣста наслѣдника цесаревича имѣла торжественный въѣздъ въ С.-Петербургъ, гдѣ она приняла св. мѵропомазаніе по уставу православной церкви, съ именемъ великой княжны Маріи Александровны, а 16-го апрѣля 1841 года совершилось бракосочетаніе ихъ Высочествъ, при общемъ ликованіи народа.

Со вступленіемъ въ супружество, для Александра Николаевича начались годы безмятежнаго семейнаго счастья. Господь благословилъ брачный союзъ его съ Маріей Александровной. Только старшая дочь ихъ, великая княжна Александра Александровна скончалась въ младенческомъ возрастѣ; четыре же сына, великія князья Николай, Александръ, Владиміръ и Алексѣй Александровичи и вторая дочь, великая княжна Марія Александровна, родившіеся до воцаренія, равно какъ и два младшихъ сына, великіе князья Сергій и Павелъ Александровичи, родившіеся уже по вступленіи Александра Николаевича на престолъ, росли, развивались и разцвѣтали подъ попечительнымъ взоромъ нѣжно любившихъ ихъ матери и отца. Какъ ни занятъ былъ Александръ Николаевичъ, уже будучи Императоромъ, государственными дѣлами, онъ все же удѣлялъ вниманіе и августѣйшей семьѣ своей, и воспитаніе дѣтей составляло предметъ постоянныхъ заботъ Государя.

Особенное вниманіе обращалъ Императоръ Александръ II на воспитаніе старшаго своего сына, великаго князя Николая Александровича, желая всесторонне подготовить его къ предстоявшей ему великой роли Монарха Россійской Имперіи. Но—увы!

надеждамъ Государя не суждено было осуществиться: наслѣдникъ цесаревичъ Николай Александровичъ преждевременно скончался 12-го апрѣля 1865 года, на 22-мъ году отъ роду, и наслѣдникомъ престола, согласно закону о престолонаслѣдіи, провозглашенъ былъ тогда второй сынъ Государя, великій князь Александръ Александровичъ.

Въ 1843 году и затѣмъ въ 1847 году Александръ Николаевичъ и августѣйшая супруга его Марія Александровна ѣздили въ Дармштадтъ, съ цѣлью посѣщенія семьи родныхъ государыни цесаревны. Все же остальное время до восшествія на престолъ будущій Императоръ посвящалъ трудамъ государственнымъ, выполняя, согласно волѣ своего родителя, разнородныя, возлагавшіяся на него, высочайшія порученія.

Въ сентябрѣ 1850 года цесаревичъ Александръ Николаевичъ предпринялъ новое путешествіе на югъ Россіи и на Кавказъ. Мирные туземные жители и храбрыя войска наши встрѣчали и провожали его всюду восторженно. Во время этого путешествія молодой наслѣдникъ цесаревичъ, принимая участіе въ экспедиціи русскаго отряда, подъ предводительствомъ намѣстника кавказскаго, противъ горцевъ, выказалъ великое самоотверженіе и поразившую всѣхъ храбрость, за что̀ и пожалованъ былъ Государемъ, по представленію намѣстника Кавказа, орденомъ святого великомученика Георгія. Случай, доставившій Александру Николаевичу этотъ знакъ отличія, заключался въ томъ, что цесаревичъ, находясь при слѣдованіи русскаго войнскаго отряда на встрѣчу партіи горцевъ и услыхавъ за цѣпью горъ перестрѣлку непріятеля, немедленно поскакалъ по направленію перестрѣлки съ такою быстротою и отважностью, что жизнь его подвергалась явной опасности.

Въ 1852 году скончался за границею В. А. Жуковскій. Тѣло его привезено было въ С.-Петербургъ и въ Александро-Невской лаврѣ отслужена была надъ нимъ панихида, въ присутствіи наслѣдника цесаревича Александра Николаевича, сохранившаго на всю жизнь нѣжную любовь и глубокое уваженіе къ своему бывшему наставнику. Слезы цесаревича, оплакивавшаго утрату своего горячо любимаго наставника, смѣшались со слезами почитателей Жуковскаго, какъ маститаго поэта, и гробъ его, вмѣстѣ съ другими друзьями покойнаго, несъ изъ церкви до самой могилы также и наслѣдникъ цесаревичъ.

ГЛАВА II.

Крымская война.—Восшествіе на престолъ.—Коронованіе.—Отмѣна отдачи въ солдаты въ видѣ наказанія.

Въ концѣ 1853 года наступило тяжелое, безотрадное время для земли русской.

Еще въ XV столѣтіи, т. е. около 400 лѣтъ тому назадъ, Балканскій полуостровъ, на которомъ жили, между прочимъ, славянскія племена: болгары и сербы, завоеванъ былъ турками—народомъ другой вѣры и другого племени. Послѣ этого балканскіе славяне потеряли свою независимость, подпали подъ владычество дикихъ турокъ и съ тѣхъ поръ томились въ турецкой неволѣ, претерпѣвая всевозможныя невзгоды и притѣсненія.

Положеніе подвластныхъ Турціи православныхъ христіанъ было по истинѣ ужасно: эти „невѣрные", „райя" (рабочій скотъ) или „гяуры" (собаки), какъ называли ихъ турки, не имѣли ни тѣхъ правъ, ни

той свободы вѣроисповѣданія, которыми пользовались мусульманскіе подданные турецкаго султана.

Собирая съ подвластныхъ Турціи славянскихъ народовъ подати, турецкіе чиновники прибѣгали къ страшнымъ жестокостямъ и возмутительному насилію, брали не только то, что̀ слѣдовало, но забирали все, что̀ только можно было забрать, угоняли скотъ, сжигали, разграбляли и опустошали цѣлыя села и деревни, подвергая жителей ихъ различнымъ мученіямъ, убивали дѣтей и женщинъ, смѣялись надъ христіанскою вѣрою.

Изъ всѣхъ европейскихъ державъ несчастію славянъ сочувствовала искренно одна только Россія. Начиная съ Петра Великаго, всѣ русскіе Государи принимали живѣйшее участіе въ судьбѣ подвластныхъ Турціи славянъ, являлись постоянно ихъ защитниками и покровителями, заступались за нихъ передъ европейскими государствами и турецкимъ султаномъ.

Православные русскіе люди всегда считали за великое счастіе побывать въ Іерусалимѣ, у Святыхъ Мѣстъ, находящихся во власти султана и постоянно массами стекаются туда на поклоненіе Гробу Господню. Исповѣдуя христіанскую религію греческаго закона, которую исповѣдуетъ и бо̀льшая часть христіанскаго населенія Турціи (греки, сербы, молдоване и проч.), Россія исконн пользовалась въ Святыхъ Мѣстахъ бо̀льшими правами и преимуществами, чѣмъ всѣ прочія государства Западной Европы.

Между тѣмъ, въ концѣ 1853 года Турція, слѣдуя внушенію Франціи, сдѣлала въ Іерусалимѣ нѣкоторыя уступки въ пользу католиковъ, причемъ самое важное нарушеніе вѣковыхъ правъ православной греческой церкви, оскорбившее какъ духовенство, такъ и все православное народонаселеніе Россіи, заключалось

въ томъ, что у православнаго патріарха въ Іерусалимѣ отняты были находившіеся у него до тѣхъ поръ ключи отъ главныхъ дверей Виѳлеемской церкви и переданы католическому духовенству; по существующему же въ Святыхъ Мѣстахъ мнѣнію, обладаніе этими ключами какъ-бы обозначаетъ обладаніе всѣмъ храмомъ.

Императоръ Николай Павловичъ, какъ защитникъ и покровитель христіанскаго населенія Турціи, потребовалъ, чтобы вѣковыя права православной церкви въ Святыхъ Мѣстахъ и вообще права христіанъ въ Турецкой Имперіи были возстановлены. Но турецкій султанъ, надѣясь на обѣщанную ему поддержку со стороны двухъ могущественнѣйшихъ тогда западноевропейскихъ державъ—Франціи и Англіи, отказался удовлетворить справедливое требованіе русскаго Государя и такимъ образомъ вызвалъ Россію на войну съ Турціею.

Таковы были причины начавшейся осенью 1853 г. и нынѣ еще живой въ памяти русскаго народа Восточной или Крымской войны, веденной одновременно въ двухъ частяхъ свѣта -въ Европѣ и въ Азіи и притомъ какъ на сушѣ, такъ и на морѣ.

Сначала Россія воевала съ одною только Турціею. Турки первые начали военныя дѣйствія, но вездѣ были разбиваемы русскими войсками и постоянно терпѣли пораженія, хотя и избѣгали рѣшительныхъ сраженій.

Особенно блистательная побѣда одержана была русскими надъ турками при турецкомъ городѣ Синопѣ на южномъ берегу Чернаго моря. Русскимъ флотомъ командовалъ храбрый и опытный адмиралъ Нахимовъ. Въ ноябрѣ 1853 года Нахимовъ, крейсируя въ Черномъ морѣ, отыскалъ турецкій

флотъ, стоявшій на Синопскомъ рейдѣ, подъ защитою береговыхъ укрѣпленій. Не смотря на то, что турецкихъ кораблей было гораздо больше, чѣмъ русскихъ, Нахимовъ немедленно бросился на непріятеля и послѣ ожесточеннаго боя, длившагося менѣе чѣмъ полтора часа, турецкій флотъ былъ совершенно истребленъ. Самъ начальникъ его, Османъ-Паша, былъ тяжело раненъ и взятъ въ плѣнъ.

Морская побѣда надъ турками при Синопѣ, свидѣтельствовавшая объ отличномъ состояніи русскаго черноморскаго флота, сильно встревожила Францію и Англію, которыя, желая остановить Россію на пути къ могуществу и опасаясь за самое существованіе слабой Турціи, поспѣшили ей на помощь: сильный флотъ ихъ появился въ Черномъ морѣ и началъ препятствовать русскимъ военнымъ судамъ въ свободномъ плаваніи для обороны русскихъ береговъ.

Съ этого времени Россія должна была одна, безъ союзниковъ, вести войну съ тремя сильными державами, защищаться не отъ однихъ только турокъ, но и отъ англичанъ и французовъ, поставившихъ себѣ цѣлью—обезсилить Россію и низвести ее съ того положенія, которое она занимала въ средѣ европейскихъ державъ. Борьба была не равная. Враги наши были велики числомъ и имѣли на своей сторонѣ превосходство оружія и путей сообщенія: между тѣмъ какъ они легко получали подкрѣпленія и продовольствіе при помощи своего огромнаго флота, сообщеніе внутренней Россіи съ ея окраинами, за отсутствіемъ у насъ въ то время желѣзныхъ дорогъ (существовала одна только Николаевская желѣзная дорога между С.-Петербургомъ и Москвою *), должно было происходить обширными степями по простымъ дорогамъ.

*) Не считая Царскосельской, между С.-Петербургомъ и Павловскомъ, длиною всего въ 25 верстъ.

Къ тому же трудность борьбы увеличивалась еще оттого, что войска русскія должны были отражать непріятеля одновременно на разныхъ пунктахъ обширнаго своего отечества.

И дѣйствительно, двинувъ свой флотъ въ Черное море, союзники въ то же время открыли непріязненныя дѣйствія противъ Россіи и въ Балтійскомъ и Бѣломъ моряхъ и даже въ Восточномъ океанѣ у береговъ Камчатки, нападая на беззащитные русскіе города и опустошая села и деревни. Хотя нападенія непріятеля вездѣ почти были отбиваемы, но это развлекало наши силы: мы не имѣли возможности сосредоточить ихъ въ достаточномъ числѣ на одномъ какомъ-либо мѣстѣ.

Впрочемъ, главнымъ театромъ военныхъ дѣйствій сдѣлался полуостровъ Крымъ, вслѣдствіе чего и самая война 1853—1856 годовъ извѣстна подъ названіемъ Крымской кампаніи.

Подплывъ къ берегамъ Крыма, союзный флотъ высадилъ 8 сентября 1854 года у Евпаторіи значительную часть пѣхоты и кавалеріи, числомъ болѣе 63.000 человѣкъ. По высадкѣ на берегъ, союзныя войска немедленно двинулись къ нашему главному военному порту на Черномъ морѣ—Севастополю, съ цѣлію взять этотъ городъ и уничтожить запертый въ его гавани русскій черноморскій флотъ.

Главнокомандующимъ военными силами въ Крыму назначенъ былъ князь Меньшиковъ. Узнавъ о высадкѣ непріятеля, онъ хотѣлъ задержать движеніе его къ Севастополю и съ этою цѣлію занялъ крѣпкую позицію на гористомъ берегу рѣки Альмы, впадающей въ Черное море; но такъ какъ у него было вдвое менѣе войска, нежели у союзниковъ и, сверхъ того, непріятельская армія была вооружена лучше нашей,

то сраженіе было нами проиграно и русскія войска должны были отступить къ сѣверу.

Въ то время, какъ князь Меньшиковъ стягивалъ войска къ рѣкѣ Альмѣ, чтобы сразиться съ непріятелемъ,—въ самомъ Севастополѣ шла дружная и дѣятельная работа по укрѣпленію города и принимались всѣ мѣры къ тому, чтобы воспрепятствовать непріятельскому флоту ворваться въ Севастопольскую бухту.

Удаляясь изъ Севастополя, князь Меньшиковъ начальство надъ сѣвернымъ укрѣпленіемъ и оборону всей сѣверной стороны возложилъ на адмирала Корнилова, а завѣдываніе морскими командами, расположенными на оборонительной линіи южной стороны, поручилъ адмиралу Нахимову.

Обративъ вниманіе на оборону самого Севастополя и полагая, что наибольшая опасность угрожала ему со стороны моря, князь Меньшиковъ приказалъ адмиралу Корнилову, для преграждения непріятелю доступа къ городу съ этой стороны, загородить входъ въ рейдъ, затопивъ тамъ для сего наши старые корабли и фрегаты, а экипажъ съ затопленныхъ судовъ употребить для усиленія сухопутныхъ войскъ.

Получивъ означенное приказаніе, Корниловъ собралъ 9-го сентября военный совѣтъ и предложилъ, вмѣсто затопленія собственныхъ кораблей на рейдѣ при входѣ въ Севастопольскую бухту, выйти со всѣмъ флотомъ въ открытое море и сразиться съ вдвое бóльшимъ флотомъ непріятеля. Хотя такое исполненное геройской удали предложеніе уважаемаго адмирала вполнѣ согласовалось со свойственною черноморскимъ морякамъ рѣшимостью, но, усомнившись въ успѣхѣ предложеннаго Корниловымъ отважнаго

предпріятія, большинство членовъ совѣта не выразило на то̀ своего согласія и предпочло, для спасенія родного города, заградить входъ на рейдъ, пожертвовавъ для сего нѣсколькими старѣйшими по службѣ кораблями.

Неохотно согласился Корниловъ съ мнѣніемъ большинства, но, получивъ вторичное приказаніе князя Меньшикова о затопленіи фарватера, вынужденъ былъ покориться горькой необходимости и съ болью въ сердцѣ приступилъ къ тяжелому для всего черноморскаго флота дѣлу—затопленію собственными руками родныхъ кораблей въ водахъ родного порта.

Предназначивъ для затопленія фарватера пять старыхъ, сослужившихъ уже свою службу, кораблей и два фрегата, Корниловъ приказалъ 10-го сентября командирамъ обреченныхъ на гибель судовъ свезти съ нихъ на берегъ все, что̀ можно было убрать въ теченіе вечера и ночи, а на разсвѣтѣ 11-го сентября—срубить мачты и затопить корабли. Одинъ изъ кораблей этихъ, носившій названіе „Три Святителя“ и участвовавшій въ Синопской битвѣ, дольше другихъ держался на водѣ, какъ-бы упираясь и отказываясь разстаться съ жизнью. Не смотря на широкія отверстія, прорубленныя въ его подводной части, онъ погружался настолько медленно, что пароходу „Громоносецъ“ приказано было бросить въ несчастный корабль нѣсколько ядеръ и тѣмъ ускорить его погруженіе. Болѣзненно дрогнули сердца моряковъ подъ выстрѣлы „Громоносца“; наконецъ, въ исходѣ перваго часа пополудни корабль зашатался и исчезъ въ волнахъ рейда. Большинство матросовъ и многіе изъ офицеровъ были до слезъ тронуты этимъ печальнымъ зрѣлищемъ: имъ было невыразимо жаль,

что корабли, на которыхъ они служили, съ которыми сроднились какъ съ товарищами, должны погибнуть, не помѣрившись силами съ непріятелемъ въ честномъ и горячемъ бою.

Подступивъ къ Севастополю, враги наши осадили его съ моря и съ суши, послѣ чего началась едва-ли не безпримѣрная въ военныхъ лѣтописяхъ геройская оборона Севастополя, продолжавшаяся цѣлыхъ 11 мѣсяцевъ и ознаменованная чудесами храбрости и самоотверженія. За то каждый мѣсяцъ службы въ Севастополѣ во время этой ужасной обороны Высочайше повелѣно было считать за годъ!

Севастополь, какъ приморскій городъ, былъ сначала хорошо укрѣпленъ только съ моря; съ сухого же пути городъ этотъ былъ не только совершенно беззащитенъ, но даже и не окопанъ. Но между тѣмъ какъ союзники медлили нападеніемъ, русскія войска, въ виду грозныхъ силъ непріятеля, воспользовались его нерѣшительностію и стали готовиться къ отчаянной оборонѣ. Подъ руководствомъ храбраго и искуснаго начальника инженеровъ въ Севастополѣ—инженеръ-полковника Тотлебена, они, въ нѣсколько дней, возвели, на глазахъ осаждающаго непріятеля, такія земляныя укрѣпленія, которыя можно было взять только послѣ неимовѣрныхъ усилій и по всѣмъ правиламъ военнаго искусства. Работа по возведенію оборонительной линіи кипѣла непрерывно и днемъ и ночью. Работали безъ устали не только войска, но и городскіе жители, не только мужчины, но и женщины и даже дѣти, таская землю, собирая для возведенія укрѣпленій прутья, колья, камни и т. п.; матросы же перетаскивали на себѣ снятыя съ кораблей пушки и устанавливали ихъ на укрѣпленіяхъ. Благодаря такому всеобщему одушевленію, Севасто-

поль съ невѣроятною быстротою огражденъ былъ и съ сухого пути рядомъ такихъ укрѣпленій, которыя приводили въ изумленіе самихъ союзниковъ и превратили совершенно незащищенный до того времени городъ въ неприступную твердыню.

Рано утромъ 5-го октября 1854 года непріятель открылъ первое бомбардированіе по севастопольскимъ укрѣпленіямъ.

Три часа продолжалась жестокая пальба съ непріятельскихъ батарей, становясь все сильнѣе и сильнѣе.

Принявшій отъ князя Меньшикова начальство надъ сѣвернымъ укрѣпленіемъ и оборону всей сѣверной стороны Севастополя храбрый и неутомимый адмиралъ Корниловъ, желая самъ все видѣть и собственнымъ примѣромъ поддержать бодрость духа въ войскахъ, поѣхалъ на 3-й бастіонъ (укрѣпленіе), гдѣ происходило наиболѣе жаркое дѣло. Многіе офицеры упрашивали его не подвергать себя явной опасности, обѣщая исполнить свой долгъ по совѣсти. Но Корниловъ, не смотря на ихъ просьбы, поскакалъ, во время сильнѣйшаго бомбардированія, далѣе на Малаховъ курганъ, гдѣ находились главныя укрѣпленія наши, и тамъ вскорѣ былъ смертельно раненъ непріятельскимъ ядромъ въ верхнюю часть лѣвой ноги, у самаго живота.

„Отстаивайте Севастополь! Не отдавайте его!“ проговорилъ Корниловъ, собравшись съ силами, окружавшимъ его офицерамъ, и вслѣдъ за тѣмъ, лишившись чувствъ, былъ перенесенъ въ морской госпиталь, гдѣ и умеръ послѣ двухъ часовъ жестокихъ, почти непрерывныхъ, страданій. „Скажите всѣмъ, какъ пріятно умирать, когда совѣсть спокойна! Благослови Господи Россію и Государя; спаси Севасто-

поль и флотъ". Таковы были последнія слова этого незабвеннаго героя.

Вѣсть о смерти беззавѣтно-храбраго адмирала поразила скорбію мужественныхъ защитниковъ Севастопоря, глубоко уважавшихъ и любившихъ покойнаго.

Между тѣмъ бомбардированіе по севастопольскимъ укрѣпленіямъ продолжалось. Посреди порохового дыма, при грохотѣ орудій завязывался время отъ времени и кровавый рукопашный бой; но всѣ приступы непріятеля были каждый разъ отбиваемы дружнымъ и мужественнымъ отпоромъ севастопольскаго гарнизона, малаго числомъ, но за то великаго духомъ и преданностію своему долгу. Тогда союзники снова принимались бомбардировать крѣпость и съ суши и съ моря, громя севастопольскія укрѣпленія сотнями тысячъ выстрѣловъ.

Такъ проходили дни за днями, мѣсяцы за мѣсяцами. Борьба становилась все ужаснѣе и ужаснѣе. Каждый день, каждый часъ уносилъ новыя жертвы, опустошая ряды доблестныхъ защитниковъ Севастополя. Герои-воины гибли тысячами, но не сдавались, а оставшіеся въ живыхъ не знали покоя: днемъ они должны были сражаться, ночью же исправлять поврежденныя укрѣпленія; на мѣсто павшихъ героевъ становились новые, и Севастополь все по прежнему оставался неприступнымъ и не сокрушеннымъ, на удивленіе цѣлому свѣту.

Одновременно съ другими осадными и оборонительными работами, въ Севастополѣ пришлось вести еще въ обширныхъ размѣрахъ и подземную войну, которая ведена была и съ нашей и съ непріятельской стороны съ замѣчательнымъ искусствомъ.

Дѣло въ томъ, что когда французскія осадныя

работы передъ нашимъ славнымъ 4-мъ бастіономъ подвинулись настолько впередъ, что непріятелю уже не было возможности продолжать подступать къ нашимъ укрѣпленіямъ открыто, французы рѣшились попытаться облегчить себѣ подступъ къ бастіону инымъ, болѣе скрытымъ, путемъ. Съ этою цѣлью они приступили къ подземнымъ минымъ (подкопнымъ) работамъ, т. е. стали рыть подъ землею длинные ходы (мины), намѣреваясь подкопаться подъ наши укрѣпленія, взорвать ихъ посредствомъ пороха на воздухъ и затѣмъ броситься на штурмъ и овладѣть такимъ образомъ нашимъ бастіономъ, который невозможно было взять открытою силою.

Въ виду сего необходимо было начать и съ нашей стороны контръ-минныя (т. е. встрѣчныя подкопныя) работы, съ тѣмъ, чтобы, идя скрытно подъ землею на встрѣчу непріятеля, препятствовать его работамъ и разрушать ихъ взрывами.

Хотя во многихъ мѣстахъ успѣшному ходу подземныхъ работъ мѣшала грунтовая вода, мѣстами совершенно затоплявшая работы, но, не смотря на это, равно и на многія другія затрудненія и препятствія, подземныя работы подвигались впередъ весьма быстро.

Всѣ работы по устройству контръ-минъ и самое веденіе подземной войны съ нашей стороны были поручены инженеръ-полковнику Тотлебену. Ему мы, главнѣйшимъ образомъ, обязаны славною защитою Севастополя, оборонительныя средства котораго были, такъ сказать, созданы Тотлебенымъ во время самой обороны города и по справедливости заслужили ему всемірную извѣстность.

Прошло около полугода со времени высадки непріятеля у Севастополя, а городъ этотъ все не на-

далъ, былъ все также крѣпокъ и грозенъ, какъ и въ самомъ началѣ осады. Тогда союзники убѣдились въ невозможности взять Севастополь открытою силою и приступили къ правильной осадѣ.

Въ эту-то самую трудную и опасную для государства минуту войны, въ самый разгаръ борьбы Россіи съ могущественнѣйшими державами Западной Европы, вмѣшавшимися въ нашу войну съ Турціею, Императоръ Николай Павловичъ серьезно занемогъ и черезъ нѣсколько дней, 18 февраля 1855 г., скончался, а на слѣдующій день, 19-го того же февраля сынъ и преемникъ его, Императоръ Александръ Николаевичъ вступилъ на престолъ своихъ предковъ. „Служи Россіи!“ завѣщалъ Императоръ Николай I, лежа на смертномъ одрѣ, своему сыну—наслѣднику. „Мнѣ хотѣлось принять на себя все трудное, все тяжкое, оставить тебѣ царство мирное, устроенное и счастливое... Провидѣніе судило иначе!“

И дѣйствительно, страшные, тяжелые дни переживала Россія въ годину восшествія на престолъ Императора Александра II-го... Но новый Царь свято исполнилъ предсмертное завѣщаніе своего августѣйшаго родителя: вся его жизнь была однимъ великимъ служеніемъ на пользу Россіи, всѣ его труды и заботы были направлены къ одной цѣли—ко благу и счастію его подданныхъ, къ благоденствію и славѣ Россіи.

По вступленіи Императора Александра Николаевича на прародительскій престолъ, 19-го февраля 1855 года данъ былъ высочайшій манифестъ, въ которомъ Императоръ Александръ II, объявляя русскому народу о поразившемъ всѣхъ неожиданномъ страшномъ ударѣ и великой скорби своей и всѣхъ вѣрноподданныхъ, просилъ Бога о дарованіи себѣ

силъ для подъятія тяжкаго бремени быть царемъ и пріялъ „священный обѣтъ—имѣть постоянною единою цѣлію трудовъ и попеченій своихъ—утвержденіе и возвышеніе благоденствія Россіи“. „Мы положили въ сердцѣ своемъ“,—говорится далѣе въ томъ же манифестѣ,—„обнимать нашею царскою любовью и попеченіемъ всѣхъ нашихъ вѣрноподданныхъ всякаго званія и состоянія“.

Въ ознаменованіе начала своего царствованія, Александръ II, по примѣру августѣйшихъ своихъ предковъ, даровалъ народу своему всевозможныя льготы, а тѣмъ изъ подданыхъ, которые омрачили себя противозаконными дѣяніями, но могли еще быть нравственно исправлены и новою жизнью загладить прошлое, даровалъ онъ, Государь, прощеніе или облегченіе участи.

Хотя новый Государь и отличался величайшимъ миролюбіемъ, но честь Россіи и священная память усопшаго родителя побудили его неуклонно продолжать начатую еще до его воцаренія Восточную войну. Государь хорошо зналъ, въ какомъ положеніи находится дѣло; зналъ какъ трудно поддержать честь Россіи въ страшно неравной борьбѣ и не скрывалъ этого отъ своихъ подданныхъ, а ободрялъ ихъ и вызывалъ на новыя жертвы и новые подвиги.

На мѣсто князя Меньшикова, который, по разстроенному здоровью, просилъ увольненія, Государь назначилъ главнокомандующимъ военными силами въ Крыму генералъ-адъютанта князя Горчакова. Вслѣдъ затѣмъ, въ помощь храбрымъ войскамъ нашимъ, собрано было государственное ополченіе и произведены новые рекрутскіе наборы; весь народъ русскій, всѣ сословія были призваны на защиту св. вѣры и родины.

Ратники государственнаго ополченія покинули дома и семейства свои, чтобы дѣлить съ испытанными въ битвахъ войсками труды и лишенія, и являли вмѣстѣ съ ними примѣръ изумительнаго терпѣнія, непоколебимаго мужества и готовности жертвовать всѣмъ за Царя и отечество.

Доблестно сослужили свою боевую службу ополченцы въ эту трудную, тяжелую годину Крымской войны. Многіе изъ нихъ, защищая въ рядахъ храбрыхъ войскъ честь Руси православной, пали геройскою смертью и показали всему свѣту, какое могущество духа живетъ въ народѣ русскомъ.

Между тѣмъ и враги наши не теряли времени. Въ теченіе зимы къ нимъ присоединился новый союзникъ—Сардинія, приславшая въ Крымъ свое 15-ти тысячное войско, такъ что къ веснѣ 1855 года число всѣхъ непріятельскихъ войскъ въ Крыму возросло почти до 200 тысячъ человѣкъ.

7 марта 1855 года наша армія понесла новую тяжелую потерю, лишившись славнаго защитника Малахова кургана въ Севастополѣ—доблестнаго контръ-адмирала Истомина. Неусыпной дѣятельности Истомина Малаховъ курганъ обязанъ своимъ устройствомъ и быстрымъ, столь страшнымъ для врага, вооруженіемъ. Можно положительно сказать, что Истоминъ создалъ изъ Малахова кургана отдѣльную грозную крѣпость. Съ какою неутомимою бодростью, съ какимъ рвеніемъ и геройскимъ самоотверженіемъ относился Истоминъ къ своему трудному дѣлу, видно уже изъ того, что онъ съ самаго начала осады Севастополя даже не раздѣвался для сна, вообще спалъ весьма мало и когда многіе храбрые, испытанные въ бою сослуживцы адмирала изъявляли удивленіе его необыкновенной отвагѣ и совершенному равнодушію

къ смерти, онъ повторялъ: „А я удивляюсь вашему удивленію! Я и такъ незаконно живу на свѣтѣ: мнѣ слѣдовало быть убитымъ еще въ первую бомбардировку; почему же не играть мнѣ тѣмъ, чѣмъ пользуюсь долѣе срока“.

Истоминъ погибъ въ то время, когда возвращался съ Камчатскаго люнета (укрѣпленія) на свой Малаховъ курганъ. По сторонамъ его шли командиръ люнема Сенявинъ и инженерный офицеръ Черкавскій. Истоминъ пошелъ не по траншеѣ (ровъ), а по сягребню. „Ваше Превосходительство, сойдите въ траншею: тутъ очень опасно идти“, сказалъ ему Сенявинъ. „Э, батюшка, отъ ядра, все равно, не спрячешься“—отвѣчалъ Истоминъ,—и въ это мгновеніе ядро оторвало ему голову, контузивъ Сенявина въ руку и ударивъ Черкавскаго въ голову костями черепа адмирала...

На слѣдующій день происходили похороны Истомина. Гробъ его, вмѣстѣ съ другими, несъ до самой могилы и Нахимовъ, отдавая послѣдній долгъ собрату, товарищу и другу, съ которымъ сроднился и въ морскихъ буряхъ и подъ непріятельскимъ огнемъ!

Когда гробъ съ тѣломъ Истомина былъ поставленъ въ склепѣ рядомъ съ могилою Корнилова, Нахимовъ заглянулъ туда и тихо сказалъ: „Еще есть мѣсто для одного, хоть поперекъ склепа“. Предчувствовалъ герой этотъ, что скоро и до него дойдетъ очередь успокоиться въ этомъ склепѣ на вѣки...

5-го іюня 1855 года, союзники возобновили жесточайшее бомбардированіе Севастополя и затѣмъ бросились на отчаянный приступъ; но приступъ этотъ былъ отбитъ русскими войсками, съ единодушнымъ мужествомъ, на всѣхъ пунктахъ оборонительной линіи.

Послѣ претерпѣнной неудачи, непріятель, въ теченіе еще двухъ мѣсяцевъ, продолжалъ свои осадныя работы, производя, вмѣстѣ съ тѣмъ, почти непрерывно болѣе или менѣе сильное бомбардированіе нашихъ укрѣпленій. Но славный севастопольскій гарнизонъ успѣшно исправлялъ всѣ поврежденія и готовилъ новыя средства для самой усиленной обороны.

Въ этотъ-то періодъ времени былъ смертельно раненъ и главный защитникъ Севастополя, неустрашимый адмиралъ Нахимовъ,—любимецъ всѣхъ черноморскихъ моряковъ и всего Севастопольскаго гарнизона.

Послѣ славной Синопской битвы, Нахимовъ вполнѣ предался оборонѣ Севастополя, принявъ начальствованіе надъ всѣми морскими командами, и находился вездѣ, гдѣ признавалъ присутствіе свое наиболѣе необходимымъ.

28-го іюня, наканунѣ дня своего ангела, Нахимовъ осматривалъ расположеніе непріятеля и посѣтилъ, во время бомбардировки, 3-е и 4-е отдѣленія бастіоновъ, находясь все время подъ самымъ усиленнымъ огнемъ, подъ градомъ непріятельскихъ пуль, бомбъ и ядеръ. Отдавъ нѣкоторыя приказанія, Нахимовъ отправился затѣмъ на Малаховъ курганъ. Желая осмотрѣть здѣсь новыя непріятельскія работы, онъ взошелъ на возвышеніе, взялъ у сигнальщика подзорную трубу и сталъ, съ обычнымъ безстрашіемъ, прямо черезъ брустверъ (земляную насыпь для прикрытія отъ выстрѣловъ), обозрѣвать окрестность, открывъ себя по поясъ. Его уговаривали сойти съ этого опаснаго мѣста, но Нахимовъ, не взирая на усиленныя просьбы, продолжалъ наблюдать за непріятелемъ. Окончивъ осмотръ, онъ отдалъ трубу сигнальщику и сталъ уже сходить съ возвышенія,

какъ вдругъ пошатнулся и упалъ на правый бокъ: непріятельская пуля попала ему въ лобъ надъ лѣвымъ глазомъ, пробила черепъ и вышла около лѣваго уха!

Пролежавъ въ безсознательномъ состояніи около двухъ сутокъ, Нахимовъ 30-го іюня, въ 11 час. утра. скончался.

Тѣло его положено было въ одну общую могилу съ другими незабвенными героями Севастополя—адмиралами Корниловымъ и Истоминымъ.

Потеря Нахимова была для Севастополя невознаградима. Его мужество, дѣятельность и самоотверженіе не имѣли предѣла. Въ продолженіе девяти мѣсяцевъ объѣзжалъ онъ ежедневно, подъ визгъ пуль и ядеръ непріятеля, опаснѣйшіе пункты оборонительной линіи, съ невозмутимымъ хладнокровіемъ, доходившимъ до равнодушія къ жизни, до презрѣнія къ смерти. И все это дѣлалось просто, скромно, безъ всякаго желанія обратить на себя вниманіе, съ одною лишь цѣлью—поддержать бодрость духа въ своихъ подчиненныхъ.

Отдавая должную справедливость необыкновенному мужеству и самоотверженію защитниковъ Севастополя, нельзя не сознаться, что эти доблестныя качества въ значительной мѣрѣ возбуждались и поддерживались примѣромъ Нахимова. Не только привѣтствіе Нахимова, но уже одно присутствіе его въ опасныя минуты дѣлало матросовъ веселыми и смѣлыми; они любили своего добраго и безстрашнаго адмирала, какъ дѣти родного отца, готоваго умереть вмѣстѣ съ ними, и сами готовы были для него броситься и въ огонь и въ воду.

5-го августа непріятель открылъ по нашей оборонительной линіи новое усиленное бомбардирова-

ніе, продолжавшееся почти безпрерывно цѣлыхъ три недѣли. Союзники стрѣляли то залпами, то бѣглымъ артиллерійскимъ огнемъ. Адскій огонь непріятеля похищалъ у насъ ежедневно по нѣскольку сотъ человѣкъ. Наши укрѣпленія, возобновлявшіяся каждую ночь подъ градомъ бомбъ и ядеръ противниковъ, все болѣе и болѣе разрушались отъ непрерывнаго дѣйствія непріятельской артиллеріи. Городъ превратился въ груду развалинъ. Исправлять поврежденія сдѣлалось уже рѣшительно невозможнымъ; потеря въ людяхъ была чрезвычайная.

Наконецъ, 27-го августа союзники, осаждавшіе Севастополь, прекратили бомбардированіе и двинулись всею массою на рѣшительный общій приступъ, направивъ свои силы преимущественно на главныя наши укрѣпленія, находившіяся на знаменитомъ Малаховомъ курганѣ, возвышающемся надъ всѣми севастопольскими укрѣпленіями и составляющемъ ключъ къ городу. Встрѣтивъ врага грудью и штыками, войска наши съ неодолимымъ мужествомъ и непоколебимою стойкостію отразили шесть отчаянныхъ приступовъ его на всѣхъ пунктахъ оборонительной линіи, но наконецъ должны были уступить численному превосходству непріятельскихъ массъ, безпрерывно прибывавшихъ на Малаховъ курганъ. Не смотря на упорное сопротивленіе севастопольскаго гарнизона, не смотря на совершавшіеся имъ подвиги блистательнѣйшей храбрости и геройскаго самоотверженія, непріятель успѣлъ завладѣть Малаховскими укрѣпленіями...

Съ занятіемъ непріятелемъ Малахова кургана дальнѣйшая оборона Севастополя представлялась уже невозможною. Севастополь былъ не завоеванъ, но сраженъ, разрушенъ.

Неисправимыя поврежденія нашей оборонительной линіи и, главное, громадный уронъ, причиняемый гарнизону города адскимъ огнемъ непріятеля, убѣдили, наконецъ, главнокомандующаго, князя Горчакова, въ совершенной невозможности держаться долѣе въ городѣ и въ необходимости прекратить дальнѣйшее, уже безполезное въ такомъ положеніи, пролитіе драгоцѣнной крови своихъ доблестныхъ сподвижниковъ. Тогда онъ рѣшился очистить южную часть города и благополучно перевелъ свои войска, частію посредствомъ судовъ, частію по мосту, устроенному черезъ рейдъ, на сѣверную сторону севастопольской бухты, гдѣ и сталъ твердою ногою. Между тѣмъ, оставшіяся въ южной части Севастополя зданія были подожжены русскими же войсками, укрѣпленія и пороховые погреба взорваны на воздухъ и врагамъ достались однѣ лишь пылающія, окровавленныя развалины,—груды камней и пепла.

Неохотно покидали солдаты и моряки крѣпость, которую защищали въ продолженіе почти цѣлаго года, не жалѣя ни труда, ни крови. „Вѣчная тебѣ память, родная твердыня“, шептали они, крестясь и оглядываясь на пылавшій Севастополь...

31-го августа появился приказъ главнокомандующаго, прочтенный всѣмъ войскамъ вслухъ. „Храбрые товарищи!“ говорилось, между прочимъ, въ этомъ приказѣ. „Грустно и тяжело оставить врагамъ нашимъ Севастополь, но... и не Севастополь оставили мы нашимъ врагамъ, а однѣ пылающія развалины города, собственною нашею рукою подожженнаго, удержавъ за нами честь обороны, которую дѣти и внуки наши съ гордостью передадутъ отдаленному потомству“...

„Храбрые воины сухопутныхъ и морскихъ силъ! Именемъ Государя Императора благодарю васъ за

ваше безпримѣрное мужество, за вашу твердость и постоянство во время осады Севастополя"...

Такъ окончилось славное Севастопольское сидѣнье.

При оборонѣ Севастополя пали геройскою смертію за вѣру и отечество, кромѣ незабвенныхъ адмираловъ нашихъ—Корнилова, Истомина и Нахимова, еще и огромное количество другихъ доблестныхъ воиновъ; всего же пало здѣсь болѣе 200.000 человѣкъ, прахъ коихъ покоится на общемъ громадномъ кладбищѣ, находящемся на сѣверной сторонѣ Севастополя и названномъ „Братскою Могилою".

Въ сентябрѣ того же 1855 года, Государь Императоръ Александръ Николаевичъ поѣхалъ самъ на мѣсто боя, что бы лично поблагодарить своихъ героевъ.

Прибывъ въ портовый городъ Николаевъ, Государь пробылъ тамъ шесть недѣль, а затѣмъ пожелалъ видѣть свою крымскую армію и въ концѣ октября мѣсяца осчастливилъ ее своимъ личнымъ посѣщеніемъ. По собственному изреченію Государя, неоднократно имъ повторенному, Его Величество предпринялъ этотъ дальній путь для того только, чтобы лично выразить своимъ неустрашимымъ войскамъ чувство своего благоволенія и искренней признательности за ихъ славную службу, на тѣхъ самыхъ мѣстахъ, гдѣ они проливали кровь свою за вѣру, Царя и отечество. Въ необыкновенно ласковыхъ словахъ и самыхъ милостивыхъ выраженіяхъ, изливавшихся изъ глубины души, благодарилъ Государь свои доблестныя войска за геройскіе подвиги мужества и самоотверженія, которые они явили въ тяжкое время почти годовой обороны Севастополя.

„Благодарю, ребята, за службу!" говорилъ Государь, объѣзжая ряды своихъ храбрыхъ войскъ. „Име-

немъ покойнаго Государя, именемъ отца моего и вашего благодарю васъ!.. Я горѣлъ нетерпѣніемъ видѣть мою храбрую крымскую армію!..“ И дрожалъ звонкій задушевный голосъ Государя и войско видѣло, какъ слеза за слезой катились по щекамъ молодаго Царя. „Я горжусь вами“, — говорилъ онъ, — „горжусь, какъ непоколебимою опорою отечества и счастливъ, что могу лично благодарить васъ за геройскую службу вашу; давно я желалъ этого“.

„Ура!..“ громомъ грянуло по фронту въ несмолкаемыхъ перекатахъ. Это былъ тотъ восторженный вопль сердецъ, который неудержимо откликался на горячее царское слово.

Вызвавъ на середину генераловъ, штабъ и оберъ-офицеровъ, Императоръ Александръ Николаевичъ съ отеческою заботливостію освѣдомлялся о полученныхъ ими ранахъ, благодаря всѣхъ и каждаго порознь. Въѣзжая, затѣмъ, въ ряды войскъ, Государь осчастливилъ своимъ взоромъ и ласковымъ словомъ многихъ достойныхъ защитниковъ Севастополя, милостиво разговаривалъ съ нижними чинами, имѣвшими знакъ отличія военнаго ордена, распрашивая, за какой именно подвигъ и когда даны имъ георгіевскіе кресты, справлялся о раненыхъ и больныхъ воинахъ, награждалъ отличившихся и удостоивалъ каждаго своимъ милостивымъ вниманіемъ.

У Севастопольскаго кладбища, гдѣ успокоились кости свыше 200.000 защитниковъ многострадальнаго города, Государь вышелъ изъ коляски, обнажилъ голову, набожно крестился и быстро смигивалъ набѣгавшія на глаза слезы; наконецъ склонился надъ могильнымъ холмомъ и зарыдалъ какъ ребенокъ... Уѣхалъ онъ оттуда, долго не отымая платка отъ глазъ...

Прiѣздъ Государя былъ самымъ счастливымъ событiемъ для нашихъ славныхъ войскъ—это была для нихъ какъ бы общая лучшая награда за ихъ неутомимую службу въ теченiе почти годовой защиты Севастополя. Видя царскую ласку, они забыли все то, что вытерпѣли и перестрадали, забыли всѣ тягости и трудности, перенесенныя ими въ кровопролитныхъ битвахъ. Эти твердые, неустрашимые герои, никогда не дрогнувшiе передъ грозившей имъ смертью, не могли въ присутствiи молодаго Царя скрыть на загорѣвшихъ лицахъ своихъ слезъ умиленiя, слезъ благодарности.

Осмотрѣвъ войска, Государь посѣтилъ всѣ лазареты и вездѣ ласково расспрашивалъ раненыхъ воиновъ, благодарилъ ихъ за славную службу, утѣшалъ, награждалъ, иныхъ обнималъ и цѣловалъ.

Свыше мѣсяца пробылъ Государь среди своей крымской армiи, оживляя ее своимъ присутствiемъ и воодушевляя на новые подвиги, и, наконецъ, оставляя армiю, издалъ приказъ, въ которомъ еще разъ горячо благодарилъ всѣхъ защитниковъ Севастополя. Прощаясь съ войсками передъ отъѣздомъ своимъ въ С.-Петербургъ, Государь крѣпко жалъ руки всѣмъ начальствующимъ лицамъ и цѣловалъ ихъ въ знакъ благодарности, выражая безпредѣльное изумленiе геройской службѣ армiи. Славныя же войска русскiя, проникнутыя чувствами неописуемаго восторга и глубочайшей признательности къ обожаемому Монарху, встрѣчали и провожали его всюду громогласнымъ непрерываемымъ „ура“.

Ура! единымъ появленьемъ
Ты рать свою одушевилъ!
Прекрасенъ самоотверженьемъ
Явился ты средь бранныхъ силъ...

Тамъ посѣтилъ страдальцевъ славы,
И язвы ихъ за честь державы
Цѣлилъ отеческой слезой,
И храбрыхъ крестъ, награду боя,
Съ своей груди на грудь героя
Надѣлъ державною рукой!

(М. Дмитріевъ).

По осмотрѣ всѣхъ войскъ, Государь Императоръ, передъ отъѣздомъ своимъ изъ арміи, осчастливилъ ее слѣдующимъ высокознаменательнымъ приказомъ отъ 31-го октября 1855 года:

„Храбрые воины крымской арміи! Приказомъ моимъ отъ 30-го августа, я выразилъ вамъ чувства, преисполняющія душу мою искренней признательности къ заслугамъ вашимъ, увѣковѣчившимъ славу защиты Севастополя. Но сердцу моему не достаточно было благодарить васъ заочно за тѣ геройскіе подвиги мужества и самоотверженія, съ которыми вы, удивляя даже враговъ нашихъ, перенесли тяжкое время почти годовой осады. Здѣсь, среди васъ, желательно мнѣ было изъявить вамъ чувства моего къ вамъ благоволенія и искренней признательности. Свиданіе съ вами доставило мнѣ невыразимое удовольствіе, а блестящее состояніе, въ коемъ я нашелъ войска крымской арміи, при произведенныхъ нынѣ смотрахъ, превзошли мои ожиданія. Мнѣ отрадно было видѣть васъ и любоваться вами. Благодарю васъ отъ души за службу вашу, за подвиги, коими вы себя ознаменовали, за доблести ваши, твердо въ васъ укорененныя, онѣ мнѣ ручаются въ сохраненіи славы русскаго оружія и въ непрестанной готовности храбраго моего войска жертвовать собою за вѣру, Царя и отечество!“

Между тѣмъ какъ подъ стѣнами многострадальнаго Севастополя происходила почти безпримѣрная

въ исторіи борьба русскихъ войскъ съ союзными державами, въ Азіятской Турціи дѣйствія нашей арміи сосредоточивались преимущественно на обложеніи сильной турецкой крѣпости Карса. Главнокомандующій отдѣльнымъ кавказскимъ корпусомъ, генералъ-адъютантъ Муравьевъ, сознавая всю важность значенія Карса, рѣшился, 17-го сентября 1855 года, штурмовать эту крѣпость, но приступъ не удался: войска наши должны были отступить, и отмѣненная на нѣсколько часовъ осада крѣпости была вслѣдъ затѣмъ возобновлена въ прежнемъ порядкѣ. Въ ноябрѣ Муравьевъ достигъ, однако, своей цѣли: 16-го числа этого мѣсяца крѣпость Карсъ сдалась со всѣмъ своимъ многочисленнымъ гарнизономъ, множествомъ пушекъ и большими складами оружія.

Занятіе союзниками южной части Севастополя и взятіе русскими Карса склонили, наконецъ, враждующія стороны къ открытію переговоровъ о мирѣ, которые продолжались вплоть до марта мѣсяца 1856 г.

Условія мира предложены были намъ тяжелыя; горько было Государю начинать свое царствованіе принятіемъ ихъ; но миръ въ то время былъ необходимъ для блага Россіи, и Государь, горячо любившій Россію, предпочелъ не легкій миръ тяжкой войнѣ.

Чуждый всякихъ своекорыстныхъ видовъ честолюбія и завоеваній, Государь Императоръ согласился принять сдѣланныя ему союзными державами мирныя предложенія, и 18-го марта 1856 года въ столицѣ Франціи,—Парижѣ, заключенъ былъ, наконецъ, миръ.

Согласно условіямъ этого мира, прежде всего завоеванія съ обѣихъ сторонъ были возвращены по принадлежности: Россія получила обратно Севастополь и другіе города, порты и земли, занятые союз-

никами, но за то должна была возвратить Турціи Карсъ и другія занятыя русскими войсками части турецкихъ владѣній и, сверхъ того, уступить ей еще часть Бессарабіи, у устьевъ рѣки Дуная. Черное море объявлено было закрытымъ для военныхъ кораблей и открытымъ только для торговыхъ судовъ всѣхъ народовъ. Но при этомъ между Россіею и Турціею заключенъ былъ особый договоръ, коимъ точно опредѣлено было число военныхъ судовъ, какое оба названныя государства, владѣющія берегами Чернаго моря, предоставили себѣ содержать на этомъ морѣ, для обезпеченія безопасности своихъ береговъ. Наконецъ, Россія обязалась не возводить на берегахъ Чернаго моря укрѣпленій и не содержать тамъ военно-морскихъ арсеналовъ.

Но, несмотря на эти уступки, Россія все-таки достигла, чего хотѣла: турецкій султанъ торжественно обязался передъ всею Европою не угнетать болѣе подвластныхъ ему православныхъ христіанъ и сравнять ихъ въ правахъ съ мусульманскимъ населеніемъ своей Имперіи.

Прекращеніе трехлѣтней упорной и кровопролитной Восточной войны и заключеніе мира было первымъ благодатнымъ для Россіи событіемъ начала царствованія Императора Александра II. Хотя Парижскій миръ былъ для насъ не совсѣмъ выгоденъ и не соотвѣтствовалъ общимъ ожиданіямъ и понесеннымъ Россіею жертвамъ, но Государь, сознавая это очень хорошо, рѣшился на заключеніе мира, имѣя въ виду единственно пользу и благо своего народа и желая дать дорогой своей родинѣ отдохнуть и собраться съ силами послѣ трехлѣтняго тяжкаго періода войны. Крымская война показала ясно, что для народной обороны важно преуспѣяніе не въ одномъ только

военномъ дѣлѣ, что для успѣха въ международной борьбѣ необходимы не только физическія, но и нравственныя и умственныя силы народа. Государю нужно было поэтому умиротвореніе Россіи, для обновленія и мирнаго развитія ея внутренней жизни.

Вступая на прародительскій престолъ, Императоръ Александръ Николаевичъ думалъ не о расширеніи границъ своего государства путемъ завоеваній и не о блескѣ военныхъ подвиговъ. Его царственную душу озабочивали другія высокія думы: онъ думалъ о томъ, что̀ для него было дороже военныхъ успѣховъ—о довольствѣ и счастіи своихъ подданныхъ, о мирномъ преуспѣяніи и спокойномъ развитіи своего государства.

Въ заключительныхъ словахъ Высочайшаго манифеста 19 марта 1856 года, возвѣстившаго объ окончаніи Крымской войны, начертана какъ-бы цѣлая программа будущаго царствованія Императора Александра II. „При помощи небеснаго Промысла, всегда благодѣющаго Россіи", говорилось въ этомъ манифестѣ, „да утверждается и совершенствуется ея внутреннее благоустройство; правда и милость да царствуютъ въ судахъ ея; да развивается повсюду и съ новою силою стремленіе къ просвѣщенію и всякой полезной дѣятельности и каждый, подъ сѣнію законовъ, для всѣхъ равно справедливыхъ, всѣмъ равно покровительствующихъ, да наслаждается въ мирѣ плодомъ трудовъ невинныхъ". Незабвенныя для Россіи слова эти были какъ-бы предначертаніемъ тѣхъ великихъ преобразованій, которыя совершены въ послѣдующія двадцать пять лѣтъ славнаго царствованія Государя Императора Александра II.

Въ 26 день августа того же 1856 года Государь Императоръ Александръ Николаевичъ, по примѣру своихъ предковъ, возложилъ на себя, въ московскомъ Успенскомъ соборѣ, царскую корону и принялъ священное мѵропомазаніе. День священнаго коронованія былъ днемъ радостей и милостей, дотолѣ неслыханныхъ и потому оставилъ въ народѣ самое свѣтлое воспоминаніе.

Коронованіе русскихъ царей въ Москвѣ всегда представляло блестящее и высокоторжественное зрѣлище, но коронованіе Императора Александра II, родившагося въ Москвѣ и начавшаго свое царствованіе заключеніемъ мира и великими милостями народу, представляло особенное величіе и пышность обстановки и отличалось задушевно-радостнымъ стремленіемъ подданныхъ выразить Государю свою безграничную любовь и преданность: праздникъ Русскаго Царя былъ великимъ народнымъ торжествомъ и для всѣхъ его подданныхъ.

Вѣнчаніе на царство Императора Александра Николаевича сопровождалось цѣлымъ рядомъ самыхъ благодѣтельныхъ, полныхъ милосердія и мудрости мѣръ, которыя наполнили радостію всѣ края необъятнаго русскаго государства и осушили слезы многихъ тысячъ страдальцевъ.

Прежде всего услышали царское спасибо всѣ тѣ сословія, которыя жертвовали во время минувшей войны и своею жизнію и своимъ имуществомъ. Затѣмъ мѣстностямъ, наиболѣе пострадавшимъ отъ войны, дарованы были многія льготы и облегченія; сложены различныя недоимки и взысканія, пріостановлены на четыре года рекрутскіе наборы. Упоминая о недоимкахъ въ податяхъ, о казенныхъ взысканіяхъ, начетахъ и тому подобныхъ долгахъ под-

данныхъ государству, равно и о провинностяхъ ихъ предъ закономъ, Высочайшій манифестъ 26 августа 1856 года постоянно повторяетъ незабвенныя слова христіанскаго всепрощенія и милосердія: „простить, возвратить, освободить“.

„Мы возложили на себя вѣнецъ нашихъ предковъ“, говорилось, между прочимъ, въ этомъ манифестѣ, „и первою нашею мыслію было, какъ всегда, благоденствіе любезной намъ Россіи. Повторяемъ при священномъ обрядѣ коронованія обѣтъ, произнесенный нами въ самый часъ вступленія нашего на прародительскій престолъ,—имѣть постоянною, единою цѣлію трудовъ и попеченій нашихъ возвышеніе сего благоденствія, въ настоящемъ и будущемъ времени“. И Государь свято исполнилъ данный имъ обѣтъ. Сердце его готово было объять любовію всю Россію, доставить облегченіе всему страждущему, изгнать навсегда съ лица земли русской всѣ печали и бѣдствія. Съ самаго дня своего восшествія на престолъ Государь не переставалъ щедро дѣлать добро народу и жилъ только для счастія другихъ, забывая свое собственное спокойствіе и не жалѣя своихъ силъ для достиженія общаго блага.

Озабочиваясь благоденствіемъ своего народа, Императоръ Александръ II обратилъ свое вниманіе прежде всего на улучшеніе быта солдатъ и предпринялъ рядъ преобразованій въ устройствѣ и управленіи близкой его сердцу арміи, съ цѣлію поднять нравственный духъ въ войскахъ, пробудить въ нижнихъ чинахъ сознаніе своего нравственнаго достоинства и вообще поставить военную службу на подобающую ей высоту.

По военному закону „солдатъ“ есть имя общее:

солдатомъ называется и первѣйшій генералъ и послѣдній рядовой великой русской арміи, которой ввѣрена защита святой вѣры и родного края. Какъ охранитель порядка въ государствѣ во времена мира и защитникъ отечества во время войны, солдатъ угоденъ Богу, Царю и отечеству, званіе его не только полезно, но и почетно, и потому онъ долженъ гордиться своимъ общественнымъ положеніемъ, а не краснѣть, встрѣчая рядомъ съ собою человѣка, несущаго одинаковую съ нимъ службу въ видѣ наказанія за порочное поведеніе. А между тѣмъ въ прежнее время въ солдаты сдавали часто въ видѣ наказанія за нѣкоторыя преступленія, вмѣсто ссылки на поселеніе: бѣглые, бродяги, конокрады, разные воры, мошенники и подобные имъ порочные люди находили мѣсто въ рядахъ арміи.

Очень понятно, что при такомъ способѣ пополненія арміи, имя русскаго солдата не могло пользоваться доброю славою. Нижніе чины, въ среду которыхъ вводили людей, отверженныхъ самимъ обществомъ, очевидно не могли быть высокаго мнѣнія не только о своемъ званіи, но и вообще о достоинствѣ своей человѣческой личности. Съ другой стороны и цѣль, на которую разсчитывалось при отдачѣ людей порочнаго поведенія въ военную службу, не достигалась. Всѣ думали, что на военной службѣ, при военныхъ строгостяхъ, порядкѣ и дисциплинѣ, виновный скорѣе поддастся исправленію. На дѣлѣ же этого исправленія достигали далеко не всѣ. Дѣйствительно, живя среди честныхъ служивыхъ, нѣкоторые изъ числа отданныхъ въ солдаты за пороки и выходили потомъ въ люди; но зато другіе, и притомъ большинство, не поддавались исправленію и, оставаясь тѣмъ же, чѣмъ они были и до поступленія въ

армію, только развращали своихъ товарищей по службѣ и позорили честное имя и почетное званіе солдата.

Императоръ Александръ II рѣшилъ положить конецъ этому позорному порядку вещей. Высочайшимъ повелѣніемъ 1860 года, „въ виду возвышенія нравственнаго духа нижнихъ чиновъ“, какъ сказано въ этомъ новомъ законѣ, примѣнявшаяся прежде въ столь широкихъ размѣрахъ отдача въ солдаты въ видѣ наказанія за преступленія и проступки отмѣнена и замѣнена правилами о присужденіи за тѣ же преступленія другихъ видовъ наказанія. Люди же дурной нравственности и порочнаго поведенія, уже состоявшіе въ то время въ рядахъ арміи, были выдѣлены въ особыя рабочія бригады, въ которыя тотчасъ переводился съ тѣхъ поръ всякій нижній чинъ, опорочившій себя на службѣ.

ГЛАВА III.

Освобожденіе крестьянъ отъ крѣпостной зависимости и устройство ихъ быта.

Возложивъ на себя царскій вѣнецъ, Императоръ Александръ II немедленно приступилъ къ подготовкѣ тѣхъ великихъ, исполненныхъ человѣколюбія и справедливости, государственныхъ преобразованій, которыя такъ прославили его свѣтлое царствованіе и обезсмертили его имя.

Первою заботою Царя было привести въ исполненіе свою завѣтную мысль, которую онъ лелѣялъ денно и нощно: дать свободу крестьянамъ, находившимся въ крѣпостной зависимости отъ помѣщиковъ, отмѣнить крѣпостное право. Въ ряду важнѣйшихъ

государственныхъ преобразованій, совершенныхъ въ царствованіе Императора Александра II, освобожденіе крестьянъ занимаетъ, безъ всякаго сомнѣнія, первое мѣсто и послужило главнымъ основаніемъ всѣхъ послѣдующихъ преобразованій: всѣ эти дальнѣйшія преобразованія были, частію непосредственно, частію косвенно, вызваны уничтоженіемъ крѣпостнаго права.

Совершеніе этого огромнаго и славнаго не только въ русской, но и въ общечеловѣческой исторіи дѣла, которое дало новую жизнь Россіи, вдохнуло „душу живу" въ многомилліонное крестьянство русское, является вѣнцомъ всѣхъ великихъ дѣяній Императора Александра II и самымъ крупнымъ жемчугомъ въ его безсмертной коронѣ.

Давно уже носились въ народѣ русскомъ смутные слухи о „волѣ"; но желанная воля все не приходила; святое дѣло откладывалось вслѣдствіе сильнаго противодѣйствія со стороны однихъ людей и недостатка силы воли и рѣшимости — въ другихъ. Александръ II явился тѣмъ великимъ человѣкомъ, которому суждено было осуществить это величайшее дѣло; его могучій духъ и добрѣйшее сердце ничѣмъ не смутились и ни предъ чѣмъ не остановились въ исполненіи этого вѣковаго долга.

Древняя Россія не знала крѣпостнаго состоянія. Сельскіе обыватели наши или крестьяне, составлявшіе главную массу населенія земли русской, были людьми совершенно свободными и полноправными.

Земли на Руси встарину было вдоволь, а народу не много. Поэтому всякій могъ селиться, гдѣ ему вздумается, могъ занимать и обращать въ свою собственность столько земли, сколько въ силахъ былъ обработать. Но для обработки земли необходимъ

былъ, конечно, капиталъ на покупку земледѣльческихъ орудій, рабочаго скота, сѣмянъ и проч. И вотъ, не смотря на обиліе въ то время свободной земли на Руси и возможность занимать ее въ какомъ угодно количествѣ, люди бѣдные, несостоятельные должны были волей-неволей селиться на земляхъ богатыхъ, зажиточныхъ собственниковъ, заключать съ ними добровольныя условія и такимъ образомъ ограничивать свою свободу. Условія эти сводились въ общемъ къ тому, что землевладѣлецъ вмѣстѣ съ землей давалъ такимъ крестьянамъ рабочій скотъ, земледѣльческія орудія, дворъ со всѣми принадлежностями, хлѣбъ на сѣмена и на прокормленіе до урожая, а нерѣдко и средства для уплаты податей; крестьянинъ же обязывался платить ему за это оброкъ работою или произведеніями воздѣлываемой земли, оставаясь, впрочемъ, полнымъ хозяиномъ отведеннаго ему участка земли, пока или самъ не покидалъ его, или землевладѣлецъ не сгонялъ. Въ этомъ только и состояло ограниченіе свободы крестьянъ, жившихъ на чужихъ земляхъ.

Разсчитавшись съ землевладѣльцемъ въ повинностяхъ, крестьянинъ, какъ человѣкъ свободнаго состоянія, имѣлъ полное право во всякое время оставить его и перейти къ другому землевладѣльцу. Но такое право свободнаго, во всякое время года, перехода крестьянъ съ одного помѣстья на другое представляло значительныя невыгоды какъ для мелкихъ землевладѣльцевъ, такъ и для крестьянъ и вызывало взаимныя ихъ жалобы: землевладѣльцы жаловались на то, что въ нужное время люди бѣгаютъ, а крестьяне на то, что въ голодное время и зимой ихъ прогоняютъ.

Въ виду сего съ теченіемъ времени свобода

крестьянскихъ переходовъ отъ одного землевладѣльца къ другому была ограничена. Ограниченіе это состояло въ томъ, что для перехода крестьянъ отъ одного помѣщика къ другому установленъ былъ въ 1497 году опредѣленный срокъ, именно осенній Юрьевъ день (26 Ноября), внѣ котораго ни крестьяне не могли оставлять землевладѣльцевъ, ни землевладѣльцы выгонять отъ себя крестьянъ. Тѣмъ не менѣе крестьяне, не будучи лишены личной свободы, продолжали, въ установленный срокъ, въ огромныхъ размѣрахъ переходить съ одной земли на другую, главнымъ образомъ вслѣдствіе того, что многоземельные помѣщики, нуждавшіеся въ большомъ числѣ работниковъ, переманивали къ себѣ крестьянъ отъ небогатыхъ землевладѣльцевъ.

Чтобы сколько-нибудь облегчить въ этомъ случаѣ положеніе мелкихъ землевладѣльцевъ, правительство издало въ 1592 году указъ, коимъ вовсе запретило крестьянамъ переходить отъ одного собственника къ другому и обязало ихъ оставаться вѣчно, со всѣмъ потомствомъ, на тѣхъ земляхъ, на которыхъ они жили во время изданія указа. Съ этого то времени и пошла по Руси пословица: „вотъ тебѣ, бабушка, и Юрьевъ день“. Бывшіе дотолѣ совершенно свободными крестьяне обращены были въ несвободныхъ, были прикрѣплены къ землѣ, на которой жили, и получили поэтому названіе крѣпостныхъ.

Уничтоженіе Юрьева дня, положившее начало крѣпостному состоянію на Руси, первоначально не было, впрочемъ, слишкомъ чувствительно для крестьянъ, потому что они не лишались еще всѣхъ своихъ правъ. Но съ этого времени землевладѣльцы начинаютъ мало по малу все болѣе и болѣе усиливать свои права на счетъ крестьянъ. Такъ, сначала они

пріобрѣли право переводить крестьянъ съ одной своей земли на другую свою же землю, потомъ получили право переселять крестьянъ съ своихъ земель на земли другихъ помѣщиковъ (по договорамъ съ ними), далѣе—право обращать крестьянъ въ дворовыхъ людей и, наконецъ, важнѣйшее право — продавать крестьянъ безъ земли.

Такимъ образомъ, прикрѣпленные сначала только къ помѣщичьей землѣ, крестьяне стали постепенно все болѣе и болѣе прикрѣпляться и къ личности помѣщика и мало по малу сдѣлались, наконецъ, совершенно зависимыми отъ своихъ господъ—помѣщиковъ, обратившись въ полную собственность тѣхъ владѣльцевъ, на земляхъ которыхъ они были водворены.

Хотя помѣщики обязывались сохранить за водворенными на ихъ земляхъ крестьянами, какъ средство къ пропитанію послѣднихъ, извѣстное количество земли подъ усадьбу и подъ пашню, но за пользованіе такою землею и за возложенную на помѣщиковъ обязанность заботиться о благосостояніи крестьянъ—послѣдніе должны были отбывать помѣщикамъ такъ называвшуюся „барщину", т. е. или безвозмездно отдавать въ пользу своихъ господъ-помѣщиковъ извѣстное число дней въ недѣлю свой трудъ, для обработки барской земли и уборки хлѣба, или же платить за землю оброкъ, давать для потребностей помѣщика подводы, доставлять въ барскую вотчину полотна, куръ, яйца, ягоды и другіе продукты.

Кромѣ права на трудъ и имущество крестьянъ, помѣщикъ имѣлъ власть распоряжаться и ихъ личностію и, владѣя крестьянами, какъ своею собственностію, поступалъ съ ними, какъ хотѣлъ, по доброй своей волѣ или по своему произволу.

Хотя между помѣщиками были и хорошіе люди, отечески заботившіеся о своихъ крестьянахъ и принимавшіе всяческія мѣры къ облегченію ихъ положенія, но въ то же время были между ними и такіе, которые позволяли себѣ злоупотреблять своею властью, страшно притѣсняя крестьянъ какъ непомѣрными работами, такъ и жестокостями всякаго рода. Большинство крѣпостныхъ крестьянъ были, поэтому, въ полномъ смыслѣ слова рабами тѣхъ помѣщиковъ, на земляхъ которыхъ они были водворены. Помѣщикъ имѣлъ право противиться вступленію своихъ крестьянъ въ бракъ и вообще вмѣшиваться въ ихъ семейныя дѣла; онъ не только часто выбиралъ для парней невѣстъ, а для дѣвушекъ жениховъ, но имѣлъ даже право отнять у мужа жену, у родителей дѣтей и продавать или закладывать ихъ, какъ вещи, другому помѣщику, въ другія имѣнія, находившіяся нерѣдко за нѣсколько сотъ верстъ отъ родныхъ мѣстъ; помѣщикъ имѣлъ право бить своихъ крестьянъ, подвергать ихъ всякаго рода наказаніямъ, не исключая и тѣлесныхъ, отдавать въ солдаты и даже ссылать въ Сибирь на поселеніе.

Жизнь крѣпостнаго крестьянина дѣлалась съ годами все тяжелѣе и тяжелѣе, положеніе его становилось все хуже и невыносимѣе. Большинство помѣщиковъ, при крѣпостномъ порядкѣ, искали только собственныхъ выгодъ, и злоупотребленія съ ихъ стороны доходили часто до того, что они промѣнивали крестьянъ какъ вещи и проигрывали ихъ въ карты.

Уже предшественники Императора Александра II чувствовали все зло крѣпостного права и нерѣдко стремились, если не къ прямому его уничтоженію, то, по крайней мѣрѣ, къ облегченію положенія крѣпостныхъ крестьянъ и къ постепенному огражденію ихъ

отъ произвола помѣщичьей власти. Но всѣ эти благодѣтельныя мѣры были недостаточны для уничтоженія прочно утвердившагося крѣпостного порядка: онѣ только ограничивали крѣпостное право, стѣсняли его, но не уничтожали самаго права владѣнія людьми.

Слава полнаго освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, трудный и великій починъ въ дѣлѣ совершенной отмѣны крѣпостного права въ Россіи принадлежитъ всецѣло Государю Императору Александру Второму.

При вступленіи на престолъ Императора Александра Николаевича крѣпостныхъ обоего пола было свыше 22 милліоновъ; они обработывали 100 милліоновъ десятинъ земли, принадлежавшей 100 тысячамъ дворянъ—помѣщиковъ; изъ этого количества земли только 1/3 обработывалась крестьянами въ свою пользу, а остальныя 2/3 въ пользу помѣщиковъ, которымъ земля эта принадлежала.

Государь хорошо зналъ, въ какомъ угнетенномъ и безпомощномъ положеніи находятся милліоны крестьянъ. Еще будучи наслѣдникомъ русскаго престола, онъ много путешествовалъ по Россіи и при этомъ самъ видѣлъ что̀ переноситъ русскій мужикъ, самъ узналъ нужды и потребности своего народа. Кромѣ того, онъ многое вычиталъ изъ книгъ, а многое узналъ отъ своихъ преподавателей и, главнымъ образомъ, отъ наставника своего—В. А. Жуковскаго, учившаго его любить человѣчество и уважать въ каждомъ человѣкѣ,—ктобы онъ ни былъ по своему происхожденію,—его человѣческое достоинство, его личныя и общественныя права. Чувство справедливости и любви къ человѣчеству, присущее Государю отъ рожденія и укрѣпленное разумнымъ, тщательнымъ воспитаніемъ, породило въ немъ желаніе и

рѣшимость облегчить быть безправной и униженной части своихъ подданныхъ, вернуть имъ человѣческій образъ, дать имъ возможность жить по человѣчески, трудиться для блага личнаго и государственнаго, и потому онъ, по вступленіи на престолъ и по окончаніи Крымской войны, рѣшилъ непреклонно даровать крестьянамъ свободу и положить тѣмъ конецъ крѣпостному состоянію на Руси. И дѣйствительно, вопросъ объ отмѣнѣ крѣпостного права составлялъ главную заботу Императора Александра II въ первые годы его царствованія; весь же ходъ работъ по этому великому преобразованію свидѣтельствуетъ о томъ, какое огромное личное участіе проявлено было въ немъ со стороны самого Государя.

Слухи о предстоящемъ паденіи крѣпостного права распространились немедленно по восшествіи Александра Николаевича на престолъ.

Будучи постоянно занятъ мыслію объ освобожденіи крестьянъ, Государь еще въ 1856 году, прибывъ въ Москву и принимая тамъ 30 марта представителей московскаго дворянства, сказалъ имъ: „Я узналъ, господа, что между вами разнеслись слухи о намѣреніи моемъ уничтожить крѣпостное право. Въ отвращеніе разныхъ неосновательныхъ толковъ по предмету столь важному, я считаю нужнымъ объявить вамъ, что я не имѣю намѣренія сдѣлать это теперь. Но, конечно, и сами вы знаете, что существующій порядокъ владѣнія душами не можетъ оставаться неизмѣннымъ. Лучше отмѣнить крѣпостное право сверху, нежели дожидаться того времени, когда оно само собою начнетъ отмѣняться снизу. Прошу васъ, господа, подумать о томъ, какъ бы привести это въ исполненіе. Передайте слова мои дворянству для соображеній“.

Это первое публичное заявленіе Государя о намѣреніи его отмѣнить крѣпостное право быстро разнеслось въ публикѣ, ошеломивъ однихъ, несказанно обрадовавъ другихъ; и съ этого времени начинается рѣшительный поворотъ въ исторіи русскаго крѣпостного состоянія. Въ послѣдующее затѣмъ время Императоръ Александръ II много разъ публично высказывался по крестьянскому дѣлу во время его разработки. Рѣчи Государя показывали твердое, непреклонное намѣреніе его довести задуманное имъ святое дѣло до благополучнаго окончанія, поддерживали бодрость въ работникахъ крестьянскаго преобразованія, привлекали къ нему людей колебавшихся, сдерживали его противниковъ и такимъ образомъ оказали огромное вліяніе и на общественное настроеніе и на самый ходъ какъ мѣстныхъ, такъ и общихъ работъ.

Но рѣшеніе жизненнаго для Россіи крестьянскаго вопроса представляло весьма много трудностей. Конечно, справиться съ задачею было бы не особенно трудно, если бы Государь пожелалъ разрѣшить ее такъ, какъ она была рѣшена въ нѣкоторыхъ государствахъ Западной Европы, гдѣ также извѣстный классъ народа находился, въ свое время, въ такомъ-же точно положеніи, какъ и наши крѣпостные крестьяне: тамъ крестьяне были объявлены свободными только лично, земля же осталась собственностью помѣщиковъ. Но не такова была воля Государя-Освободителя: онъ желалъ, чтобы и выгоды помѣщиковъ были, по возможности, ограждены и освобожденные крестьяне были надѣлены опредѣленнымъ количествомъ земли, а не превращены въ бездомныхъ и безземельныхъ нищихъ.

Много пришлось потрудиться надъ этой великой

задачей, прежде чѣмъ найденъ былъ исходъ для успѣшнаго ея рѣшенія.

Принимая близко къ сердцу дѣло улучшенія быта крѣпостныхъ крестьянъ, Государь учредилъ, въ январѣ 1857 года, въ непосредственномъ своемъ вѣдѣніи, особый комитетъ, наименованный вскорѣ Главнымъ Комитетомъ по крестьянскому дѣлу, которому и поручилъ заняться обсужденіемъ мѣръ къ постепенному освобожденію помѣщичьихъ крестьянъ и устройству ихъ быта.

Въ концѣ того же 1857 года поступило прошеніе отъ трехъ губерній Виленскаго генералъ-губернаторства, ходатайствовавшихъ о дозволеніи приступить прямо къ освобожденію крестьянъ. Государь принялъ это прошеніе съ радостію и отвѣчалъ на него особымъ рескриптомъ на имя виленскаго генералъ-губернатора Назимова. Въ рескриптѣ этомъ высказана была главная мысль, что Государь, давая личную свободу крестьянамъ и признавая землю собственностію помѣщиковъ, не желалъ сдѣлать изъ крестьянъ людей бездомныхъ и потому вредныхъ, какъ для помѣщика, такъ и для государства. Государь хотѣлъ избѣгнуть того, что происходило за границею, гдѣ, вслѣдствіе безземельнаго освобожденія крестьянъ, они остались, въ сущности, по прежнему, въ полной зависимости отъ помѣщиковъ.

Вслѣдъ за рескриптомъ, даннымъ генералъ-губернатору Назимову, начали поступать просьбы отъ дворянства другихъ губерній, которымъ были даны отвѣты рескриптами на имя генералъ-губернаторовъ и губернаторовъ подобнаго же содержанія съ первымъ.

Между тѣмъ, предстоявшее измѣненіе крѣпостнаго порядка такъ глубоко затрогивало прежнія

права дворянскаго сословія, что въ средѣ его, конечно, оказались люди, не вполнѣ сочувствовавшіе задуманному Государемъ преобразованію. Угрожая помѣщикамъ лишеніемъ какъ значительной части ихъ земель, такъ и, въ особенности, права на даровой трудъ, дѣло освобожденія крестьянъ встрѣчало въ лицѣ ихъ и явныхъ и тайныхъ противниковъ. Но необходимость уничтоженія крѣпостного права была уже настолько сознаваема въ средѣ тогдашняго дворянскаго общества, что на ряду съ приверженцами крѣпостного порядка, которыхъ называли тогда крѣпостниками, были и люди, горячо сочувствовавшіе задуманному преобразованію и искренно желавшіе не только улучшенія быта, но полнаго освобожденія помѣщичьихъ крестьянъ изъ крѣпостной зависимости, и притомъ съ надѣленіемъ ихъ землею. Эти лучшіе изъ дворянъ всѣхъ губерній, которымъ истинно дорого было благо народа, горячо отозвались на голосъ своего Царя и съ особенною радостію и неподдѣльнымъ одушевленіемъ помогали ему, по мѣрѣ силъ своихъ, въ разрѣшеніи начатаго имъ святого дѣла. Сверхъ трудовъ своихъ по составленію правилъ объ улучшеніи быта и упроченіи положенія крѣпостныхъ крестьянъ, эти лучшіе изъ дворянъ оказали существенную помощь еще и откровенною готовностію осуществить великодушную мысль Монарха своими жертвами, добровольно отказываясь отъ принадлежавшихъ имъ дотолѣ личныхъ и нѣкоторыхъ имущественныхъ правъ надъ крестьянами. Люди эти, хотя и составляли численное меньшинство, но были сильны истиною своихъ убѣжденій и увѣренностію, что ихъ стремленія соотвѣтствуютъ общему благу и волѣ Государя. Благодаря имъ, вмѣсто предположеннаго вначалѣ улучшенія

быта помѣщичьихъ крестьянъ, явилось постепенно совершенное уничтоженіе крѣпостного права, полное освобожденіе крестьянъ и притомъ съ землею. Но все это могло произойти, конечно, потому только, что дѣйствительное освобожденіе крестьянъ, а не одно только улучшеніе ихъ быта, было въ видахъ самого Государя.

По Высочайшему повелѣнію, учреждены были губернскіе дворянскіе комитеты, которымъ, для облегченія ихъ работъ, была дана особая программа, съ указаніемъ въ ней главныхъ основаній для ихъ занятій.

Лѣтомъ 1858 года Императоръ Александръ II предпринялъ путешествіе по Россіи, посѣтилъ цѣлый рядъ губерній и почти вездѣ обращался къ дворянству съ рѣчами, въ которыхъ говорилъ о необходимости освободить крестьянъ, указывалъ, что цѣлью въ этомъ великомъ дѣлѣ является общее благо, повторялъ, что этотъ важный вопросъ близокъ его сердцу и долженъ быть разрѣшенъ на основаніяхъ, имъ указанныхъ, что дѣло это потребуетъ, несомнѣнно, много труда, но что его, Государя, непремѣнная воля, чтобы оно было доведено до конца.

Это знаменательное путешествіе Государя по Россіи и произнесенныя имъ при этомъ рѣчи имѣли огромное вліяніе на успѣшный ходъ дѣла.

Возвратясь въ С.-Петербургъ, Государь радостно заявилъ министру внутреннихъ дѣлъ С. С. Ланскому: „Мы съ вами начали крестьянское дѣло и дойдемъ до конца, рука объ руку“.

Когда, послѣ даннаго на то срока, работы губернскихъ комитетовъ начали поступать, Государь разрѣшилъ, въ началѣ 1859 года, учредить двѣ особыя Редакціонныя Коммиссіи, на которыя возложено

было разсмотрѣніе выработанныхъ комитетами проектовъ объ освобожденіи и устройствѣ быта помѣщичьихъ крестьянъ и составленіе затѣмъ изъ нихъ проектовъ Общаго Положенія о крестьянахъ, выходящихъ изъ крѣпостной зависимости, равно и другихъ законоположеній, относящихся къ этому великому преобразованію.

Въ составъ означенныхъ Коммиссій призваны были какъ опытные чиновники подлежащихъ вѣдомствъ, такъ и нѣкоторые помѣщики, близко знавшіе состояніе и потребности сельскаго быта въ разныхъ краяхъ Россіи.

Предсѣдателемъ обѣихъ Редакціонныхъ Коммиссій назначенъ былъ членъ Главнаго Комитета по крестьянскому дѣлу генералъ-адъютантъ Яковъ Ивановичъ Ростовцевъ, пользовавшійся полнымъ довѣріемъ Государя и явившійся однимъ изъ ревностнѣйшихъ и главнѣйшихъ въ крестьянскомъ дѣлѣ исполнителей Государевой воли.

Усерднѣйшаго и талантливѣйшаго помощника Ростовцевъ нашелъ въ лицѣ Николая Алексѣевича Милютина, бывшаго въ то время однимъ изъ самыхъ видныхъ чиновниковъ министерства внутреннихъ дѣлъ, гдѣ сосредоточивались всѣ работы по крестьянскому дѣлу. Обладая обширнѣйшими познаніями въ области народнаго быта и хозяйства, Милютинъ посвятилъ всѣ свои силы изученію положенія крѣпостныхъ крестьянъ и не переставалъ лелѣять мечту объ ихъ освобожденіи.

При представленіи 6 марта 1859 года членовъ Редакціонныхъ Коммиссій Государю Императору въ Зимнемъ дворцѣ, Государь сказалъ имъ взволнованнымъ голосомъ: „Я желаю только блага Россіи. Вы призваны, господа, совершить большой трудъ, я буду

умѣть оцѣнить его. Это дѣло щекотливое, я знаю... Я увѣренъ, что вы любите Россію, какъ я ее люблю, и надѣюсь, что исполните все добросовѣстно и оправдаете мое къ вамъ довѣріе. Я надѣюсь, что съ вами мы приведемъ это дѣло къ благополучному окончанію. Да поможетъ вамъ Богъ въ этой трудной работѣ, а я васъ не забуду".

Редакціонныя Коммиссіи дѣятельно принялись за дѣло, установили планъ предстоявшихъ работъ, обсудили главные общіе вопросы и приняли въ соображеніе все, что̀ было когда-либо напечатано въ Россіи и за границей по крестьянскому вопросу.

Государь внимательно слѣдилъ за всѣмъ ходомъ подготовительныхъ работъ по крестьянскому дѣлу и, не обращая серьезнаго вниманія на козни и противодѣйствіе упорныхъ сторонниковъ крѣпостного права, твердо и непоколебимо направлялъ эти работы къ благополучному завершенію. Онъ дважды прочитывалъ всѣ протоколы Редакціонныхъ Коммиссій и, когда считалъ нужнымъ, выступалъ и здѣсь съ открытымъ словомъ, имѣя въ виду дать дѣлу надлежащее направленіе, устранить встрѣчавшіяся препятствія и тѣмъ содѣйствовать скорѣйшему окончанію работъ.

Въ сентябрѣ 1859 года Государю Императору представлялись уполномоченные отъ дворянъ-землевладѣльцевъ, къ которымъ Императоръ обратился съ слѣдующими словами: „Господа! Я очень радъ васъ видѣть. Я призвалъ васъ для содѣйствія дѣлу, равно интересному и для меня и для васъ, и успѣха котораго, я вполнѣ увѣренъ, вы столько же желаете, сколько и я. Съ нимъ связано будущее благо Россіи. Я знаю, вы сами, господа, убѣждены, что дѣло не можетъ окончиться безъ пожертвованій; но я хочу,

чтобы жертвы эти были какъ можно менѣе чувствительны. Буду стараться вамъ помочь и жду вашего содѣйствія. Надѣюсь, что довѣріе мое къ вамъ вы оправдаете не одними словами, а на дѣлѣ".

Главному исполнителю предначертаній Императора Александра II по крестьянскому дѣлу—Я. И. Ростовцеву, въ которомъ Государь нашелъ просвѣщеннаго и беззавѣтно преданнаго дѣлу помощника, не суждено было дожить до великаго дня 19 февраля 1861 года. Въ октябрѣ 1859 года Ростовцевъ заболѣлъ, но, не смотря на то, что болѣзнь усиливалась, не прерывалъ своихъ работъ. Въ концѣ года здоровье Ростовцева настолько ухудшилось, что онъ былъ уже не въ силахъ предсѣдательствовать въ Редакціонныхъ Коммиссіяхъ; тѣмъ не менѣе, онъ почти до самой кончины своей слѣдилъ за ходомъ работъ, и подъ его диктовку была окончена отчетная записка, въ которой излагались заключенія и постановленія Коммиссій по крестьянскому вопросу, равно и личные взгляды его на дѣло. 5-го февраля 1860 года,— за годъ до міроваго событія 19 февраля 1861 года,— Ростовцевъ скончался въ присутствіи Императора. Послѣднія слова его были: „Не бойтесь, Государь". Въ тотъ же день предсмертная записка Ростовцева была представлена Императору. Принявъ эту записку, Государь сказалъ: „Покойный оставилъ намъ здѣсь какъ бы завѣщаніе, которое должно быть для насъ священно".

По смерти Ростовцева предсѣдателемъ Редакціонныхъ Коммиссій назначенъ былъ Государемъ графъ В. Н. Панинъ. Но главнымъ руководителемъ всѣхъ работъ въ этихъ Коммиссіяхъ явился ближайшій помощникъ Ростовцева—Н. А. Милютинъ, уже занявшій къ тому времени постъ товарища министра вну-

треннихъ дѣлъ и горячо отстаивавшій дѣло освобожденія крестьянъ.

Редакціонныя Коммиссіи трудились въ продолженіе года и семи мѣсяцевъ и, по окончаніи 10 октября 1860 года порученныхъ имъ работъ, представили свои труды въ Главный Комитетъ по крестьянскому дѣлу. Императоръ Александръ II пригласилъ всѣхъ членовъ бывшихъ Редакціонныхъ Коммиссій въ Зимній дворецъ и сердечно поблагодарилъ ихъ за ихъ добросовѣстный и безкорыстный трудъ.

Главный Комитетъ, подъ предсѣдательствомъ брата Государя, великаго князя Константина Николаевича, трудился съ неутомимою дѣятельностію и усердіемъ надъ подробнымъ разсмотрѣніемъ представленныхъ Редакціонными Коммиссіями проектовъ. 26-го января 1861 г. произошло, подъ предсѣдательствомъ самого Государя, послѣднее засѣданіе Главнаго Комитета, для окончательнаго разсмотрѣнія выработаннаго проекта Положенія о крестьянахъ. Въ засѣданіи этомъ Императоръ горячо благодарилъ большинство членовъ Комитета, и въ особенности предсѣдателя его, великаго князя Константина Николаевича, за ихъ трудъ, высказалъ свое одобрительное мнѣніе о работахъ Редакціонныхъ Коммиссій и, признавая за каждымъ полную свободу въ обсужденіи дѣла, заявилъ, что дѣло должно быть окончено въ возможно краткій срокъ: „этого я желаю, требую, повелѣваю“—прибавилъ Государь.

Вслѣдъ засимъ всѣ проекты законоположеній объ освобожденіи помѣщичьихъ крестьянъ изъ крѣпостной зависимости внесены были, вмѣстѣ съ журналомъ Главнаго Комитета по крестьянскому дѣлу, на окончательное разсмотрѣніе высшаго законодательнаго учрежденія въ Имперіи, Государственнаго Со-

вѣта, который и приступилъ къ этому дѣлу 28-го января 1861 года въ Общемъ Собраніи своемъ, подъ личнымъ предсѣдательствомъ Государя.

Императоръ Александръ II открылъ означенное собраніе Государственнаго Совѣта превосходною рѣчью, начавъ ее нижеслѣдующими достопамятными словами: „Дѣло объ освобожденіи крестьянъ, которое поступило на разсмотрѣніе Государственнаго Совѣта, по важности своей, я считаю жизненнымъ для Россіи вопросомъ, отъ котораго будетъ зависѣть развитіе ея силы и могущества... У меня есть еще и другое убѣжденіе, а именно, что откладывать этого дѣла нельзя; почему я требую отъ Государственнаго Совѣта, чтобы оно было имъ окончено въ первую половину февраля и могло быть объявлено къ началу полевыхъ работъ... Повторяю,—и это моя непремѣнная воля,—чтобы дѣло это теперь же было окончено. Вотъ уже четыре года какъ оно длится и возбуждаетъ различныя опасенія и ожиданія какъ въ помѣщикахъ, такъ и въ крестьянахъ. Всякое дальнѣйшее промедленіе можетъ быть пагубно для государства... При личныхъ моихъ разговорахъ съ губернскими предводителями дворянства и во время путешествій моихъ по Россіи, при пріемѣ дворянъ, я не скрывалъ моего образа мыслей и взгляда на занимающій всѣхъ насъ вопросъ и говорилъ вездѣ, что это преобразованіе не можетъ совершиться безъ нѣкоторыхъ пожертвованій съ ихъ стороны и что все стараніе мое заключается въ томъ, чтобъ пожертвованія эти были сколь возможно менѣе обременительны и тягостны для дворянства... Прошу только не забывать, что основаніемъ всего дѣла должно быть улучшеніе быта крестьянъ и улучшеніе не на словахъ только, и не на бумагѣ, а на

самомъ дѣлѣ". Изложивъ затѣмъ вкратцѣ весь исторический ходъ возникновенія и осуществленія святой мысли освобожденія сельскаго населенія въ Россіи изъ крѣпостного состоянія, Государь закончилъ свою рѣчь такими словами: „Приступая къ этому важному дѣлу, я не скрывалъ отъ себя всѣхъ тѣхъ затрудненій, которыя насъ ожидали, и не скрываю ихъ и теперь; но, твердо уповая на милость Божію и увѣренный въ святости этого дѣла, я надѣюсь, что Богъ насъ не оставитъ и благословитъ насъ кончить его для будущаго благоденствія любезнаго намъ отечества".

Рѣчь Императора произвела на членовъ Государственнаго Совѣта глубокое впечатлѣніе и имѣла рѣшительное вліяніе на быстрое окончаніе Совѣтомъ предстоявшей ему заключительной работы.

Изложенный ходъ работъ по крестьянскому дѣлу показываетъ, сколько твердой воли, непоколебимаго убѣжденія и настойчивости внесено было самимъ Императоромъ Александромъ II въ это дѣло, которое онъ считалъ „святымъ и самымъ жизненнымъ" для Россіи. Свободу крестьянамъ русскимъ далъ именно самъ Государь: не при немъ была она дана, но имъ дана; онъ лично разрушилъ крѣпостныя цѣпи, лично отстоялъ право своего народа на свободу; и починъ великаго дѣла этого и все направленіе его всецѣло принадлежатъ самому Государю и притомъ лично ему, безъ всякихъ постороннихъ вліяній. Крѣпостное право рухнуло только по его царскому слову. Онъ привлекъ къ дѣлу всѣ живыя силы народа, онъ позволилъ обсуждать его гласно, онъ постоянно и неуклонно велъ и подвигалъ его и такимъ образомъ кончилъ дѣло, котораго не рѣшались начать ни дядя его — Императоръ Александръ I, ни отецъ—Императоръ Николай Павловичъ.

Такое огромное дѣло нельзя было, конечно, сдѣлать сразу. Четыре года ушло на необходимыя подготовительныя работы. Государь съ нетерпѣніемъ ждалъ, когда можно будетъ объявить радостную вѣсть своему народу. Думы Государя были полны этимъ государственнымъ дѣломъ. Тревоги и опасенія за успѣшное разрѣшеніе крестьянскаго вопроса, разумѣется, были близки его сердцу; но воля Царя не ослабѣла, любовь его къ своему народу не изсякла и великое, святое дѣло освобожденія сельскаго населенія Россіи отъ крѣпостной неволи и устройства быта этого населенія приведено было, наконецъ, къ благополучному окончанію. 19 февраля 1861 года, въ шестую годовщину восшествія Императора Александра Николаевича на престолъ, всѣ сомнѣнія разрѣшились. Въ этотъ достопамятный, незабвенный для Россіи день совершилось величайшее событіе въ судьбахъ русскаго народа: Императоръ Александръ II, горячо помолившись въ уединеніи, подписалъ Высочайшій манифестъ объ отмѣнѣ въ Россіи крѣпостного права на крестьянъ, живущихъ на помѣщичьихъ земляхъ и о дарованіи этимъ крестьянамъ правъ свободнаго сельскаго состоянія.

Нижеслѣдующими драгоцѣнными словами царской любви и заботливости начинался манифестъ 19 февраля 1861 года: „Божіимъ Провидѣніемъ и священнымъ закономъ коронованія бывъ призваны на прародительскій Всероссійскій Престолъ, въ соотвѣтствіе своему призванію, мы положили въ сердцѣ своемъ обѣтъ обнимать нашею царскою любовью и попеченіемъ всѣхъ нашихъ вѣрноподданныхъ, всякаго званія и положенія“.

Горячее, любвеобильное сердце великаго Государя, отзывчивое на нужды всѣхъ вѣрноподданныхъ „вся-

каго званія и положенія“ сказалось въ этихъ знаменательныхъ словахъ дѣломъ огромной государственной важности: по почину своего Царя и по его настоянію, болѣе 22-хъ милліоновъ русскихъ крестьянъ освобождены были отъ тяготѣвшей надъ ними, въ теченіе почти трехъ столѣтій крѣпостной зависимости, получили свободу и вмѣстѣ съ нею права человѣческія и возможность устраивать свою жизнь по своей волѣ и своему разумѣнію.

Обнародованіе манифеста 19 февраля 1861 года состоялось лишь 5-го марта, послѣ того, какъ манифестъ былъ отпечатанъ въ громадномъ количествѣ экземпляровъ.

Въ С.-Петербургѣ манифестъ читали во всѣхъ церквахъ. Самъ Государь лично прочелъ его народу, собравшемуся около манежа. Освобожденный отъ тяготѣвшей надъ нимъ трехвѣковой неволи народъ восторженными кликами радости привѣтствовалъ обожаемаго Царя.

Когда въ два часа пополудни 5-го марта Государь. возвращаясь съ развода, проѣхалъ мимо громадной толпы народа, собравшейся на Царицыномъ лугу, по случаю бывшаго тамъ въ тотъ день народнаго гулянья, раздалось такое „ура“, отъ котораго, по словамъ одного изъ очевидцевъ, казалось, земля затряслась, шапки полетѣли вверхъ и народный восторгъ принялъ размѣры, не поддающіеся никакому описанію.

Другой очевидецъ восторга народнаго въ тотъ-же великій день разсказываетъ: „Площадь передъ Зимнимъ дворцемъ, куда направился потомъ Государь, была тоже сплошь покрыта народомъ. Гулъ стоялъ въ воздухѣ. Народъ плакалъ въ умиленіи; всѣ обнимались, цѣловались, точно въ Свѣтло-Христовъ празд-

никъ. Но вдругъ эта полумилліонная масса заволновалась сильнѣе... Шапки полетѣли на воздухъ. Многіе изъ толпы пали на колѣни. Показалась коляска: въ ней сидѣлъ Императоръ Александръ Николаевичъ, съ умиленіемъ глядя на толпу... Кто видѣлъ это зрѣлище, тотъ навсегда запечатлѣлъ его въ сердцѣ своемъ; кто пережилъ волненіе этихъ минутъ, тотъ на всю жизнь сохранилъ благоговѣйное о нихъ воспоминаніе".

На лицѣ самого виновника торжества—Императора Александра II было,—какъ передаетъ третій очевидецъ,—„выраженіе праздника",—столько ясной радости, столько душевнаго довольства было ярко написано на этомъ благородномъ лицѣ. Ни одна тучка не омрачала яснаго неба на лицѣ счастливаго дарованнымъ народу счастіемъ Монарха... Въ тотъ же день, какъ разсказывали тогда, счастливый Царь пошелъ навѣстить свою дочь, малолѣтнюю великую княжну Марію Александровну, и, сіяя отъ радости, цѣлуя ее, сказалъ, что сегодня—„лучшій день" его жизни.

Да, это былъ, дѣйствительно, лучшій день въ жизни Императора Александра II, день, который останется памятнымъ навсегда, день, въ который совершилось великое, святое дѣло... Никому не знать и не счесть, сколько крестныхъ знаменій положено за Царя-Освободителя милліонами освобожденныхъ людей, сколько теплыхъ молитвъ вознесено къ Богу, сколько горячихъ радостныхъ слезъ оросило русскую землю!

Вмѣстѣ съ Высочайшимъ манифестомъ 19 февраля 1861 г. обнародованъ былъ въ обѣихъ столицахъ, а впослѣдствіи и во всей Россіи, законъ объ устройствѣ быта освобожденныхъ крестьянъ, назван-

ный „Общимъ Положеніемъ о крестьянахъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости“. На основаніи этого закона и особенно въ силу послѣдовавшихъ затѣмъ преобразованій, освобожденнымъ крестьянамъ дарованы были личныя и общественныя права, почти сравнявшія ихъ съ прочими сословіями въ государствѣ.

Находясь въ личной зависимости отъ помѣщиковъ, милліоны русскихъ людей должны были прежде трудиться не на себя, а на тѣхъ землевладѣльцевъ, во власти которыхъ они находились. Теперь, съ освобожденіемъ крестьянъ, обязательный трудъ рухнулъ: воздѣлывая, въ потѣ лица, свой участокъ земли, каждый крестьянинъ получилъ возможность лично пользоваться плодами своего свободнаго труда, т. е. трудиться на себя, для собственной своей пользы и благополучія. Крестьяне получили драгоцѣнное право располагать собою и своими дѣйствіями по собственной своей волѣ и усмотрѣнію. Имъ предоставляется отлучаться изъ мѣста своего жительства, съ соблюденіемъ лишь установленныхъ общими законами правилъ и по исполненіи своихъ обязанностей въ отношеніи къ помѣщику. Дѣтямъ крестьянъ не возбраняется поступать во всѣ учебныя заведенія и на всякую службу, по удовлетвореніи лишь, наравнѣ съ лицами другихъ сословій, нѣкоторымъ законнымъ условіямъ и требованіямъ. Наказанію или ограниченію въ правахъ крестьяне могутъ быть подвергаемы не иначе, какъ по судебному или мірскому приговору, или же по законному распоряженію поставленныхъ надъ ними правительственныхъ или общественныхъ властей.

Предоставляя освобожденнымъ крестьянамъ такія личныя права, общія всѣмъ гражданамъ государ-

ства, мудрый Царь особенно озаботился дѣйствительнымъ обезпеченіемъ и улучшеніемъ ихъ быта, неразрывно связаннаго, въ теченіе всей исторической жизни крестьянства въ Россіи, съ пользованіемъ землею. Съ этою цѣлію постановлено надѣлить крестьянъ въ постоянное пользованіе усадебною осѣдлостію и полевыми угодьями, въ размѣрѣ, сообразномъ съ качествами земли каждаго края и вообще мѣстными потребностями. Но такъ какъ у крестьянъ не было средствъ внести помѣщику сразу всю стоимость поступившей въ ихъ надѣлъ земли, а съ другой стороны и помѣщику не представлялось, конечно, заманчивымъ получать причитающуюся ему сумму мелкими частями въ теченіе 30—40 лѣтъ, то посредничество между помѣщиками и отпускавшимися на волю крѣпостными и приняла на себя казна, которая выплачивала помѣщику выкупными бумагами всю слѣдовавшую ему сумму и записывала ее долгосрочнымъ долгомъ за крестьянами, обязанными погасить этотъ долгъ ежегодными взносами въ видѣ выкупныхъ платежей. Количество и условія крестьянскаго земельнаго надѣла опредѣлялись особыми, между помѣщиками и крестьянами, договорами, названными въ законѣ „уставными грамотами". Для соблюденія же болѣе правильнаго надѣла и огражденія выгодъ крестьянъ, а равно для сношеній между помѣщиками и крестьянами и разрѣшенія всѣхъ возникавшихъ между ними недоразумѣній и споровъ, въ составленіи уставныхъ грамотъ принимали участіе, временно учрежденные для каждаго уѣзда, особые „мировые посредники", на должность которыхъ назначались, по повелѣнію Государя, лица изъ дворянъ, заслужившихъ особенное довѣріе правительства и мѣстнаго населенія.

Изъ земледѣльцевъ крестьяне обратились, такимъ образомъ, въ землевладѣльцевъ, крестьянъ-собственниковъ. Впрочемъ, впредь до выкупа бывшими крѣпостными крестьянами отведенныхъ имъ полевыхъ угодій въ собственность, они оставались, въ отношеніи прежнихъ помѣщиковъ, „временно-обязанными" крестьянами. Срокъ для вноса выкупныхъ платежей со стороны крестьянъ назначенъ 49-тилѣтній со дня изданія Положенія 19 февраля 1861 года. Но крестьяне могутъ освободиться отъ временно-обязательныхъ отношеній къ помѣщикамъ и ранѣе означеннаго срока, въ томъ случаѣ, если они или добровольно откажутся отъ предоставленнаго имъ земельнаго надѣла, т. е. захотятъ быть совершенно свободными безъ земли, или же выкупятъ выдѣленную имъ землю, усадебную и полевую, въ свою собственность, или, наконецъ, перейдутъ, съ соблюденіемъ установленныхъ для того правилъ, въ другія сословія.

Вмѣстѣ съ предоставленіемъ крестьянамъ, вышедшимъ изъ крѣпостной зависимости, помянутыхъ личныхъ и имущественныхъ правъ, установлено для нихъ и особое крестьянское самоуправленіе. Крестьяне получили право распоряжаться своими хозяйственными и общественными дѣлами, избирая изъ среды своей разумнѣйшихъ и надежнѣйшихъ лицъ для веденія ихъ общихъ дѣлъ подъ руководствомъ крестьянскихъ сходовъ. А такъ какъ въ жизни русскихъ крестьянъ сохранилось много древнихъ, отъ отцовъ унаслѣдованныхъ, обычаевъ и правилъ, свято чтимыхъ и соблюдаемыхъ, какъ опытъ разума предковъ, то Государь даровалъ имъ и собственный волостной крестьянскій судъ, который разрѣшаетъ недоумѣнія и разбираетъ дѣла крестьянъ по совѣсти, по мірскому разуму.

Крестьяне каждой деревни или села составляютъ сельское общество или міръ, члены котораго имѣютъ право собираться, для обсужденія и рѣшенія своихъ общихъ дѣлъ, на сельскій сходъ. Кромѣ крестьянъ-домохозяевъ, принадлежащихъ къ составу сельскаго общества, въ сельскомъ или мірскомъ сходѣ принимаютъ участіе и всѣ, назначенныя по выбору, сельскія должностныя лица. Первое мѣсто на сельскомъ сходѣ и охраненіе на немъ должнаго порядка принадлежитъ выборному обществомъ сельскому старостѣ; на немъ же лежитъ и исполненіе приговоровъ сельскаго схода. Всѣ дѣла на сельскомъ сходѣ рѣшаются или съ общаго согласія всѣхъ крестьянъ, имѣющихъ голосъ на сходѣ, или же большинствомъ голосовъ, т. е. по приговору тѣхъ крестьянъ, на сторонѣ которыхъ окажется, по счету, хотя бы однимъ голосомъ болѣе половины всѣхъ участвовавшихъ въ сходѣ крестьянъ; если же сходъ раздѣлится на двѣ части, равныя по числу голосовъ, то большинство считается на той сторонѣ, съ которой согласится староста. Сельскій староста, на обязанности котораго лежитъ общественное спокойствіе и безопасность, имѣетъ право принимать законныя мѣры къ пресѣченію всякаго нарушенія общественнаго порядка, въ предѣлахъ общины, отъ кого-бы оно ни исходило. Съ этою цѣлію ему предоставлено право за маловажные проступки, совершенные подвѣдомственными ему членами общины, подвергать виновныхъ: назначенію на общественныя работы (до двухъ дней), денежному въ пользу міра взысканію (не свыше 1 руб.) или же аресту (не долѣе двухъ дней).

Нѣсколько сельскихъ общинъ соединяются въ волость, имѣющую свое волостное управленіе, состоящее изъ волостного схода, волостного стар-

шины съ волостнымъ правленіемъ и волостного суда.

Волостной сходъ составляется изъ сельскихъ и волостныхъ должностныхъ лицъ, замѣщаемыхъ по выбору и изъ крестьянъ, избираемыхъ отъ каждаго сельскаго общества, къ составу волости принадлежащаго, по одному человѣку на каждые десять дворовъ. Волостной сходъ рѣшаетъ всѣ хозяйственныя и общественныя дѣла, въ которыхъ заинтересована цѣлая волость. Всѣ дѣла на волостномъ сходѣ рѣшаются, подобно тому, какъ и на сельскомъ, или по общему согласію всѣхъ крестьянъ, имѣющихъ голосъ на сходѣ, или же по большинству голосовъ.

Первое мѣсто на волостномъ сходѣ и охраненіе на немъ должнаго порядка принадлежитъ волостному старшинѣ. Волостной старшина наблюдаетъ за сохраненіемъ общаго порядка, спокойствія и благочинія въ предѣлахъ волости и принимаетъ соотвѣтственныя этому законныя мѣры. Въ отношеніи мѣръ такого рода ему вполнѣ подчиняются сельскіе старосты.

Волостное правленіе составляется изъ старшины, всѣхъ сельскихъ старостъ и изъ сборщиковъ податей—гдѣ они имѣются. Волостное правленіе приводитъ въ исполненіе какъ дѣла, рѣшенныя на волостномъ сходѣ, такъ и требованія, предъявляемыя ему высшею государственною властію. Дѣла, подлежащія вѣдѣнію волостного правленія, рѣшаются или единогласно, или по большинству голосовъ наличныхъ членовъ.

Для составленія волостного крестьянскаго суда избирается ежегодно волостнымъ сходомъ, изъ числа участвующихъ въ немъ крестьянъ, отъ 4 до 12 очередныхъ судей, причемъ, для рѣшенія какого-либо дѣла, присутствіе волостного суда должно состоять

не менѣе, какъ изъ трехъ судей. Волостной судъ вѣдаетъ какъ тяжбы и споры между крестьянами, такъ и дѣла о маловажныхъ ихъ проступкахъ. По такимъ проступкамъ волостной судъ властенъ приговаривать виновныхъ къ общественнымъ работамъ (не свыше шести дней), къ денежному взысканію (до 3-хъ рублей) или къ аресту (до 7 дней), или, наконецъ, лицъ, не изъятыхъ отъ тѣлеснаго наказанія,—къ наказанію розгами до 20-ти ударовъ; причемъ назначеніе за каждый проступокъ того или другого изъ этихъ наказаній предоставляется свободному усмотрѣнію самого суда. Волостной старшина и сельскіе старосты не должны вмѣшиваться въ производство волостного суда и не присутствуютъ при обсужденіи въ немъ дѣлъ. Всѣ дѣла въ волостномъ судѣ производятся словесно.

Такова, въ существенныхъ чертахъ, великая крестьянская реформа 19 февраля 1861 года. Вводя эту реформу, Государь съ одной стороны вполнѣ принялъ въ уваженіе интересы дворянъ-помѣщиковъ, признавъ, что законно-пріобрѣтенныя помѣщиками права не могутъ быть отняты отъ нихъ безъ соотвѣтствующаго вознагражденія или добровольной уступки; съ другой стороны—онъ даровалъ крестьянамъ, во 1-хъ, личную свободу, гражданскія права и значительное самоуправленіе и, во 2-хъ, ту часть земли, которая находилась уже въ ихъ пользованіи, но за которую они прежде обязаны были вѣчно работать на помѣщика, а теперь только выплачиваютъ казнѣ, съ разсрочкою, опредѣленную сумму денегъ.

Уже само по себѣ дарованіе личной свободы свыше 22-хъ милліонамъ крестьянъ являлось поистинѣ огромнымъ дѣломъ Императора Александра II; но главная суть крестьянской реформы состояла именно

въ томъ, что крѣпостные были отпущены на волю съ землею. Противъ дарованія крестьянамъ одной только личной свободы, безъ земли, ничего не имѣли и самые завзятые крѣпостники, по той простой причинѣ, что такая воля была бы для народа хуже неволи. Вмѣсто отмѣненнаго по закону крѣпостного права установилась бы въ такомъ случаѣ настоящая, дѣйствительная кабала, такъ какъ мужику жить безъ земли невозможно, и въ тоже самое время на рукахъ у государства оказались-бы свыше 22-хъ милліоновъ безземельныхъ и обездоленныхъ нищихъ. Благодаря личной настойчивости Императора Александра II, Россія была спасена отъ такой ужасной участи: помѣщичьи крестьяне были освобождены съ землею.

Отмѣна крѣпостного права положила предѣлъ развитію помѣщичьяго произвола и послужила краеугольнымъ камнемъ, безъ котораго были-бы немыслимы всѣ послѣдующія преобразованія. Вотъ почему день освобожденія крестьянъ въ Россіи всегда будетъ поистинѣ великимъ государственно-народнымъ праздникомъ, великимъ торжествомъ не только для крестьянина, но и для всякаго сына земли русской, благосостояніе и крѣпость которой одинаково зиждутся на благѣ всѣхъ сословій, званій и состояній.

Высочайшій манифестъ объ освобожденіи крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, какъ уже сказано, былъ подписанъ 19-го февраля 1861 года, а 5-го марта того же года одновременно по всей Россіи объявленъ во всеобщее свѣдѣніе, причемъ вѣсть объ освобожденіи крестьянъ вызвала неописуемый восторгъ и трогательную благодарность народа своему Государю на всемъ пространствѣ земли русской, начиная отъ столицы и кончая послѣдней бѣдной деревушкой.

„Осѣни себя крестнымъ знаменіемъ, православный народъ, и призови съ Нами Божіе благословеніе на твой свободный трудъ—залогъ твоего домашняго благополучія и блага общественнаго". Этими дорогими для каждаго русскаго сердца словами оканчивался Высочайшій манифестъ 19-го февраля. И милліоны рукъ поднялись, какъ одна рука, кверху, осѣнивъ несчетными крестами свободно вздохнувшія груди всѣхъ бывшихъ крѣпостныхъ людей, навсегда освобожденныхъ державною волею и любовью Царя отъ узъ рабства.

Какъ бы въ силу единаго душевнаго движенія сказалось при этомъ у всѣхъ слово „Царь-Освободитель", и славное наименованіе это такъ и осталось съ тѣхъ поръ на вѣчныя времена за Императоромъ Александромъ II. И сколько-бы ни прошло вѣковъ,—имя Царя-Освободителя будетъ всегда произноситься русскимъ человѣкомъ съ благоговѣніемъ, любовью и благодарностью, ибо свобода—лучшій даръ, которымъ пользуется человѣкъ, созданный по образу и подобію Божьему.

ГЛАВА IV.

Отмѣна тѣлесныхъ наказаній. Введеніе земскихъ учрежденій и городского самоуправленія.

Освободивъ крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, даровавъ свободу 22 милліонамъ своихъ поданныхъ, Императоръ Александръ II не остановился на этомъ: за высокознаменательною и благотворною реформою этою совершенъ былъ вскорѣ цѣлый рядъ другихъ коренныхъ преобразованій, явившихся прямыми ея послѣдствіями. Почти всѣ эти дальнѣйшія реформы

поставлены уже были на очередь при обсужденіи крестьянскаго вопроса и ждали только его благополучнаго разрѣшенія.

Будучи полонъ горячей любви къ своему народу и ко всему вообще человѣчеству, и обнимая своимъ царскимъ попеченіемъ всѣхъ своихъ вѣрноподданныхъ всякаго званія и состоянія, Императоръ Александръ Николаевичъ, вслѣдъ за освобожденіемъ крестьянъ, совершилъ, съ помощью Божіею, еще много другихъ славныхъ дѣлъ, проникнутыхъ тою же высокою справедливостью, уваженіемъ къ достоинству человѣка и христіанскою любовью къ ближнему, и такимъ образомъ далъ Россіи полное внутреннее обновленіе.

Первымъ, по времени, преобразованіемъ, послѣдовавшимъ за уничтоженіемъ крѣпостного права, лежавшаго неодолимымъ препятствіемъ на пути всякаго улучшенія и преобразованія государственнаго строя Россіи, явилась отмѣна жестокихъ и позорныхъ тѣлесныхъ наказаній, назначавшихся прежде за преступленія.

Тѣлесныя наказанія ввелись въ то старое время, когда въ военную службу дозволялось еще отдавать въ видѣ наказанія за проступки и даже за преступленія. Для лицъ сданныхъ въ солдаты за порочное поведеніе, нужно было устрашающее наказаніе. Такимъ-то наказаніемъ и были такъ-называемые „шпицрутены“, т. е. длинные прутья, которыми били проходящаго между двухъ шеренгъ преступника, что̀ называлось „прогнаніемъ сквозь строй“. Наказаніе же розгами считалось легкимъ и стало какъ-бы необходимою принадлежностію военной службы; часто оно доходило до жестокости, но, вслѣдствіе постояннаго примѣненія розогъ, къ нимъ всѣ привыкли и онѣ стали явленіемъ настолько обычнымъ, что даже рѣдко

кому приходило въ голову устыдиться понесеннаго имъ наказанія. Къ тому же наказаніе розгами назначалось часто и не по приговору суда, а просто помѣщикомъ, или какимъ-нибудь мелкимъ полицейскимъ чиномъ.

Уже въ началѣ царствованія Императора Александра II обращено было вниманіе на то, что тѣлесное наказаніе, какъ карательная мѣра, не достигая исправленія преступника, только позоритъ личность человѣка, унижаетъ его чувство чести, подрываетъ въ немъ сознаніе его человѣческаго достоинства.

Государь началъ съ уменьшенія круга лицъ, подлежащихъ тѣлесному наказанію. Дворянство, гильдейское купечество и духовенство освобождены были отъ тѣлесныхъ наказаній еще при предшественникахъ Царя-Освободителя. Затѣмъ въ 1855 году, уже въ царствованіе Императора Александра Николаевича, изъяты были отъ тѣлеснаго наказанія церковные старосты; въ 1861 году изъятіе это распространено на женщинъ, достигшихъ 50-ти лѣтняго возраста, на лицъ, получившихъ образованіе въ учебныхъ заведеніяхъ, на повивальныхъ бабокъ, смотрительницъ больницъ и сельскихъ училищъ.

Наконецъ, установившееся, благодаря уничтоженію крѣпостного права, новое положеніе крестьянъ въ средѣ русскаго общества, вызвало вскорѣ почти совершенную отмѣну тѣлесныхъ наказаній и для нихъ.

17-го апрѣля 1863 г. послѣдовалъ именной Высочайшій указъ, которымъ совершенно отмѣнено тѣлесное наказаніе, какъ карательная мѣра, опредѣляемая по приговору общаго суда. Незабвеннымъ указомъ этимъ, который навсегда останется славнымъ памятникомъ въ русскомъ законодательствѣ, уничтожены были, по волѣ Царя-Освободителя, послѣдніе слѣды раб-

ства въ Россіи: отмѣнено наказаніе прогнаніемъ сквозь строй, шпицрутены, плети, кошки и клейменіе человѣческаго тѣла; наказаніе же розгами, которому подвергались дотолѣ лица, принадлежащія къ сословіямъ, не изъятымъ отъ тѣлесныхъ наказаній, замѣнено для нихъ арестомъ или заключеніемъ въ тюрьмѣ. Какъ постоянная мѣра взысканія, наказаніе розгами сохранилось лишь въ предѣлахъ волости, гдѣ оно можетъ быть назначаемо волостнымъ судомъ, въ размѣрѣ не свыше 20 ударовъ, и допускается сверхъ того въ двухъ-трехъ случаяхъ въ области общаго суда, по отношенію къ бродягамъ, непомнящимъ родства и бѣглымъ ссыльно-каторжнымъ.

Отмѣна тѣлеснаго наказанія распространена вмѣстѣ съ тѣмъ и на войска, „въ видахъ возвышенія нравственнаго духа нижнихъ чиновъ", какъ сказано въ Высочайшемъ указѣ. Всѣ безпорочно служащіе нижніе воинскіе чины освобождены нынѣ отъ тѣлеснаго наказанія до тѣхъ поръ, пока не будутъ переведены, по приговору суда, въ разрядъ штрафованныхъ. Во время же состоянія въ разрядѣ штрафованныхъ, нижніе чины, за совершенные ими проступки. могутъ быть, въ видѣ исключенія, наказуемы и безъ суда розгами не свыше 50 ударовъ, со внесеніемъ штрафа въ штрафной журналъ.

Таковы скромные размѣры, въ которыхъ сохранилось примѣненіе въ Россіи наказанія розгами. Всѣ же прочіе существовавшіе прежде виды тѣлеснаго наказанія отошли окончательно въ вѣчность, оставивъ по себѣ одно лишь тяжелое воспоминаніе.

Въ тѣсной связи съ уничтоженіемъ крѣпостного права находится затѣмъ преобразованіе обществен-

наго хозяйства уѣзда и губерніи, посредствомъ введенія такъ-называемыхъ земскихъ учрежденій.

Положеніе о земскихъ учрежденіяхъ явилось какъ-бы дополненіемъ къ великому дѣлу освобожденія крестьянъ отъ помѣщичьей власти.

Исконн, въ очень давнія времена были вольные крестьяне на Руси; искони же было на Руси и земство, которое составлялъ весь русскій народъ: бояре или дворяне, духовенство, купцы и мѣщане—въ городахъ и крестьяне—въ селахъ и деревняхъ. Вотъ, это-то земство мудрый Царь-Освободитель и рѣшилъ возстановить на Руси, для того, что-бы всѣ хозяйственныя дѣла по уѣздамъ и губерніямъ передать въ руки мѣстныхъ людей.

Люди, живущіе въ одной и той же мѣстности, всегда имѣютъ извѣстныя общія всѣмъ имъ нужды и потребности. Такъ, напримѣръ, всѣ они нуждаются въ томъ, чтобы дороги, пролегающія черезъ ихъ мѣстность, были исправны и удобны для проѣзда, чтобы, въ случаѣ появленія какой-либо заразительной болѣзни, мѣстное населеніе не гибло отъ заразы и т. п.

Удовлетвореніе всѣхъ этихъ мѣстныхъ потребностей населенія сопряжено съ извѣстными расходами, которые, въ былыя времена, за отсутствіемъ у правительства денежныхъ средствъ, покрывались натуральными повинностями. Но, съ развитіемъ государственной жизни, возникло много новыхъ потребностей, причемъ прежній порядокъ удовлетворенія ихъ становился уже затруднительнымъ и неудобнымъ, какъ для правительства, такъ и для самихъ мѣстныхъ жителей, а потому натуральныя повинности замѣнены были мало-по-малу денежными.

До введенія въ Россіи земскихъ учрежденій, все земское дѣло въ губерніи сосредоточивалось въ

рукахъ губернатора, который въ самомъ законѣ назывался „хозяиномъ губерніи“ и которому ввѣрено было не только наблюденіе за исполненіемъ законовъ, но и попеченіе о благосостояніи и даже нравственности мѣстныхъ жителей. Единственнымъ ограниченіемъ власти губернаторовъ было учрежденіе въ каждой губерніи особаго комитета земскихъ повинностей и предоставленіе мѣстному дворянскому обществу права на повѣрку отчетовъ по земскимъ сборамъ.

Всѣ земскія повинности дѣлились на государственныя и губернскія. Комитету земскихъ повинностей, который состоялъ изъ управляющихъ отдѣльными частями въ губерніи, предводителей дворянства и депутатовъ отъ дворянства и городовъ, предоставлено было составлять смѣту всѣхъ необходимыхъ и установленныхъ закономъ издержекъ на государственныя повинности, а на губернскія—какъ смѣту издержекъ, такъ и раскладку предположенныхъ въ этой смѣтѣ сборовъ на земли, гильдейскія свидѣтельства и податныя ревизскія души въ губерніяхъ. Депутаты же дворянства имѣли право, передъ каждымъ періодическимъ собраніемъ дворянства, повѣрять отчетность какъ по государственному, такъ и по губернскому земскому сбору; по повѣркѣ этихъ отчетовъ, депутаты представляли свои доклады собранію, которое, если находило какія-либо неправильности, безпорядки или злоупотребленія, могло сообщать объ этомъ высшему правительству.

Но, при господствовавшихъ тогда порядкахъ, всѣ эти права и ограниченія на самомъ дѣлѣ не имѣли значенія: они существовали только въ законодательствѣ, на бумагѣ, не переходя въ жизнь. Происходило это отчасти вслѣдствіе того приниженнаго положенія, въ которомъ находилось мѣстное общество по

отношенію къ власти губернатора, частію же потому, что земскія повинности падали на крестьянъ и мѣщанъ и слѣдовательно дворянство не было лично заинтересовано въ правильномъ употребленіи земскихъ сборовъ. Сборы эти взимались и расходовались особыми приставленными къ этому дѣлу правительственными чиновниками, и такимъ образомъ общественное хозяйство государства, какъ губернское, такъ и уѣздное, находилось большею частію въ рукахъ лицъ, мало съ нимъ знакомыхъ или же относившихся къ нему съ полнымъ равнодушіемъ, какъ къ предмету, для нихъ чуждому. Къ этому присоединялись еще сложность и медленность въ разрѣшеніи хозяйственныхъ вопросовъ, являвшіяся послѣдствіемъ сосредоточенія завѣдыванія дѣлами общественнаго хозяйства въ высшихъ государственныхъ учрежденіяхъ. Такой порядокъ, при огромныхъ пространствахъ нашего обширнаго отечества и отсутствіи путей сообщенія, былъ крайне неудобенъ. Напримѣръ, для того, чтобы исправить въ селѣ церковь, построить мостъ, завести, на счетъ городскихъ или мірскихъ суммъ, школу, больницу, богадѣльню и проч., нужно было испрашивать, въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, разрѣшеніе чуть-ли не изъ самаго Петербурга; а между тѣмъ по полученіи этого разрѣшенія смѣта на исправленіе церкви, утвержденная кѣмъ слѣдовало, уже не годилась, такъ какъ, за долгое время ожиданія разрѣшенія, церковь ветшала и требовала на поправку уже бо̀льшихъ расходовъ, вслѣдствіе чего возникали новыя хлопоты и проволочки. Ясно было, что завѣдываніе общественнымъ или земскимъ хозяйствомъ находилось не въ тѣхъ рукахъ, въ какихъ бы слѣдовало, а потому и отличалось большою путаницею и безурядицею.

Вотъ почему Императоръ Александръ II призналъ необходимымъ преобразовать и эту часть управленія. Государь пожелалъ, чтобы въ каждой губерніи дороги были лучше, мосты были крѣпче, чтобы въ больницахъ было больше удобствъ и порядка и чтобы бѣдные люди могли, въ случаѣ надобности, находить въ нихъ дѣйствительную и скорую помощь; пожелалъ онъ также, чтобы школъ для народа завелось побольше и чтобы, наконецъ, каждый уѣздъ и каждая губернія сами думали о своемъ продовольствіи.

Исходя, при этомъ, изъ той основной мысли, что всякое хозяйство идетъ обыкновенно лучше и успѣшнѣе тамъ, гдѣ имъ завѣдуетъ самъ хозяинъ, а не постороннее лицо, и что удовлетвореніе потребностей мѣстнаго населенія касается ближе всего этого именно населенія, Царь-Освободитель призналъ за благо призвать къ ближайшему завѣдыванію дѣлами, относящимися до хозяйственныхъ пользъ и нуждъ каждой губерніи и каждаго уѣзда, само мѣстное населеніе, вызвать это населеніе къ самодѣятельности и возложить на него, какъ на плательщика земскаго сбора, всѣ заботы по взиманію этого сбора и по употребленію его на пользу населенія.

Въ этихъ видахъ, 1-го января 1864 г. Высочайше утверждено было особое „Положеніе о губернскихъ и уѣздныхъ земскихъ учрежденіяхъ". Закономъ этимъ управленіе и распоряженіе дѣлами, касающимися хозяйственныхъ пользъ и нуждъ каждой губерніи и каждаго уѣзда, ввѣрено самому мѣстному населенію.

Сами мѣстные жители, конечно, лучше кого-либо другого знакомы съ своими нуждами и потребностями; имъ яснѣе, чѣмъ кому-либо, видно, какія именно мѣры слѣдуетъ предпринять къ улучше-

нію мѣстнаго хозяйственнаго быта, т. е. что въ данное время нужнѣе для ихъ края: дорогу-ли исправить, школу-ли завести или больницу устроить, сколько денегъ слѣдуетъ собрать на земскія нужды и какъ безобиднѣе сдѣлать раскладку земскаго сбора на всѣхъ мѣстныхъ жителей, въ видѣ налога на ихъ земли, фабрики, заводы и т. п. имущество.

Чтобы земскій сборъ не отягощалъ мѣстнаго населенія, самому этому населенію предоставлено право разверстывать сборъ между отдѣльными жителями, соразмѣрно достатку каждаго плательщика, а чтобы сборъ этотъ употреблялся правильно, т. е. шелъ на удовлетвореніе дѣйствительныхъ нуждъ населенія, самому же населенію предоставлено и право завѣдывать расходываніемъ этого сбора.

И такъ, главная задача земскихъ учрежденій заключается въ удовлетвореніи потребностей мѣстнаго населенія. Но, преслѣдуя эту главную свою задачу, земскія учрежденія должны при этомъ заботиться о томъ, чтобы всякія вообще хозяйственныя потребности мѣстнаго населенія удовлетворялись возможно лучше и полнѣе и чтобы вмѣстѣ съ тѣмъ расходы по удовлетворенію этихъ потребностей не были обременительны для населенія, чтобы населеніе возможно менѣе чувствовало тягость земскихъ налоговъ. Вотъ почему на обязанности земскихъ учрежденій лежитъ попеченіе о возможно уравнительной раскладкѣ этихъ налоговъ, сообразно средствамъ отдѣльныхъ плательщиковъ.

Всякое лицо, обладающее извѣстнымъ, указаннымъ въ законѣ, имуществомъ или капиталомъ, обязательно участвуетъ въ платежѣ земскаго сбора, а платежъ земскаго сбора даетъ, въ свою очередь, право на участіе въ управленіи земскимъ хозяйствомъ. Но

такъ какъ лицъ, живущихъ въ извѣстной мѣстности и платящихъ земскій сборъ очень много и нѣтъ никакой возможности, чтобы все мѣстное населеніе непосредственно участвовало въ управленіи земскимъ дѣломъ, то плательщикамъ земскаго сбора предоставлено избирать изъ среды своей, для ближайшаго завѣдыванія земскимъ хазяйствомъ, особыхъ довѣренныхъ людей, которые и являются уже дѣйствительными заправителями дѣла. Эти довѣренные люди, избираемые, въ установленномъ порядкѣ, самимъ населеніемъ, на три года, изъ мѣстныхъ жителей всѣхъ сословій—дворянъ-землевладѣльцевъ, горожанъ, духовенства и крестьянъ,—подаютъ, при обсужденіи и рѣшеніи земскихъ дѣлъ, голоса и называются поэтому „гласными“.

Собраніе лицъ, имѣющихъ право выбирать гласныхъ и быть избираемыми въ гласные, созванное для производства этихъ выборовъ, называется избирательнымъ съѣздомъ.

Изъ помянутыхъ сословныхъ представителей или выборныхъ, называемыхъ „гласными“, и составляются такъ-называемыя уѣздныя и губернскія земскія учрежденія, а именно: 1) уѣздныя и губернскія земскія собранія, на которыя съѣзжаются ежегодно, на извѣстный срокъ, земскіе представители уѣзда и губерніи, для обсужденія и рѣшенія своихъ общихъ дѣлъ и 2) уѣздныя и губернскія земскія управы, учрежденныя для непосредственнаго и постояннаго, въ теченіе всего года, управленія текущими дѣлами по земству и приведенія въ исполненіе постановленій земскихъ собраній.

Уѣздное земское собраніе составляютъ гласные, избранные на мѣстныхъ избирательныхъ съѣздахъ. Собраніе это и есть то именно учрежденіе, въ кото-

ромъ собственно сосредоточивается завѣдываніе всѣмъ мѣстнымъ уѣзднымъ земскимъ хозяйствомъ.

Уѣздныя земскія собранія бываютъ обыкновенно одинъ разъ въ годъ, не позже сентября мѣсяца. Но кромѣ обыкновенныхъ, ежегодныхъ засѣданій уѣзднаго земскаго собранія, называемыхъ очередными, бываютъ еще чрезвычайныя или внѣ-очередныя засѣданія. Эти послѣднія засѣданія открываются тогда, когда земское собраніе должно разсмотрѣть какое нибудь дѣло, не терпящее отлагательства, а между тѣмъ до открытія очереднаго собранія остается еще значительное время.

Такъ какъ уѣздное земское собраніе засѣдаетъ не постоянно, а лишь по временамъ, между тѣмъ всякое дѣло требуетъ непрерывнаго наблюденія и направленія, то каждое земское собраніе выбираетъ, изъ среды своей, на три года, нѣсколько лицъ, для образованія особой уѣздной земской управы, на которую и возлагается постоянное управленіе земскимъ хозяйствомъ по указаніямъ собранія.

Затѣмъ, подобно тому, какъ въ каждомъ уѣздѣ существуютъ—уѣздное земское собраніе и уѣздная земская управа, и въ каждой губерніи существуютъ—особое губернское земское собраніе и особая губернская земская управа.

Губернское земское собраніе составляется изъ губернскихъ гласныхъ, избираемыхъ, въ извѣстномъ числѣ, каждымъ уѣзднымъ земскимъ собраніемъ, изъ среды своей, на три года. Губернское земское собраніе созывается обыкновенно одинъ разъ въ годъ, не позже ноября мѣсяца. Но сверхъ обычныхъ или такъ-называемыхъ очередныхъ засѣданій губернскаго собранія, допускаются и чрезвычайныя, для рѣшенія вопросовъ, не терпящихъ отлагательства.

Для постояннаго же управленія земскимъ дѣломъ по указаніямъ губернскихъ земскихъ собраній существуютъ губернскія земскія управы, составляемыя, на подобіе уѣздныхъ управъ, изъ членовъ, избираемыхъ губернскими собраніями изъ среды своихъ гласныхъ.

Такимъ образомъ, земскимъ собраніямъ принадлежитъ власть распорядительная, а земскимъ управамъ—власть исполнительная: собраніе указываетъ, что̀ нужно сдѣлать по земскому управленію, по той или другой части земскаго хозяйства, а управа исполняетъ лишь опредѣленія и постановленія собранія и имѣетъ поэтому, для отправленія ежедневныхъ текущихъ дѣлъ, постоянныя, въ теченіе цѣлаго года, засѣданія.

Затѣмъ, между губернскими и уѣздными земскими учрежденіями занятія распредѣляются такимъ образомъ, что губернскія земскія учрежденія завѣдуютъ тѣми изъ земскихъ дѣлъ, которыя относятся до цѣлой губерніи или же до нѣсколькихъ ея уѣздовъ, а уѣздныя земскія учрежденія завѣдуютъ земскими дѣлами, касающимися лишь одного того уѣзда, въ которомъ они учреждены.

Будучи призваны къ общему, всесословному участію въ обсужденіи и удовлетвореніи хозяйственныхъ пользъ и нуждъ своего края, въ предѣлахъ уѣзда и губерніи, сословія наши—дворяне-землевладѣльцы, городскіе и сельскіе обыватели—значительно сблизились и слились между собою.

Ничего подобнаго не было въ Россіи до Императора Александра II-го. Городской и сельскій житель, купецъ, мѣщанинъ и особенно крестьянинъ не принимали почти никакого личнаго участія въ общемъ хозяйствѣ своей губерніи и своего уѣзда.

Вносилъ человѣкъ подати, отбывалъ повинности, платилъ, что̀ скажутъ и прикажутъ, и не вѣдалъ, на что̀ все это идетъ и какъ расходуется. Не было у него права обсуждать сообща съ другими свои хозяйственныя нужды, поразмыслить вмѣстѣ съ ними о томъ, гдѣ и откуда взять необходимыя на расходы денежныя средства, какъ правильнѣе и равномѣрнѣе разложить повинности.

И вотъ, не прошло еще и четырехъ лѣтъ послѣ освобожденія крестьянъ, какъ уже были введены земскія учрежденія. Явились выборные, земскіе, гласные люди и начался новый, земскій строй жизни Россіи: населеніе большинства уѣздовъ и губерній получило дорогое для каждаго право самостоятельно распоряжаться своимъ общественнымъ хозяйствомъ, и всѣ сословія, всѣ классы общества уравнялись между собою въ обсужденіи и удовлетвореніи своихъ нуждъ и потребностей. И дворяне, и мѣщане, и купцы, и духовныя лица, и разночинцы и крестьяне получили въ земствѣ одинаковыя права и засѣдаютъ нынѣ вмѣстѣ въ собраніяхъ земскихъ, распоряжаясь сообща уѣзднымъ и губернскимъ хозяйствомъ. Участвуя, посредствомъ избранныхъ лицъ, въ завѣдываніи дѣлами, касающимися пользъ и нуждъ своего края, мѣстное населеніе начало жить новою, болѣе самостоятельною общественною жизнью. Хозяйство общественное обновилось и перестроилось на новый ладъ. То, что̀ прежде дѣлали въ губерніи только нѣсколько чиновниковъ, у которыхъ, даже при полной ихъ добросовѣстности, не хватало ни времени, ни силъ для точнаго исполненія лежавшихъ на нихъ многоразличныхъ и многосложныхъ обязанностей, то, по волѣ Государя, стали дѣлать теперь въ губерніи всѣ ея жители вмѣстѣ, и дѣло пошло

куда на сколько скорѣе и проще, и всѣмъ въ губерніи стало лучше: земская жизнь закипѣла; явилось множество новыхъ учрежденій, о которыхъ прежде и думать не приходилось: во многихъ большихъ селахъ можно теперь найти училище, больницу, фельдшера, бабку, иногда даже врача и ветеринара. Конечно, дорогіе плоды этого новаго порядка не могли явиться всѣ сразу; но какъ ни молоды земскія учрежденія, они, однако же, и въ короткій еще періодъ своего существованія успѣли уже проявить наглядно значеніе и пользу земскаго дѣла по отношенію къ удовлетворенію мѣстныхъ хозяйственныхъ пользъ и нуждъ въ предѣлахъ уѣзда и губерніи; уже и теперь многія нужды и насущныя потребности уѣздовъ и губерній удовлетворяются значительно лучше прежняго: и школъ стало больше, и больницъ также прибавилось, и сборы ложатся равномѣрнѣе и много еще другого хорошаго и благотворнаго пошло по землѣ русской съ введеніемъ въ ней земскихъ учрежденій.

Среди заботъ о благѣ Россіи тяжкая печаль постигла Царя-Освободителя: въ началѣ 1864 года цесаревичъ Николай Александровичъ заболѣлъ и 12-го Апрѣля 1865 года скончался. Покорный волѣ Божіей, Государь Императоръ манифестомъ 19-го того же апрѣля, провозгласилъ наслѣдникомъ престола и цесаревичемъ великаго князя Александра Александровича.

Въ 1866 году, 28-го октября, послѣдовало бракосочетаніе Государя наслѣдника цесаревича съ дочерью короля датскаго, принцессой Дагмарой, нареченной благовѣрною великою княжною Маріею Ѳеодоровною. Господь благословилъ ихъ супруже-

ство рожденіемъ 6 Мая 1868 года сына первенца, великаго князя Николая Александровича — нынѣ благополучно царствующаго Государя Императора Николая II.

Спустя шесть лѣтъ по введеніи въ Россіи земскихъ учрежденій послѣдовало преобразованіе, на тѣхъ же основаніяхъ, и городского управленія. Высочайшимъ указомъ 16 іюня 1870 г. утверждено было новое „Городовое Положеніе“, по которому и города наши получили также широкое право самоуправленія, т. е. самостоятельнаго завѣдыванія городскимъ хозяйствомъ и управленіемъ.

По Городовому Положенію 1870 г. городское общественное управленіе состоитъ изъ городскихъ избирательныхъ собраній, городской думы и городской управы.

Городскія избирательныя собранія, состоящія изъ всѣхъ городскихъ жителей, уплачивающихъ въ доходъ города извѣстные сборы и налоги съ имущества или промысла, созываются каждые четыре года единственно для избранія изъ среды городского общества, безъ различія сословій, городского головы и гласныхъ въ городскую думу.

Городская дума состоитъ, подъ предсѣдательствомъ городского головы, изъ гласныхъ, выбранныхъ въ избирательныхъ собраніяхъ. Она собирается для обсужденія и рѣшенія дѣлъ, относящихся до городского хозяйства и благоустройства, и имѣетъ такимъ образомъ власть распорядительную. Для завѣдыванія же текущими хозяйственными дѣлами города, дума избираетъ, изъ числа своихъ гласныхъ, членовъ въ городскую управу, которая, состоя подъ предсѣдательстовмъ городского головы, приводитъ въ испол-

неніе издаваемыя думою постановленія, собираетъ нужныя свѣдѣнія, изготовляетъ проекты, распоряжается, согласно указаніямъ думы, городскими капиталами, составляетъ для нея отчеты о своей дѣятельности и обнародываетъ ихъ вмѣстѣ съ заключеніями думы.

Кругъ вѣдомства городского общественнаго управленія въ предѣлахъ города весьма обширенъ: дума самостоятельно устраиваетъ городское управленіе и хозяйство, выбираетъ должностныхъ лицъ, назначаетъ имъ жалованье, устанавливаетъ городскіе сборы, завѣдуетъ городскими имуществами, расходуетъ городскія суммы, заботится о внѣшнемъ благоустройствѣ города, о его благосостояніи, здравіи, просвѣщеніи и промышленности, устраиваетъ рынки, пристани, открываетъ больницы, благотворительныя заведенія, школы, библіотеки, музеи, театры, выставки и т. п., наконецъ, ходатайствуетъ передъ правительствомъ по предметамъ нуждъ и пользъ города.

ГЛАВА V.

Преобразованіе судебной части.

Почти одновременно съ введеніемъ земскихъ учрежденій, Императоръ Александръ II призналъ необходимымъ, для благоденствія своего народа, преобразовать на совершенно новый ладъ и существовавшій у насъ до того времени порядокъ судоустройства и судопроизводства, уравнять своихъ подданныхъ не только въ одномъ земскомъ хозяйствѣ, но и предъ закономъ и судомъ.

Преобразованіе судебной части явилось прямымъ послѣдствіемъ перваго драгоцѣннаго и великодуш-

наго царскаго подарка народу—данной ему воли, ибо прежде крестьяне въ дѣлахъ своихъ во многомъ зависѣли отъ помѣщиковъ; съ освобожденіемъ же ихъ отъ крѣпостной зависимости, необходимо было всѣхъ подданныхъ, безъ различія званія и положенія, сравнять передъ судебною властію, дать всѣмъ имъ одинаковую защиту суда и закона. И вотъ „судъ равный для всѣхъ“, водворенный въ Россіи волею Царя-Преобразователя, далъ крестьянамъ, уже освобожденнымъ отъ личной зависимости, полныя гражданскія права и такимъ образомъ уравнялъ ихъ и въ этомъ отношеніи со всѣми другими сословіями.

Для огражденія какъ отдѣльныхъ лицъ, такъ и цѣлаго общества отъ возможныхъ нарушеній принадлежащихъ имъ правъ, во всѣхъ благоустроенныхъ государствахъ существуютъ особые законы, опредѣляющіе отвѣтственность лицъ, виновныхъ въ правонарушеніяхъ, а для того, чтобы законы эти не оставались мертвою буквою, установлены особые суды, на обязанности которыхъ лежитъ разбирать случаи правонарушеній и постановлять затѣмъ приговоры надъ правонарушителями, возлагая на нихъ законную отвѣтственность.

Всѣ правонарушенія, подлежащія разбирательству судовъ, распадаются на двѣ главныя группы, рѣзко различающіяся между собою какъ по своей сущности, такъ и по тѣмъ послѣдствіямъ, которыя они влекутъ за собою для правонарушителя, а именно на: а) гражданскія правонарушенія и б) уголовныя правонарушенія, называемыя иначе преступленіями.

Подъ гражданскимъ правонарушеніемъ разумѣется такое нарушеніе чьего-либо имущественнаго права, которое совершено безъ всякаго злого умысла, а просто или вслѣдствіе невозможности выполнить при-

нятое на себя обязательство, или же по причинѣ ложнаго убѣжденія въ своемъ правѣ. Такъ, напримѣръ, лицо, не имѣющее возможности возвратить въ срокъ взятую въ долгъ сумму, совершаетъ гражданское правонарушеніе,—вслѣдствіе невозможности выполнить свое обязательство; точно также и сынъ, вступившій по смерти отца во владѣніе и пользованіе оставшимся послѣ него имуществомъ, не зная, что имущество это завѣщано другому лицу, совершаетъ гражданское правонарушеніе—вслѣдствіе ложнаго убѣжденія въ своемъ правѣ на означенное имущество.

Уголовныя же правонарушенія или преступленія могутъ нарушать не только имущественныя, но и и всякія другія права, причемъ причиною преступленій бываетъ: или злая воля преступника, т. е. умышленное, сознательное нарушеніе имъ чьего-либо права, или же его неосторожность, т. е. недостатокъ осмотрительности, происходящій отъ небрежнаго отношенія его къ правамъ людей, среди которыхъ онъ живетъ.

Очень понятно, что всякій человѣкъ, совершившій преступленіе, т. е. причинившій кому-либо вредъ своимъ умышленнымъ или неосторожнымъ поступкомъ, можетъ легко и впредь повторить что-нибудь подобное, а потому онъ и приговаривается судомъ не только къ вознагражденію потерпѣвшаго лица за вредъ и убытки и къ возстановленію нарушеннаго права, ежели это будетъ возможно, но, сверхъ того, еще и къ указанному въ законахъ, за совершенное имъ преступное дѣяніе, наказанію.

Совершившій же только гражданское правонарушеніе наноситъ вредъ исключительно тому лицу, право котораго онъ нарушилъ и, не обнаруживая

такихъ качествъ, которыя могли бы подать поводъ ожидать отъ него и въ будущемъ повторенія чего-либо подобнаго, не представляется опаснымъ для общества, а потому и приговаривается судомъ только къ вознагражденію потерпѣвшаго за вредъ и убытки и къ возстановленію нарушеннаго права; наказанія же никакого при этомъ не назначается.

Но, независимо отъ законовъ, опредѣляющихъ отвѣтственность за гражданскія и уголовныя правонарушенія, существуютъ еще особые законы, опредѣляющіе внутреннее устройство самыхъ судовъ—законы судоустройства и, сверхъ того, законы, устанавливающіе порядокъ, формы и обряды, съ соблюденіемъ которыхъ должно производиться разбирательство въ судѣ каждаго дѣла—законы судопроизводства. А такъ какъ судамъ приходится разбирать правонарушенія двоякаго рода, гражданскія и уголовныя, рѣзко различающіяся между собою по своей сущности и послѣдствіямъ для правонарушителя, то и существуютъ два самостоятельныхъ вида судопроизводства—гражданское и уголовное.

Цѣль гражданскаго судопроизводства состоитъ въ томъ, чтобы, въ случаѣ возникновенія спора о гражданскомъ правѣ (напр. о правѣ собственности на имущество), или совершенія гражданскаго правонарушенія (напр. неуплаты въ срокъ взятой въ долгъ суммы)—рѣшить этотъ споръ или устранить правонарушеніе.

Уголовное же судопроизводство имѣетъ главною цѣлію убѣдиться въ степени виновности подсудимаго, обвиняемаго въ какомъ-либо преступномъ дѣяніи, чтобы назначить затѣмъ осужденному соразмѣрное съ его виною наказаніе; вознагражденіе же потерпѣвшаго лица за вредъ и убытки, которые оно по-

несло отъ преступленія, стоитъ при этомъ уже на второмъ планѣ.

Въ каждомъ судебномъ дѣлѣ выступаютъ, такимъ образомъ, предъ судомъ двѣ состязающіяся стороны, изъ которыхъ одна сторона требуетъ возстановленія нарушеннаго права, а другая должна отвѣчать по предъявленному противъ нея спору или обвиненію.

Судъ же служитъ только посредникомъ между обѣими сторонами, т. е. долженъ, по выслушаніи сихъ сторонъ и разсмотрѣніи всѣхъ представленныхъ ими объясненій и доказательствъ, стрѣмиться къ раскрытію въ каждомъ дѣлѣ истины и безпристрастно рѣшить, на чьей сторонѣ находится право, чтобы устранить своимъ приговоромъ всѣ послѣдствія правонарушенія.

Для устраненія неправильныхъ судебныхъ рѣшеній и, главнымъ образомъ, злоупотребленій со стороны судей, ихъ произвола и несправедливости, весьма важнымъ условіемъ служитъ публичность засѣданій суда, т. е. производство суда при открытыхъ дверяхъ, и гласность всего хода процесса, т. е. оглашеніе его въ печати. При публичности и гласности судебнаго разбирательства, каждый судья невольно добросовѣстнѣе относится къ своему дѣлу, чтобы не подвергнуться законной отвѣтственности и не возстановить противъ себя общественнаго мнѣнія. Точно также и свидѣтели, давая свои показанія въ публичномъ и гласномъ судѣ, вынуждены давать правдивыя показанія, изъ опасенія отвѣтственности за лжесвидѣтельство, которое притомъ сдѣлается еще извѣстнымъ цѣлому обществу. Наконецъ, публичный и гласный судъ, разбирая каждое дѣло во всей его подробности, раскрываетъ истинныя причины правонарушеній, распространяетъ въ обществѣ знаніе законовъ и правовыхъ понятій, поселяетъ въ немъ увѣрен-

ность, что нельзя подкупить судей и вообще выиграть неправое дѣло и такимъ образомъ въ высшей степени способствуетъ уменьшенію числа преступленій и неосновательныхъ гражданскихъ исковъ.

Для того, чтобы судъ могъ основывать свои рѣшенія на всестороннемъ разсмотрѣніи дѣла, во всѣхъ его подробностяхъ, необходимо еще, чтобы допускалась устность въ процессѣ и равноправность сторонъ передъ судомъ.

Устнымъ процессомъ называется такой, въ которомъ происходитъ устное, т. е. словесное состязаніе передъ судомъ двухъ сторонъ, представляющихъ суду доказательства правоты своего дѣла. Такого рода устность процесса имѣетъ весьма важное значеніе для справедливости приговора, потому что изъ живого слова представшихъ передъ судомъ лицъ судъ гораздо лучше убѣждается въ истинѣ, чѣмъ изъ груды бумагъ, которыя подносятся ему при письменномъ судопроизводствѣ.

Равнопраность же сторонъ передъ судомъ выражается въ томъ, что каждая изъ сторонъ, разъясняя суду дѣло, должна имѣть, вообще, право на все то, на что́ имѣетъ право другая сторона, насколько это, конечно, возможно по самой сущности дѣла.

Но, будучи справедливымъ, безпристрастнымъ, приговоръ суда долженъ быть, сверхъ того, постановленъ еще своевременно; другими словами, необходимо, чтобы рѣшеніе дѣла въ судахъ не затягивалось, такъ какъ, при медленномъ разбирательствѣ дѣла, не только отдаляются и ослабляются всѣ послѣдствія справедливаго приговора, но, кромѣ того, и самое дѣло запутываются, что́, конечно, не можетъ не отразиться и на самой справедливости приговора. Быстрота же веденія дѣла, служащая однимъ изъ важныхъ условій

правильнаго отправленія правосудія, зависитъ, главнымъ образомъ, отъ допущенія устности процесса, при которой въ нѣсколько часовъ разрѣшается то, что̀ при письменномъ судопроизводствѣ тянется цѣлые мѣсяцы, а иногда и годы.

Между тѣмъ, старые суды наши не отличались ни справедливостію, ни скоростью, ни особеннымъ человѣколюбіемъ.

Судъ происходилъ втайнѣ, при закрытыхъ дверяхъ, причемъ не допускалось присутствіе на судѣ не только людей постороннихъ, но даже лицъ, прикосновенныхъ къ дѣлу и въ немъ заинтересованныхъ, а потому о томъ, какъ велись въ судѣ дѣла, знали только тѣ лица, которыя ихъ вели, т. е. сами судьи.

Такая канцелярская тайна судопроизводства имѣла своимъ послѣдствіемъ то, что въ старыхъ судахъ нашихъ трудно было отыскать правду. Пользуясь тайною дѣлопроизводства, судьи позволяли себѣ совершать всевозможныя злоупотребленія: вымогали у тяжущихся деньги, кривили душою, подтасовывали факты и рѣшали затѣмъ дѣла по своему личному усмотрѣнію и произволу, т. е. такъ, какъ самимъ имъ было выгодно и удобно. Безправіе и произволъ царили поэтому въ судахъ.

Затѣмъ, дѣла уголовныя рѣшались на основаніи такъ-называемымъ „формальныхъ доказательствъ", т. е. прямыхъ, въ самомъ законѣ указанныхъ, уликъ, причемъ, для осужденія преступника, требовалось непремѣнно или два свидѣтеля или поимка съ поличнымъ. Какъ скоро этого не было, какъ скоро суду не удавалось при розыскѣ добыть этихъ именно доказательствъ виновности заподозрѣннаго лица,— судъ, хотя бы и былъ убѣжденъ въ виновности подсудимаго, не имѣлъ права постановить надъ нимъ

обвинительнаго приговора, и преступникъ поневолѣ или оправдывался, или оставлялся судомъ въ подозрѣніи.

При господствѣ такихъ порядковъ, нерѣдко человѣкъ ни въ чемъ неповинный, въ силу простой случайности, по одному лишь подозрѣнію, или въ угоду сильному и богатому, признавался по суду неправымъ, виновнымъ и долженъ былъ нести всю тяжесть наказанія; люди же дѣйствительно виновные, для осужденія которыхъ не хватало только прямыхъ, предусмотрѣнныхъ самимъ закономъ, уликъ (а такихъ уликъ, по существу многихъ дѣлъ, даже и имѣть невозможно), оставались на свободѣ и избѣгали наказанія, причемъ судьи получали отъ нихъ за это подарки и благодарности. Всякій человѣкъ, сознававшій за собою силу, по занимаемому-ли имъ общественному положенію, или по матеріальному избытку,—могъ быть совершенно увѣренъ въ безнаказанности нарушенія имъ правъ ближняго, если при этомъ обиженнымъ или потерпѣвшимъ оказывался слабѣйшій. Совершивъ неправду или преступленіе, человѣкъ сильный и богатый могъ почти навѣрное расчитывать выйти изъ воды сухимъ, остаться безъ наказанія за притѣсненіе бѣдныхъ и слабыхъ; небогатый же и, по большей части, безграмотный, темный людъ, незнавшій всѣхъ сложныхъ формальностей дѣлопроизводства, всѣхъ крючковъ и прицѣпокъ и не умѣвшій вести свое дѣло путемъ законной защиты, поневолѣ отдавался на произволъ приказныхъ судей. Умудренные горькимъ опытомъ люди прямо говорили поэтому: „съ богатымъ и сильнымъ не судись". Много и пословицъ сложилъ народъ русскій про судейскую кривду того времени; въ пословицахъ этихъ говорилось, напримѣръ: „не бойся суда, бойся

судьи"; „судъ прямой, да судья кривой"; „то-то и законъ, какъ судья знакомъ"; „въ судъ пойдешь, правды не найдешь".

Другой крупный недостатокъ нашихъ старыхъ судовъ заключался въ томъ, что производство дѣлъ велось въ нихъ исключительно на бумагѣ. Всѣ дѣла рѣшались на основаніи одной переписки; словесныхъ объясненій на судѣ не допускалось. Эта сложная форма письменнаго производства вела къ тому, что самый ходъ дѣлъ въ старыхъ судахъ былъ невѣроятно медленный; самое пустое дѣло тянулось иногда по нѣсколько лѣтъ, требуя громадныхъ расходовъ и въ конецъ раззоряя тяжущихся. Судейскіе чиновники, прикрывавшіеся закономъ и толковавшіе его на всѣ лады, затягивали дѣла на цѣлые годы и безъ конца томили несчастныхъ тяжущихся, большею частію несвѣдущихъ въ законахъ, пользуясь отъ нихъ чѣмъ только можно. Производство дѣлъ въ судахъ тянулось иногда такъ долго и требовало столькихъ издержекъ, что многіе охотнѣе соглашались отказаться отъ своего домогательства, чѣмъ обратиться къ суду. Равнымъ образомъ и подсудимымъ, людямъ нерѣдко совершенно невиннымъ, только подозрѣваемымъ въ какомъ-либо преступленіи или проступкѣ, приходилось цѣлыми годами томиться въ заключеніи, въ ожиданіи окончанія ихъ дѣла въ судѣ. Просидѣвъ нѣсколько лѣтъ въ душной и сырой тюрьмѣ, подсудимые эти или выпускались затѣмъ, какъ невинные, на свободу, или же признавались виновными и тогда присуждались къ позорнымъ тѣлеснымъ наказаніямъ, клейменію лица и ссылкѣ въ отдаленныя мѣста Сибири; за преступленія же менѣе тяжкія судъ приговаривалъ виновныхъ, между прочимъ, къ отдачѣ въ солдаты.

Императоръ Александръ Николаевичъ хорошо зналъ о всѣхъ этихъ недостаткахъ и несовершенствахъ нашихъ старыхъ судовъ и, какъ истинный другъ человѣчества, конечно, не могъ оставаться равнодушнымъ къ такому порядку вещей. Онъ зналъ, что народъ его нуждается въ правильномъ судѣ и понималъ, что только при существованіи такого суда отношенія между гражданами могутъ быть правомѣрными, такъ какъ назначеніе суда состоитъ въ водвореніи правды и справедливости, въ охраненіи правъ и защитѣ личности всѣхъ и каждаго, въ обезпеченіи порядка и законности. Вотъ почему Государь пожелалъ, чтобы вмѣсто прежняго, часто пристрастнаго, медленнаго и не въ мѣру строгаго суда, водворился въ Россіи судъ „скорый, правый, милостивый и равный для всѣхъ подданныхъ".

Опять-таки, какъ и при освобожденіи крестьянъ, дѣло было страшно мудреное; но Царь никакой работы для блага своего народа не боялся и при первой-же возможности оправдалъ свои многознаменательныя слова, всенародно возвѣщенныя имъ еще въ высочайшемъ манифестѣ 19 марта 1856 года: „Правда и милость да царствуютъ въ судахъ".

Но воцареніе правды и милости въ судахъ могло быть достигнуто только совершеннымъ переустройствомъ нашихъ старыхъ судовъ. Вотъ почему, по окончаніи великаго дѣла освобожденія крестьянъ, уничтожившаго крѣпостные порядки въ самомъ грубомъ ихъ проявленіи, рѣшено было преобразовать кореннымъ образомъ и наши суды, введя въ нихъ публичность и гласность судопроизводства, устное разбирательство дѣлъ и участіе въ судѣ, по дѣламъ уголовнымъ, представителей самого народа, въ лицѣ такъ-называемыхъ присяжныхъ засѣдателей. Состав-

ленные соотвѣтственно этому проекты новыхъ судебныхъ уставовъ удостоились 20-го ноября 1864 г. Высочайшаго утвержденія.

По уставамъ 20 ноября 1864 года для судебнаго разбирательства гражданскихъ и уголовныхъ дѣлъ меньшей важности установлены такъ-называемыя судебно-мировыя учрежденія, къ составу которыхъ относятся: 1) мировые судьи и 2) съѣзды мировыхъ судей.

Каждый уѣздъ, съ находящимися въ немъ городами, составляетъ особый мировой округъ и раздѣляется на нѣсколько мировыхъ участковъ, изъ которыхъ каждый состоитъ въ завѣдываніи особаго мирового судьи. Столичные же города С.-Петербургъ и Москва, а также и городъ Одесса раздѣляются каждый на нѣсколько мировыхъ округовъ, состоящихъ изъ двухъ или болѣе частей города.

Мировые судьи занимаются разборомъ дѣлъ каждый на пространствѣ ввѣреннаго ему участка.

Мировые же съѣзды составляются изъ всѣхъ мировыхъ судей, служащихъ по извѣстному уѣзду, и занимаются пересмотромъ рѣшеній мировыхъ судей, въ случаѣ жалобъ на эти рѣшенія. Такимъ образомъ, мировые судьи составляютъ первую степень или такъназываемую „инстанцію“ суда, а съѣзды ихъ—вторую, и потому никакое дѣло не можетъ быть рѣшено мировымъ съѣздомъ, если по дѣлу этому не было еще опредѣленія мирового судьи.

Мировые судьи избираются, на три года, самимъ мѣстнымъ населеніемъ, въ земскихъ собраніяхъ или городскихъ думахъ, изъ людей всѣхъ сословій, владѣющихъ указанною въ законѣ недвижимою собственностію. Названіе же свое мировые судьи получили отъ того, что они, прежде чѣмъ начать разбирать

дѣло, обязаны стараться склонить спорящія стороны къ примиренію и, только въ случаѣ неуспѣха въ этомъ, приступаютъ уже къ разсмотрѣнію дѣла и постановленію рѣшенія. Производство дѣлъ, подсудныхъ мировымъ судьямъ, ведется особымъ, сокращеннымъ порядкомъ, т. е. съ соблюденіемъ меньшаго числа формальностей, ради достиженія возможно большей быстроты рѣшенія этихъ дѣлъ на самомъ мѣстѣ ихъ возникновенія.

Дѣла у мировыхъ судей производятся изустно, посредствомъ словесныхъ объясненій и показаній сторонъ. Только жалоба просителя можетъ быть изложена на бумагѣ; всѣ же остальныя объясненія должны быть сдѣланы на словахъ. За немногими исключеніями, разборъ дѣлъ производится публично, т. е. при открытыхъ для публики дверяхъ, въ присутствіи всѣхъ желающихъ. При рѣшеніи дѣлъ мировые судьи руководствуются своимъ внутреннимъ убѣжденіемъ, основаннымъ на совокупности обстоятельствъ обнаруженныхъ при судебномъ разбирательствѣ, а наказанія назначаются ими на основаніи особаго устава о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями.

Съ учрежденіемъ мировыхъ судей дѣла стали рѣшаться не въ примѣръ скорѣе прежняго: дѣло, требовавшее прежде хожденія по полиціямъ и судамъ въ теченіе многихъ мѣсяцевъ, а иногда и лѣтъ, оканчивается нынѣ въ нѣсколько дней и даже скорѣе.

Недовольные рѣшеніемъ мирового судьи могутъ приносить черезъ него же такъ-называемыя апелляціонныя и кассаціонныя жалобы въ мировой съѣздъ, на который собираются, въ назначенные сроки, для разбора этихъ жалобъ, всѣ мировые судьи, служащіе по извѣстному мировому округу.

Апелляціонною жалобою называется такая, въ

которой можно просить мировой съѣздъ измѣнить рѣшеніе мирового судьи по самому существу дѣла, объяснивъ, съ этою цѣлію, въ чемъ именно это рѣшеніе неправильно и представивъ, въ подтвержденіе своей жалобы, новыя доказательства. Въ кассаціонной же жалобѣ нельзя уже жаловаться на самую сущность рѣшенія, нельзя доказывать, что мировой судья безъ надлежащаго основанія уважилъ требованіе просителя или, на оборотъ, отказалъ въ этомъ требованіи, но можно жаловаться только на нарушеніе судьею формъ и обрядовъ судопроизводства, на неправильное истолкованіе имъ смысла закона при примѣненіи его къ дѣлу, указывая на то, что мировой судья неправильно производилъ дѣло, что онъ не имѣлъ, напримѣръ, права принять дѣло къ своему разсмотрѣнію, не выслушалъ объясненій жалующагося, не разсматривалъ документовъ, ему представленныхъ, не спросилъ свидѣтелей, или же, напротивъ, допросилъ ихъ по такому дѣлу, по которому свидѣтельскихъ показаній не допускается, неправильно подвелъ законъ и т. п.

По апелляціонному дѣлу рѣшенія мирового съѣзда могутъ быть разнообразны. Разобравъ снова все дѣло, съѣздъ можетъ или утвердить рѣшеніе мирового судьи, или же измѣнить это рѣшеніе, присудить больше или меньше, вмѣсто одного наказанія назначить другое, оправдать признаннаго рѣшеніемъ судьи виновнымъ или обвинить оправданнаго и т. п. По кассаціонному же дѣлу рѣшеніе съѣзда можетъ быть только двухъ родовъ: мировой съѣздъ или оставляетъ жалобу безъ послѣдствій, или же, уваживъ жалобу, отмѣняетъ незаконное рѣшеніе мирового судьи и передаетъ дѣло, для перерѣшенія, мировому судьѣ другого участка.

Рѣшенія мировыхъ съѣздовъ, постановленныя въ кассаціонномъ порядкѣ, не допускаютъ никакого дальнѣйшаго обжалованія; рѣшенія же съѣзда, постановленныя по апелляціоннымъ жалобамъ, могутъ быть обжалованы, въ кассаціонномъ порядкѣ, въ правительствующій сенатъ, который, если найдетъ кассаціонную жалобу заслуживающею уваженія, отмѣняетъ приговоръ съѣзда и передаетъ дѣло въ другой мировой съѣздъ, для постановленія новаго по дѣлу рѣшенія.

Для разсмотрѣнія какъ гражданскихъ, такъ и уголовныхъ дѣлъ бо̀льшей важности, неподсудныхъ мировымъ судьямъ, образованы такъ-называемыя общія судебныя мѣста, т. е. окружные суды и судебныя палаты.

При этомъ, въ дѣлахъ уголовныхъ, власть обвинительная отдѣлена нынѣ отъ власти судебной и является передъ судомъ только въ качествѣ одной изъ сторонъ.

Обвинительная власть эта, сущность которой состоитъ въ обнаруженіи преступленій, въ обличеніи и преслѣдованіи передъ судомъ виновныхъ въ нарушеніи законнаго порядка и въ поддержаніи обвиненія на судѣ, возлагается на обязанность особыхъ чиновъ, называемыхъ прокурорами.

Для содѣйствія прокурору въ собираніи подробныхъ свѣдѣній, на основаніи которыхъ можно было-бы, съ полною вѣроятностію, рѣшить: слѣдуетъ-ли предать заподозрѣнное въ совершеніи преступленія лицо суду, или же дѣло о немъ прекратить или пріостановить, производится, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, подъ наблюденіемъ лица прокурорскаго надзора, такъ-называемое предварительное слѣдствіе, т. е. разслѣдованіе истины о происшедшемъ событіи, заключающемъ

въ себѣ признаки преступленія или проступка, подлежащаго разсмотрѣнію судебныхъ мѣстъ. Разслѣдованіе это, лежавшее прежде на обязанности полиціи, обремененной и безъ того уже массою мелкихъ исполнительныхъ дѣлъ, выдѣлено нынѣ изъ круга вѣдѣнія полиціи и ввѣрено особо учрежденнымъ, для производства такихъ слѣдствій, должностнымъ лицамъ, именуемымъ судебными слѣдователями и состоящимъ при окружныхъ судахъ въ качествѣ его членовъ.

Каждый окружной судъ дѣйствуетъ на нѣсколько уѣздовъ, т. е. на часть судебнаго округа, въ составъ котораго входятъ нѣсколько губерній.

Разбирательство дѣлъ, за исключеніемъ весьма немногихъ, въ самомъ законѣ указанныхъ, случаевъ, происходитъ и во всѣхъ общихъ судебныхъ учрежденіяхъ гласно или публично, т. е, при открытыхъ для публики дверяхъ, въ присутствіи всѣхъ желающихъ.

Во время разбора дѣла всегда бываетъ судоговореніе или словесное состязаніе сторонъ; сначала говоритъ о дѣлѣ тотъ, кто ищетъ (истецъ) или кто обвиняетъ (обвинитель), потомъ тотъ, съ кого ищутъ (отвѣтчикъ) или кого обвиняютъ (обвиняемый) или его защитникъ, затѣмъ допрашиваются свидѣтели, т. е. лица, коимъ что-либо извѣстно по дѣлу, и разсматриваются и повѣряются другія, представленныя суду, доказательства. Разсмотрѣніе это, въ отличіе отъ предварительнаго слѣдствія, называется судебнымъ слѣдствіемъ. На судебномъ слѣдствіи происходитъ такимъ образомъ повѣрка передъ судомъ предварительнаго слѣдствія и дополненіе его новыми данными, представленными суду сторонами. Въ дѣлахъ уголовныхъ происходятъ, сверхъ того, послѣ судебнаго слѣдствія, еще такъ-называемыя заключительныя

пренія, состоящія: изъ обвинительной рѣчи прокурора, изъ объясненій гражданскаго истца, т. е. лица, отыскивающаго вознагражденіе за вредъ и убытки, причиненные преступленіемъ, и изъ защитительной рѣчи, произносимой или самимъ обвиняемымъ или его защитникомъ, послѣ чего, наконецъ, судъ, выслушавъ всѣхъ, приступаетъ къ постановленію рѣшенія по существу дѣла.

При обвиненіи же кого-либо въ болѣе тяжкомъ преступленіи, влекущемъ за собою, по закону, наказаніе, соединенное съ лишеніемъ или ограниченіемъ правъ (напримѣръ въ убійствѣ, грабежѣ, подлогѣ), вопросы о томъ: виновенъ-ли подсудимый въ преступномъ дѣяніи, составляющемъ предметъ обвиненія, рѣшаются не судомъ, а призываемыми къ участію въ судѣ, по дѣламъ этого рода, особыми народными представителями, называемыми „присяжными засѣдателями“. Присяжные засѣдатели эти, выбираемые, особымъ порядкомъ, въ числѣ 12 человѣкъ, изъ среды самихъ мѣстныхъ обывателей всѣхъ сословій,— не исключая и бывшихъ крѣпостныхъ крестьянъ,— конечно, лучше кого-либо другого знакомы съ нравами, обычаями и условіями жизни той мѣстности, гдѣ совершилось преступленіе и потому наиболѣе способны сдѣлать, по совѣсти, правильную оцѣнку степени виновности подсудимаго, разсудить, внушено-ли совершенное имъ преступленіе сознательнымъ желаніемъ причинить зло, или явилось результатомъ умственной его неразвитости и нравственнаго отупѣнія, не вызвано-ли оно мгновеннымъ раздраженіемъ и не было-ли, наконецъ, простою несчастною случайностью. Приговоръ присяжныхъ выражаетъ собою, такъ сказать, голосъ общественной, народной совѣсти, которая всегда почти бываетъ справедлива

въ оцѣнкѣ преступленій, насколько вообще въ человѣческихъ силахъ достижима правда и справедливость. На судѣ присяжные засѣдатели обязываются присягою,—по внимательномъ выслушаніи всего хода дѣла, всего, что̀ говорится за и противъ обвиняемаго и по тщательномъ соображеніи всѣхъ представленныхъ суду доказательствъ, а также обстоятельствъ, среди которыхъ дѣйствовалъ подсудимый при совершеніи преступленія,—дать по совѣсти отвѣтъ на предложенные судомъ вопросы о виновности подсудимаго. Въ лицѣ присяжныхъ засѣдателей само общество призывается нынѣ произносить приговоры надъ своими сочленами, привлеченными къ суду, причемъ присяжнымъ дано широкое право, не стѣсняясь формальными доказательствами, произносить оправдательный или обвинительный приговоръ, слѣдуя исключительно указаніямъ своей совѣсти, своего внутренняго убѣжденія, основаннаго на совокупности обстоятельствъ, обнаруженныхъ при производствѣ слѣдствія и суда. Вотъ почему нерѣдко, даже послѣ убѣдительной рѣчи прокурора, на вопросъ суда: виновенъ-ли подсудимый? присяжные выносятъ оправдательный приговоръ, выражаемый словами: „нѣтъ, не виновенъ", и въ такомъ случаѣ обвиняемый считается по суду оправданнымъ и тотчасъ же освобождается. Если же присяжные признаютъ подсудимаго виновнымъ, то выносятъ обвинительный приговоръ, выражаемый словами „да, виновенъ", послѣ чего постояннымъ, коροннымъ судьямъ остается только опредѣлить осужденному, на основаніи приговора присяжныхъ, положенное закономъ наказаніе. Наконецъ, если рѣшеніемъ присяжныхъ подсудимый признанъ виновнымъ, но заслуживающимъ снисхожденія, то судъ обязанъ уменьшить слѣдующее ему по закону наказаніе.

Всѣ остальныя уголовныя дѣла, за которыя въ законахъ назначены наказанія, не соединенныя съ лишеніемъ или ограниченіемъ правъ, разбираются окружными судами безъ участія присяжныхъ засѣдателей, и тогда оба рода вопросовъ, т. е. и вопросы о виновности, и вопросы о наказаніи рѣшаются одними постоянными, коронными судьями. Но за то на всѣ приговоры окружныхъ судовъ по дѣламъ этого рода могутъ быть принесены, въ теченіе опредѣленнаго срока, апелляціонныя жалобы въ судебную палату. Приговоры же по уголовнымъ дѣламъ, постановленные съ участіемъ присяжныхъ, считаются окончательными и, какъ таковые, могутъ быть обжалованы только въ кассаціонномъ порядкѣ въ правительствующій сенатъ.

Всѣ гражданскія дѣла разбираются окружными судами всегда безъ участія присяжныхъ засѣдателей, и потому на всякое рѣшеніе окружнаго суда по гражданскому дѣлу тяжущіеся имѣютъ право приносить апелляцію въ судебную палату.

Судебныя палаты служатъ, такимъ образомъ, высшею инстанціей надъ окружными судами своего судебнаго округа и разсматриваютъ гражданскія и уголовныя дѣла, по которымъ будутъ принесены на рѣшенія этихъ судовъ апелляціонныя жалобы. Всѣ же рѣшенія судебныхъ палатъ по дѣламъ этого рода считаются окончательными и допускаютъ возможность обжалованія ихъ только въ кассаціонномъ порядкѣ въ сенатъ.

Правительствующій сенатъ, имѣя верховный надзоръ и повѣрку правильности рѣшеній мировыхъ съѣздовъ, окружныхъ судовъ и судебныхъ палатъ, служитъ охранителемъ и истолкователемъ законовъ и является высшимъ кассаціоннымъ судилищемъ въ

Россіи, дѣйствующимъ на все пространство Имперіи. Правительствующій сенатъ, въ качествѣ верховнаго кассаціоннаго суда, не входитъ въ разбирательство сущности судебныхъ дѣлъ, а разсматриваетъ только подаваемыя въ него кассаціонныя жалобы, т. е. просьбы объ отмѣнѣ (кассаціи) рѣшеній низшихъ судовъ, причемъ, если сенатъ найдетъ, что жалоба справедлива, что судомъ допущено явное нарушеніе прямого смысла законовъ или существенныхъ формъ и обрядовъ судопроизводства, то онъ, не разсматривая дѣла по существу, отмѣняетъ (кассируетъ) неправильное судебное рѣшеніе и обращаетъ дѣло назадъ, для новаго его разсмотрѣнія, но уже не въ тотъ судъ, приговоръ котораго признанъ недѣйствительнымъ, а въ другой—равной съ нимъ степени.

Такимъ образомъ, сенатъ исправляетъ лишь допущенныя низшими судами неправильности въ порядкѣ судопроизводства, охраняетъ точный смыслъ законовъ и наблюдаетъ за правильнымъ и единообразнымъ толкованіемъ и примѣненіемъ ихъ всѣми судебными мѣстами Имперіи. На рѣшенія сената, по поступившимъ въ него кассаціоннымъ жалобамъ, никакихъ дальнѣйшихъ жалобъ никуда болѣе подаваемо быть не можетъ.

Таковы, въ частностяхъ, наиболѣе выдающіяся, основныя черты новыхъ судовъ по уставамъ 20-го ноября 1864 года, изданнымъ въ 1883 г., по Высочайшему повелѣнію, вновь подъ именемъ „Судебныхъ уставовъ Императора Александра Второго“.

Громадное превосходство этихъ судовъ передъ прежними судами нашими очевидно. По волѣ Государя Императора введенъ въ Россіи гласный и устный судъ, съ участіемъ, въ дѣлахъ уголовныхъ, присяжныхъ засѣдателей. При такомъ состояніи пра-

восудія въ странѣ, личныя права каждаго человѣка представляются обезпеченными: каждый подданный смѣло можетъ быть увѣренъ, что правосудіе воздастъ „коемуждо по дѣломъ его“. За исключеніемъ лишь немногихъ, въ самомъ законѣ опредѣленныхъ, случаевъ, судъ происходитъ публично и гласно, при открытыхъ для всѣхъ дверяхъ, въ присутствіи тяжущихся, обвиняемыхъ, свидѣтелей и постороннихъ лицъ; всякій желающій имѣетъ право присутствовать при разборѣ въ судѣ дѣла, можетъ видѣть и слышать, что дѣло разбираютъ по правдѣ, по справедливости, что судъ поступаетъ по закону и притомъ со всѣми одинаково, не различая ни богатаго, ни бѣднаго, ни знатнаго, ни простолюдина.

Публичностію и гласностію судопроизводства обезпечена бо̀льшая правильность судебныхъ приговоровъ, признана равноправность всѣхъ сословій предъ судомъ и закономъ и отмѣнена канцелярская тайна прежнихъ судовъ, которая тяжелымъ гнетомъ подавляла подсудимаго и ставила его въ положительную невозможность обезпечить себя средствами защиты; подсудимый зналъ только, что тамъ, въ стѣнахъ таинственнаго суда, происходитъ что-то такое, что̀ должно рѣшить его участь, но что̀ именно, о томъ ему не дозволено было вѣдать.

Съ учрежденіемъ новыхъ судовъ, права гражданъ и личность подсудимаго обезпечены, прежнему безправію и произволу положенъ конецъ. Сильный и богатый уже не можетъ выходить изъ воды сухимъ и разсчитывать навѣрное, какъ это было прежде, что останется безъ наказанія за притѣсненія бѣдныхъ и слабыхъ. Новый судъ, ведя свое дѣло всенародно, при участіи самихъ земскихъ людей, равно караетъ всѣ неправды и преступленія,

кѣмъ бы они ни были совершены; всѣ русскіе подданные равны теперь передъ закономъ и судомъ, какъ передъ Богомъ.

Особенное значеніе для освобожденнаго отъ крѣпостной зависимости народа имѣло появленіе мироваго суда, который впервые далъ почти совершенно безправному дотолѣ, мелкому, бѣдному и слабому люду дѣйствительную возможность защищаться отъ всякихъ обидъ, насилій и притѣсненій, искать своего права на законномъ основаніи, безъ всякихъ почти хлопотъ и расходовъ. Народъ скоро понялъ огромное значеніе для него этого новаго суда, простого и доступнаго, и поспѣшилъ широко воспользоваться имъ для защиты своихъ мелкихъ обыденныхъ интересовъ. Новый же судъ, водворяя законность, возстановляя правду и справедливость, вмѣстѣ съ тѣмъ и воспитывалъ новыхъ гражданъ, развивая въ нихъ сознаніе ихъ человѣческаго достоинства, ихъ гражданскихъ правъ и обязанностей передъ обществомъ.

Но если въ новыхъ судахъ и нѣтъ уже умышленнаго неправосудія, какъ это было прежде, то, конечно, и при новомъ порядкѣ судопроизводства, могутъ случаться ошибки и погрѣшности. Вотъ почему и важна установленная закономъ повѣрка правильности рѣшеній низшихъ судовъ въ высшей ихъ инстанціи: ошибется мировой судья—исправитъ рѣшеніе мировой съѣздъ; рѣшитъ неправильно окружной судъ,—переверпитъ дѣло судебная палата; не найдутъ погрѣшности съѣздъ и палата—на истинный путь направитъ сенатъ.

Въ дѣлахъ уголовныхъ явилось гласное, открытое для всѣхъ, обвиненіе и рядомъ съ нимъ—публичная же защита. При такихъ условіяхъ стало возможнымъ не только судить о самомъ преступленіи, но

даже знать, какія обстоятельства привели къ его совершенію; на судѣ выясняется вся жизнь преступника, раскрывается вся его душа. Главнымъ же обезпеченіемъ личности подсудимаго является то, что вопросъ о виновности или невиновности его рѣшаетъ не судъ, а несуществовавшіе въ прежнихъ судахъ „присяжные засѣдатели", т. е. представители того самаго общества, изъ котораго вышелъ подсудимый. И въ самомъ дѣлѣ, что̀ можетъ лучше обезпечить честь и доброе имя каждаго подсудимаго, какъ не предоставленіе общественной совѣсти, въ лицѣ двѣнадцати его согражданъ, рѣшить вопросъ о его виновности или невиновности, на основаніи убѣжденія, вынесеннаго изъ судебнаго слѣдствія и послѣдовавшихъ за нимъ судебныхъ преній,—убѣжденія, не подлежащаго провѣркѣ и отмѣнѣ, если только были соблюдены всѣ установленные закономъ формы и обряды судопроизводства. Совершеніе преступнаго, т. е. запрещеннаго закономъ подъ страхомъ наказанія, дѣянія сопровождается весьма нерѣдко такими обстоятельствами, при которыхъ наказуемость дѣянія противорѣчила бы общественной совѣсти. Вотъ въ этихъ-то случаяхъ строгое примѣненіе буквы закона не дозволило бы царствовать въ судахъ ни правдѣ, ни милости, еслибъ сужденіе о виновности не было предоставлено безапелляціонному суду представителей самого общества. Ихъ практическій смыслъ, ихъ житейская мудрость почти всегда съумѣютъ отличить дѣйствительно виновнаго, безнравственнаго и злонамѣреннаго преступника отъ человѣка умственно-больного, слабаго волей или придавленнаго обстоятельствами жизни, нисколько не опаснаго для общества и попавшаго на скамью подсудимыхъ лишь

вслѣдствіе несчастнаго стеченія для него обстоятельствъ; а потому приговоръ присяжныхъ, основанный на ихъ внутреннемъ убѣжденіи, на ихъ совѣсти, отвѣчаетъ жизненной правдѣ и отличается, во всѣхъ почти случаяхъ, совершенною справедливостью: неправильное обвиненіе теперь уже почти невозможно.

Вмѣстѣ съ тѣмъ дѣла въ судахъ стали рѣшаться не въ примѣръ быстрѣе прежняго; самый ходъ дѣлъ сократился настолько, что подсудимымъ уже не приходится по годамъ томиться въ тюрьмахъ, пока производится ихъ дѣло, а о десяти, двадцатилѣтнихъ тяжебныхъ дѣлахъ не можетъ быть и рѣчи.

Такимъ образомъ, съ изданіемъ „Судебныхъ Уставовъ“ водворился на землѣ русской, согласно словамъ Высочайшаго указа 24-го ноября 1864 г., „судъ скорый, правый, милостивый и равный для всѣхъ подданныхъ“, который „возвысилъ судебную власть, давъ ей надлежащую самостоятельность, и вообще утвердилъ въ русскомъ народѣ то уваженіе къ закону, безъ коего невозможно общественное благосостояніе и которое должно быть постояннымъ руководителемъ дѣйствій всѣхъ и каждаго, отъ высшаго до низшаго“.

ГЛАВА VI.

Усмиреніе польскаго мятежа. Покореніе Кавказа. Завоеванія въ Средней Азіи.

Несмотря на кипучую преобразовательную дѣятельность внутри государства, Императоръ Александръ II не упускалъ изъ виду и такъ-называемой

внѣшней политики, т. е. отношеній Россіи къ другимъ державамъ. Хотя, по окончаніи крымской войны, Государь сознаиъ необходимость водворенія въ Россіи продолжительнаго мира и потому постоянно стремился къ тому, чтобы не вмѣшиваться въ дѣла иностранныхъ государствъ, тѣмъ не менѣе, во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда затрогивалась Россія, онъ твердо и спокойно заявлялъ свои требованія и путемъ мирныхъ убѣжденій отстаивалъ честь и выгоды своего государства.

Особенно памятно въ этомъ отношеніи усмиреніе польскаго мятежа въ 1863 году.

Надо сказать, что въ концѣ прошлаго столѣтія прекратилось существованіе Польши, какъ самостоятельнаго государства: она была раздѣлена между тремя сосѣдними съ нею державами—Россіею, Пруссіею и Австріею, причемъ на долю Россіи достался и городъ Варшава—бывшая столица Польскаго королевства.

Въ 1815 году Императоръ Александръ I даровалъ Царству Польскому особое устройство, съ собраніемъ народныхъ представителей и собственнымъ войскомъ. Благодаря этому устройству и внутреннему спокойствію, Польша начала уже было преуспѣвать на пути своего умственнаго и матеріальнаго благосостоянія. Между тѣмъ поляки были недовольны подчиненіемъ своимъ Россіи и постоянно стремились оторваться отъ русской власти и снова образовать изъ себя особое, независимое государство. Въ народѣ, въ арміи, среди студентовъ образовались тайныя общества, волновавшія умы надеждою на возможность возстановленія прежней самобытной Польши и возбудившія поляковъ, въ концѣ 1830 г., къ вооруженному возстанію, которое быстро распро-

странилось по всему Царству и проникло въ Литву. Впрочемъ, уже въ слѣдующемъ 1831 году польскій мятежъ былъ усмиренъ силою русскаго оружія, причемъ главные предводители возстанія спаслись бѣгствомъ за границу. Послѣ этого Царство Польское лишилось привилегій, дарованныхъ ему Императоромъ Александромъ I, и вошло въ составъ Имперіи, наравнѣ съ другими ея областями.

Со вступленіемъ на престолъ Императора Александра II, въ числѣ первыхъ заботъ Государя было смягченіе положенія поляковъ. Съ самаго начала своего царствованія, Государь не дѣлалъ различія между своими русскими и польскими подданными: все, что̀ было даруемо Имперіи, переносилось и на Царство Польское. Такъ Государь, манифестомъ по случаю восшествія на престолъ, даровалъ широкое всепрощеніе полякамъ, замѣшаннымъ въ польскомъ возстаніи 1830 и 1831 г.г., возвратилъ сосланныхъ поляковъ изъ Сибири, дозволилъ польскимъ выходцамъ, бѣжавшимъ за границу, вернуться на родину и принялъ рядъ другихъ мѣръ, которыя значительно облегчили положеніе польскаго народа.

Всѣ эти милости Государя возбудили живѣйшій восторгъ въ умѣренной и благоразумной части польскаго населенія. Но не такъ были онѣ приняты тѣми поляками, которые еще не переставали мечтать о возможности возстановленія древней Польши въ ея прежнихъ предѣлахъ, о соединеніи всѣхъ частей бывшей Польши въ одно цѣлое и о дарованіи Царству Польскому полнаго самоуправленія, посредствомъ отдѣленія его отъ Россіи и образованія самостоятельнаго польскаго государства. Люди эти враждебно относились ко всѣмъ дѣйствіямъ русскаго правительства и, задумавъ вступить въ открытую борьбу

съ Россіей, начали тайно возбуждать польскій народъ къ новому возстанію.

Уже въ 1860 году въ главномъ городѣ Польши— Варшавѣ начались враждебныя правительству дѣйствія: оскорбленія полиціи, торжественныя шествія по городу, распѣваніе по костеламъ (церквамъ) и на улицахъ патріотическихъ пѣсенъ и молитвъ, произношеніе возмутительныхъ проповѣдей, открытый разговоръ о предстоящей борьбѣ за освобожденіе Польши и т. п. Когда же въ слѣдующемъ затѣмъ 1861 г. въ Россіи совершилось освобожденіе крестьянъ, смуты и безпорядки въ Польшѣ усилились и вызвали, наконецъ, рядъ строгихъ мѣръ со стороны правительства; но эти мѣры не могли уже сдержать распространившагося волненія, которое успѣло сообщиться изъ Варшавы, еще въ бо̀льшихъ размѣрахъ, всему Царству Польскому. Тогда царство это объявлено было на военномъ положеніи, которое нѣкоторое время сдерживало мятежъ. Но когда затѣмъ намѣстникомъ Царства Польскаго назначенъ былъ родной братъ Государя, великій князь Константинъ Николаевичъ, послѣдовалъ рядъ покушеній на жизнь лицъ, поставленныхъ во главѣ управленія и, наконецъ, даже на жизнь самого великаго князя, причемъ, однаго, Богу угодно было спасти царскаго намѣстника отъ угрожавшей ему опасности.

Наконецъ, въ январѣ 1863 года, по поводу объявленнаго рекрутскаго набора, въ Польшѣ вспыхнуло явное возстаніе, причемъ волненіе распространилось частію и на западно-русскій край. Вооруженныя шайки мятежниковъ появились на всемъ пространствѣ Царства Польскаго и старались поднять всеобщее возстаніе. Но предпріятіе мятежниковъ не удалось: рус-

скія войска отразили ихъ на всѣхъ пунктахъ, захвативъ 300 плѣнныхъ и значительное количество оружія.

Пожелавъ еще разъ испытать мѣру кротости и надѣясь образумить, наконецъ, непокорныхъ поляковъ, Государь объявилъ дарованіе прощенія всѣмъ тѣмъ изъ нихъ, кто до 1-го мая сложитъ оружіе. Но мѣра эта, радостно встрѣченная въ Россіи и въ русскомъ обществѣ, вызвала со стороны мятежниковъ только взрывъ негодованія. Когда помянутый срокъ, 1-го мая, прошелъ, намѣстникомъ въ Варшаву былъ назначенъ графъ Бергъ, а генералъ-губернаторомъ сѣверо-западнаго края — генералъ-адъютантъ Муравьевъ. Подъ руководствомъ этихъ двухъ лицъ борьба получила болѣе рѣшительный характеръ и подавленіе мятежа шло успѣшно впередъ.

Между тѣмъ, когда возстаніе было уже почти усмирено русскими войсками, три великія западноевропейскія державы: Англія, Франція и Австрія, желая вреда Россіи, выразили свое сочувствіе польскому движенію и тѣмъ подали полякамъ надежду на помощь съ ихъ стороны. Условившись между собою и подкрѣпивши себя еще Турціею, державы эти прислали русскому правительству одновременно угрожающія требованія объ уступкахъ Польшѣ. Понятно, что дерзкія притязанія державъ были оскорбительны для чувства русской народной чести, какъ вмѣшательство въ наши внутреннія домашнія дѣла. Весь народъ русскій охватило чувство глубокаго негодованія и оскорбленнаго достоинства. Тысяча адресовъ со всѣхъ концовъ Россіи и отъ всѣхъ сословій русскаго народа повергнуты были къ подножію царскаго престола, съ выраженіемъ горячей преданности и готовности жертвовать всѣмъ на защиту чести своего отечества.

Встрѣтивъ рѣшительный отпоръ своему вмѣшательству, державы убѣдились, что за русскимъ Царемъ стоитъ цѣлый народъ и должны были отступиться отъ своихъ требованій.

Окончательное подавленіе польскаго возстанія было затѣмъ уже дѣломъ домашнимъ, безъ всякаго посторонняго вмѣшательства и завершилось возстановленіемъ въ Польшѣ, въ 1864 г., полнаго спокойствія.

Вслѣдъ за тѣмъ предпринятъ былъ рядъ мѣръ, клонившихся къ обезпеченію благоденствія польскаго народа и постепенному сплоченію Царства Польскаго съ Имперіей Россійской. Благодѣтельнѣйшею изъ всѣхъ этихъ мѣръ былъ указъ 19 февраля 1864 г. объ устройствѣ крестьянъ въ Царствѣ Польскомъ.

Надо сказать, что крѣпостное право, по закону, уничтожено было въ Польшѣ еще въ самомъ началѣ текущаго столѣтія, но полученная крестьянами свобода была не лучше неволи: крестьянъ освободили лично, но не надѣлили при этомъ землею. Лишенные земельной собственности, они частію превратились въ настоящихъ безправныхъ батраковъ, частію же остались въ дѣйствительности какъ бы крѣпостными, обязанными за пользованіе клочкомъ земли и усадьбою отбывать въ пользу пановъ барщину и множество натуральныхъ повинностей. Развитіе благосостоянія польскихъ крестьянъ было, при такихъ обстоятельствахъ, очевидно, немыслимо. И вотъ рѣзкая перемѣна къ лучшему въ ихъ матеріальномъ быту произошла только съ изданіемъ указа 19 февраля 1864 года.

Польскіе крестьяне, до которыхъ доходили смутные слухи о дарованіи русскимъ крестьянамъ 19 февраля 1861 г. свободы и надѣленіи ихъ землею, твердо

вѣрили, что эти благодѣянія должны были распространиться и на нихъ. Событія оправдали ихъ ожиданія: въ силу указа 19 февраля 1864 г., земли, состоявшія въ пользованіи польскихъ крестьянъ, поступили въ ихъ полную собственность, причемъ вознагражденіе за эти земли помѣщиковъ казна приняла на себя.

Но до изданія означеннаго указа прошли три года смутнаго времени, въ продолженіе которыхъ крестьянское населеніе Польши оставалось непоколебимо вѣрнымъ русскому правительству, видя въ немъ свою естественную опору и защиту отъ произвола польскихъ пановъ-помѣщиковъ, за которыми они были закрѣпощены; крестьяне были убѣждены, что отъ одного правительства они могутъ ожидать дѣйствительнаго, а не призрачнаго только, признанія своихъ правъ и улучшенія своего положенія и потому старались содѣйствовать водворенію въ Польшѣ порядка, насколько то отъ нихъ зависѣло. Такое поведеніе крестьянъ въ Польшѣ, во время мятежа, не могло не обратить на себя особаго вниманія русскаго правительства, и потому первою мѣрою, принятою имъ, по прекращеніи открытаго возстанія, было надѣленіе всѣхъ польскихъ крестьянъ землею и дарованіе имъ вмѣстѣ съ тѣмъ мірского самоуправленія въ ихъ домашнихъ дѣлахъ, посредствомъ выборныхъ самими крестьянами войтовъ (старшинъ), солтысовъ (старостъ) и т. д.

За этою главною мѣрою послѣдовалъ рядъ другихъ мѣропріятій, клонившихся къ развитію общаго благосостоянія Польши; такъ крестьяне были навсегда освобождены отъ всякихъ повинностей въ пользу помѣщиковъ, въ видѣ барщинъ, денежнаго окупа, хлѣбнаго оброка, чинша, данинъ и т. п.; всѣ иски и недоимки по отмѣненнымъ повинностямъ прекра-

щены; смягчены назначаемыя по суду наказанія, запрещено наложеніе клеймъ и употребленіе розогъ во время слѣдствія; изданъ указъ о преобразованіяхъ въ финансовомъ, почтовомъ и губернскомъ управленіяхъ Царства Польскаго, причемъ Царство это раздѣлено на 10 губерній; въ губерніяхъ и уѣздахъ введено управленіе, подобное существовавшему въ Имперіи, и для безопасности уѣздовъ учреждена земская стража. Наконецъ, въ 1869 г. возвѣщена была Высочайшая воля о принятіи мѣръ къ полному сліянію Царства Польскаго съ прочими частями Имперіи, чѣмъ и завершилось окончательное умиротвореніе Польши, называемой съ тѣхъ поръ Привислянскимъ краемъ.

На слѣдующій годъ по усмиреніи польскаго мятежа послѣдовало покореніе Кавказа.

Громадныя и крутыя Кавказскія горы тянутся отъ Чернаго до Каспійскаго моря, въ видѣ безконечнаго хребта, образуя множество утесовъ, пропастей и ущелій и являя изъ себя неприступную крѣпость, созданную самою природою.

Природа Кавказа представляетъ, во всѣхъ отношеніяхъ, безконечное разнообразіе. Какъ въ составѣ и качествѣ почвы, такъ и въ климатѣ, и въ природныхъ богатствахъ Кавказа замѣчаются самые удивительные переходы отъ голыхъ скалъ и сыпучихъ песковъ до самаго тучнаго чернозема, отъ снѣжныхъ вершинъ до зеленѣющихъ луговъ, отъ безлюдныхъ степей до цвѣтущихъ долинъ, отъ сѣверной стужи до палящаго зноя.

Не меньшее разнообразіе представляетъ и коренное населеніе Кавказа. Теплый и богатый Кавказъ сталъ уже съ давнихъ поръ заселяться выходцами

изъ разныхъ странъ, людьми различной вѣры, рода и племени. Благодаря этому населеніе Кавказа состоитъ изъ множества небольшихъ народцевъ, различныхъ между собою и по наружному виду, и по языку, и по вѣрѣ, и по нравамъ и обычаямъ. Чтó ни долина, чтò ни равнина—почти все разное населеніе. У подошвы горы—одинъ народъ, на склонахъ ея—другой, повыше—третій. Русская поговорка „чтó городъ—то норовъ, чтó деревня—то обычай“—здѣсь вполнѣ примѣнима.

Изъ всѣхъ народовъ, населяющихъ Кавказъ, только грузины и армяне успѣли, еще за нѣсколько вѣковъ до Рождества Христова, образовать независимыя государства, заявили себя въ наукахъ и искусствахъ, прославились военными подвигами и т. д. Но, будучи окружены сильными и воинственными горцами и границя съ юга съ владѣніями персидскими и турецкими, армянское и грузинское царства пришли мало-по-малу въ упадокъ.

Арменія еще въ V вѣкѣ по Рождествѣ Христовѣ сдѣлалась персидскою провинціею. Грузія же продолжала до конца прошлаго столѣтія самостоятельное существованіе, но существованіе очень жалкое. Постоянныя преслѣдованія персіянъ и турокъ съ одной стороны и хищническіе набѣги горцевъ съ другой въ конецъ разорили прекрасную Грузію и до того ее обезсилили, что къ концу прошлаго столѣтія она не могла уже болѣе существовать какъ самостоятельное государство и сама обратилась къ единовѣрной Россіи съ просьбою принять ее въ свое подданство. Уступая усиленнымъ просьбамъ несчастной страны, царствовавшій тогда въ Россіи Императоръ Павелъ I принялъ Грузію (въ 1801 г.) въ русское подданство.

По присоединеніи Грузіи къ Россіи, горскіе народы очутились съ сѣвера и съ юга между русскими владѣніями, но, продолжая по прежнему хищничать и вторгаться въ русскіе предѣлы, препятствовали сообщенію Закавказья съ Имперіею.

Такимъ образомъ для того, чтобы обладаніе Грузіею могло быть прочно и спокойно, не оставалось ничего другого, какъ подчинить русскому владычеству тѣ дикія племена магометанской вѣры, которыя жили въ кавказскихъ горахъ, отдѣляющихъ Россію отъ Закавказья.

И вотъ, въ первые же годы настоящаго столѣтія началась почти постоянная упорная, поистинѣ героическая борьба русской арміи съ кавказскими племенами, продолжавшаяся 60 слишкомъ лѣтъ, до окончательнаго покоренія Кавказа Россіею уже въ царствованіе Императора Александра II.

Во время этой войны русскимъ приходилось дѣйствовать при условіяхъ крайне неблагопріятныхъ. Прежде всего самая природа Кавказа представляла на каждомъ шагу чрезвычайныя затрудненія для движенія: съ одной стороны—непроходимые лѣса, глубокія пропасти и ущелья, съ другой—уходящія въ облака горы и отвѣсные утесы—являли для русской арміи почти неодолимыя препятствія.

Но кромѣ того, что вообще не легко было вести правильную войну въ чрезвычайно гористой и къ тому же совершенно незнакомой странѣ, трудность покоренія Кавказа увеличилась, въ концѣ 20-хъ годовъ настоящаго столѣтія, еще отъ другой причины—вслѣдствіе появленія въ то время въ горахъ новой магометанской секты, такъ-называемаго „мюридизма“. Это новое религіозное ученіе предписывало своимъ послѣдователямъ безусловное повиновеніе высшему

духовному лицу—имаму и непрерывную войну противъ иновѣрцевъ, т. е. христіанъ. Мюридизмъ быстро распространился между горцами, соединилъ ихъ разрозненныя дотолѣ племена въ одно цѣлое и воодушевилъ страшнымъ религіознымъ изувѣрствомъ, безпредѣльною враждою и ненавистію ко всѣмъ тѣмъ, кто не исповѣдывалъ той же вѣры. Воодушевленные новымъ ученіемъ, горцы поднялись почти поголовно на защиту своей страны и готовы были лучше всѣ погибнуть, чѣмъ покориться. Хорошо знакомые съ условіями мѣстности, они на каждомъ шагу строили русскимъ войскамъ засады, изчезали безслѣдно изъ тѣхъ мѣстъ, въ которыхъ сосредоточивалось много русскихъ, и появлялись неожиданно тамъ, гдѣ ихъ было мало, встрѣчали русскихъ выстрѣлами изъ-за деревьевъ и камней и бросались часто въ рукопашный бой.

Но особенно трудною борьба съ кавказскими горцами сдѣлалась съ того времени, какъ предводителемъ ихъ явился имамъ Шамиль, соединявшій съ своимъ духовнымъ званіемъ всѣ качества храбраго и опытнаго воина. Обладая желѣзною волею и удивительнымъ умѣньемъ господствовать надъ дикими горными племенами, Шамиль превратилъ ихъ въ военную машину, направленную противъ русскихъ. Сверхъ того, онъ укрѣпилъ и безъ того почти неприступныя горы, построилъ отличныя крѣпости, завелъ пороховые и литейные заводы и т. п.

Видя все это, и русскіе начали вести противъ горцевъ правильную войну: стали производить постоянныя наступательныя на нихъ движенія, прокладывать въ каждой вновь занимаемой мѣстности дороги, прорубать въ лѣсахъ широкія просѣки, строить укрѣпленія и т. п. Такимъ образомъ, войска наши.

хотя и медленно, но все же подвигались впередъ и все больше и больше тѣснили врага. Тѣмъ не менѣе, казалось, конца не будетъ кавказской войнѣ.

По прекращеніи, въ 1856 году, крымской войны, Государь рѣшилъ во что бы то ни стало покончить эту продолжительную борьбу съ непокорными кавказскими племенами,—борьбу, уже стоившую Россіи многихъ тяжкихъ жертвъ и людьми и деньгами.

Главнокомандующимъ на Кавказѣ и исправляющимъ должность намѣстника кавказскаго назначенъ былъ генералъ-адъютантъ князь Барятинскій, уже прежде отличившійся своими подвигами въ битвахъ съ горцами и хорошо знакомый съ условіями мѣстности и характеромъ горцевъ. Съ назначеніемъ Барятинскаго, война на Кавказѣ не замедлила принять рѣшительный оборотъ.

Князь Барятинскій устремилъ главныя усилія прежде всего на восточную группу кавказскихъ горъ, гдѣ наиболѣе господствовала секта мюридовъ. Преслѣдуя врага, доблестныя войска русскія начали проникать во внутрь Кавказа, въ глубину горъ, дотолѣ неизвѣстныхъ и считавшихся недосягаемыми.

Общее наступательное движеніе русской арміи, совершавшееся по зрѣло обдуманному плану, привело вскорѣ Шамиля въ стѣсненное положеніе, которое уничтожило все его обаяніе въ умахъ слѣпо преданныхъ ему до тѣхъ поръ горскихъ племенъ. Одно за другимъ стали они отпадать отъ Шамиля и изъявляли покорность Россіи. Главное мѣстопребываніе Шамиля — чеченскій аулъ (селеніе) Ведень — взятъ былъ приступомъ, послѣ чего и весь воинственный чеченскій народъ вынужденъ былъ покориться русскому владычеству. Всюду разбиваемый и тѣснимый, Шамиль бѣжалъ въ Дагестанъ, крайнюю во-

сточную область Кавказа, прибрежную Каспійскому морю, бывшую гнѣздомъ мюридизма, и укрылся, съ своимъ семействовъ и небольшою шайкою отчаянныхъ мюридовъ, въ аулѣ Гунибъ, расположенномъ на высотахъ неприступной горы. Усиливъ природную неприступность этого аула всевозможными укрѣпленіями, Шамиль рѣшилъ защищаться до послѣдней возможности. Между тѣмъ, русскія войска, неутомимо преслѣдуя Шамиля, осадили его, наконецъ, въ Гунибѣ. Князь Барятинскій лично руководилъ осадными дѣйствіями. Не смотря на цѣлый дождь камней, сбрасывавшихся горцами съ вершины горы, русскія штурмовыя колонны успѣли, однако, въ ночное время, взобраться съ разныхъ сторонъ, по отвѣснымъ почти скаламъ, на гору и густою цѣпью окружили самый аулъ, въ которомъ Шамиль и остатокъ мюридовъ засѣли въ каменныхъ сакляхъ, продолжая отстрѣливаться. На предложеніе главнокомандующаго прекратить безполезную оборону и не подвергать аулъ всѣмъ ужасамъ штурма, считавшійся дотолѣ непобѣдимымъ Шамиль, видя свое безвыходное положеніе, покинулъ, наконецъ, свое убѣжище и сдался 25 августа 1859 года въ плѣнъ, повергая свою судьбу на милосердіе русскаго Царя.

Плѣненіе Шамиля произвело ошеломляющее дѣйствіе на всѣ горскія племена: по всему Кавказу прошелъ какъ бы трепетъ замиренія. Со взятіемъ Гуниба и плѣненіемъ Шамиля, вся восточная часть Кавказа покорилась русскому владычеству.

Шамиль былъ привезенъ въ С.-Петербургъ и, послѣ представленія Государю, поселенъ на жительство въ городъ Калугу, гдѣ онъ прожилъ со своими близкими нѣсколько лѣтъ. Сынъ же Шамиля принятъ былъ въ Пажескій Его Императорскаго Вели-

чества Корпусъ, для воспитанія на счетъ Государя.

Послѣ покоренія восточной части Кавказа, всѣ усилія русскихъ войскъ немедленно устремились на западный Кавказъ, прилегающій къ восточному берегу Чернаго моря.

Императоръ Александръ II, по свойственному ему великодушію, желалъ избѣжать, по возможности, крутыхъ мѣръ и съ этою цѣлію самъ лично посѣтилъ Кавказскій край. Тамъ онъ, однако, убѣдился, что горцы западнаго Кавказа добровольно не покорятся. И дѣйствительно, окончательное покореніе этой части Кавказа потребовало еще четырехлѣтней непрерывной и неослабной борьбы.

Между тѣмъ, въ началѣ 1863 года, фельдмаршала князя Барятинскаго, въ виду разстроеннаго его здоровья, смѣнилъ новый намѣстникъ кавказскій,—младшій братъ Государя Императора, великій князь Михаилъ Николаевичъ, послѣ чего наступательныя дѣйствія русскихъ войскъ пошли настолько быстро, что уже весною 1864 года окончено было полное завоеваніе и западной части Кавказа. За покореніемъ западнаго Кавказа, уже безъ особенно напряженныхъ усилій послѣдовало окончательное замиреніе всей страны между морями—Каспійскимъ и Чернымъ: послѣдніе остатки кавказскихъ горцевъ вынуждены были изъявить покорность русской власти. Такъ окончилась въ 1864 году мучительно-долгая, дорого-стоющая и кровопролитная кавказская война, и съ тѣхъ поръ весь Кавказъ принадлежитъ Россіи.

Вслѣдъ за покореніемъ Кавказа, Россія начала сводить старинные счеты съ тремя небольшими со-

сѣдними съ нею магометанскими ханствами—Коканомъ, Бухарой и Хивой. Ханства эти расположены въ Средней Азіи, среди безплодныхъ песчаныхъ степей, и населены полудикими разбойническими племенами, которыя, до послѣдняго времени, постоянно совершали дерзкіе набѣги на наши средне-азіатскія пограничныя владѣнія, нападали на русскіе торговые караваны, грабили нашихъ купцовъ, убивали ихъ или же захватывали въ плѣнъ и продавали въ рабство, для исполненія всякаго рода тяжелыхъ работъ.

Все это крайне затрудняло нашу торговлю съ Азіей, нарушало покой нашихъ пограничныхъ владѣній и потому давно уже озабочивало русское правительство. И вотъ, въ 1864 году, два небольшихъ отряда русскихъ войскъ, подъ начальствомъ полковника Черняева и генерала Веревкина, двинуты были, съ двухъ разныхъ сторонъ, въ степи, для наказанія названныхъ враждебныхъ намъ сосѣднихъ племенъ и охраны русской восточной границы отъ ихъ постоянныхъ хищническихъ набѣговъ. Полковникъ Черняевъ взялъ штурмомъ коканскую крѣпость Аулієту, а генералъ Веревкинъ овладѣлъ коканскимъ городомъ Туркестаномъ. Но враждебныя дѣйствія хана Коканскаго и послѣ этого не прекращались и, такимъ образомъ, заставили русскихъ продолжать наступательное противъ него движеніе. Между тѣмъ, въ слѣдующемъ 1865 году генералъ Черняевъ, имѣя всего около 2,000 человѣкъ войска и 12 пушекъ, взялъ приступомъ одинъ изъ величайшихъ и важнѣйшихъ городовъ коканскаго ханства—Ташкентъ, который, вмѣщая въ себѣ до 100,000 жителей, былъ хорошо укрѣпленъ, окруженъ стѣною въ 24 версты длины и оборонялся 30-тысячнымъ гарнизономъ при 63 орудіяхъ. Послѣ этого пораженія ханъ коканскій прекратилъ непрі-

язненныя противъ насъ дѣйствія и изъявилъ полную покорность русскому Царю.

Тогда, однако, сосѣднее съ Коканомъ ханство—бухарское начало безпокоить русскія границы; нужно было усмирить и его. Отрядъ русскихъ войскъ, подъ начальствомъ генерала Романовскаго, выступилъ противъ Бухары.

Война съ Бухарою была столь же побѣдоносна, какъ и съ Коканомъ. Въ 1866 году главныя силы эмира бухарскаго были разбиты на голову и русскіе взяли нѣсколько бухарскихъ городовъ и крѣпостей.

Однако, возобновленіе враждебныхъ дѣйствій со стороны эмира бухарскаго заставило насъ вскорѣ вновь обнажить мечъ и еще болѣе расширить наши владѣнія въ Средней Азіи. Только послѣ взятія русскими войсками стариннаго, славнаго и богатаго бухарскаго города Самарканда, эмиръ, наконецъ, смирился, обязавшись особымъ договоромъ предоставить русскимъ купцамъ полную свободу торговли въ бухарскихъ владѣніяхъ и уничтожить у себя рабство, что сильно подняло обаяніе русскаго Царя въ Азіи.

Вновь завоеванныя въ Средней Азіи (въ Коканѣ и Бухарѣ) земли присоединены были къ владѣніямъ Россіи и изъ нихъ образовано (въ 1867 г.) особое туркестанское генералъ-губернаторство, съ главнымъ городомъ Ташкентомъ.

Съ водвореніемъ владычества Россіи въ Туркестанѣ, торговыя сношенія наши съ Средней Азіей оживились и получили бо̀льшую безопасность, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, и благосостояніе жителей новоприсоединеннаго края начало замѣтно возрастать: подъ защитою русскаго оружія въ глубь Средней Азіи стало проникать образованіе, тамъ начала развиваться торговая дѣятельность, стали основываться школы,

проводиться шоссейныя дороги и вообще водворяться европейскіе порядки.

За Коканомъ и Бухарой наступила очередь Хивы. Ханство хивинское занимаетъ небольшой въ нѣсколько сотъ верстъ, клокъ плодородной земли, заброшенный среди непроходимыхъ пустынныхъ степей, отдѣляющихъ его отъ русскихъ владѣній.

Пользуясь этою природною недоступностію своихъ владѣній для русскихъ войскъ, хивинцы, въ особенности же наиболѣе многочисленное, отважное и хищное племя ихъ — туркмены, издавна позволяли себѣ, подобно коканцамъ и бухарцамъ, разбойнически нападать на русскіе купеческіе караваны, захватывали въ плѣнъ и продавали въ рабство русскихъ торговыхъ и промышленныхъ людей и наносили, такимъ образомъ, не малый ущербъ русской торговлѣ. Особенно же вреднымъ и невыносимымъ сдѣлался этотъ разбойническій образъ дѣйствій хивинцевъ послѣ занятія нами Туркестанской области, такъ какъ, съ расширеніемъ русскихъ владѣній въ Средней Азіи, торговая и промышленная дѣятельность Россіи въ этомъ краѣ сильно оживилась. Неоднократно требовало русское правительство, чтобы хивинцы прекратили свои разбойническія нападенія и выдали русскихъ плѣнниковъ. Но ханъ хивинскій не исполнялъ справедливыхъ требованій русскаго Царя. Тогда рѣшено было покончить и съ этимъ неугомоннымъ, полудикимъ, рабовладѣльческимъ царствомъ и заставить его смириться передъ русскимъ оружіемъ.

Раннею весною 1873 года, русскія войска двинулись на Хиву съ разныхъ сторонъ, тремя отрядами, подъ главнымъ начальствомъ туркестанскаго генералъ-губернатора, генералъ-адъютанта К. П. фонъ-Кауфмана. Невѣроятныя лишенія и трудности пришлось

преодолѣвать русскимъ войскамъ во время этого степного похода. Подъ страшнымъ, непривычнымъ для русскаго человѣка, 45-градуснымъ зноемъ шли они, въ полномъ вооруженіи, по сыпучимъ раскаленнымъ пескамъ тысячеверстнаго мертваго степнаго пространства. Къ тому же скопища туркменъ старались всячески вредить русскимъ войскамъ и загораживать имъ путь къ Хивѣ. Но всѣ нападенія непріятеля были отражены, всѣ преграды и трудности преодолѣны. Благодаря своей едва-вѣроятной терпѣливости, русскія войска вынесли сперва степные морозы и бураны, а потомъ подъ нестерпимо-палящими лучами солнца, бодро прошли въ одинъ мѣсяцъ тысячу верстъ по совершенно безводной и безлѣсной песчаной пустыни и достигли, наконецъ, въ началѣ мая мѣсяца, предѣловъ хивинскаго ханства. Въ три недѣли все ханство было покорено. Нѣсколько городовъ взято было съ боя, другіе сдались безъ сопротивленія, а 29-го мая пала столица ханства — Хива. Русскія войска торжественно вступили въ городъ и покрыли себя новою славою, доказавъ, что для нихъ не существуетъ никакихъ препятствій.

Послѣ взятія русскими Хивы, ханъ хивинскій бѣжалъ было въ степи, но потомъ вернулся и изъявилъ покорность, вслѣдствіе чего и былъ возстановленъ на своемъ престолѣ. Но при этомъ часть хивинскихъ владѣній отошла, по условіямъ заключеннаго съ ханомъ мира, къ Россіи. Кромѣ того, ханъ долженъ былъ признать нѣкоторую зависимость Хивы отъ Россіи, обязался уплатить ей за военныя издержки значительное денежное вознагражденіе, предоставилъ русскимъ купцамъ право свободной торговли въ его владѣніяхъ и обязался не допускать впредь грабежей, отпустить на волю всѣхъ плѣнныхъ и рабовъ и со-

вершенно отмѣнить у себя на вѣчныя времена торговлю рабами. Такимъ образомъ, по настоянію Царя-Освободителя, въ Среднюю Азію,—страну рабства и произвола,—внесена была свобода, а вмѣстѣ съ тѣмъ, завершено и полное умиротвореніе громаднаго края.

Между тѣмъ, лѣтомъ 1875 года въ Коканѣ вспыхнуло возстаніе, направленное противъ русскаго владычества въ Средней Азіи. Возмутители объявили войну за вѣру и отказались повиноваться своему хану, покорному Россіи. Войско хана перешло на сторону возмутителей; провозглашенъ былъ новый ханъ, а прежній бѣжалъ подъ прикрытіемъ русскаго оружія. Мятежники напали на проживавшихъ въ Коканскомъ ханствѣ русскихъ, нанесли имъ убытки и, преслѣдуя ненавистнаго хана, убили и ранили нѣсколькихъ русскихъ солдатъ. Туркестанскій генералъ-губернаторъ фонъ-Кауфманъ требовалъ, чтобы договоръ, заключенный Россіею съ прежнимъ ханомъ, былъ принятъ новымъ и чтобы русскіе, потерпѣвшіе отъ возстанія, были вознаграждены за причиненные имъ убытки; но эти мирные переговоры кончились тѣмъ, что коканцы въ значительномъ числѣ ворвались въ русскіе предѣлы, что̀ и послужило началомъ новой войны съ Кокапомъ. Въ этой войнѣ принималъ дѣятельное участіе знаменитый впослѣдствіи герой генералъ Скобелевъ, бывшій тогда еще только полковникомъ. Всѣ нападенія коканцевъ были отбиты, и русскія войска, подъ начальствомъ генералъ-адъютанта фонъ-Кауфмана, одержали полную побѣду. Такъ кончилась и эта новая война съ Кокаиомъ, и все коканское ханство присоединено, въ 1876 году, къ Россіи, подъ названіемъ Ферганской области.

ГЛАВА VII.

Введеніе всесословной воинской повинности.

Стремясь къ возвышенію нравственнаго духа войска и къ улучшенію его матеріальнаго благосостоянія, Императоръ Александръ II позаботился, вмѣстѣ съ тѣмъ, и объ облегченіи своему народу тяжести военной службы.

Въ старину, лѣтъ за двѣсти-триста тому назадъ, не было у насъ никакой арміи, никакого постояннаго, правильно-устроеннаго войска. Поэтому, въ случаѣ войны, собиралось со всего государства ополченіе и отправлялось въ походъ противъ непріятеля; по заключеніи же мира ополченіе это распускалось, ратники расходились по домамъ и возвращались къ своимъ обычнымъ мирнымъ занятіямъ. Очень понятно, что такое войско не могло быть искуснымъ въ военномъ дѣлѣ. Всякое дѣло, всякій родъ занятій требуетъ особаго умѣнія, особыхъ знаній, пріобрѣтаемыхъ навыкомъ, постоянными упражненіями. Между тѣмъ, наше старинное войско составлялось изъ людей, которые въ военномъ дѣлѣ ровно ничего не понимали, воинскому искусству никогда не обучались и, занимаясь всю свою жизнь лишь земледѣліемъ, умѣли обращаться только съ плугомъ и сохою. Государи русскіе скоро поняли, что съ такими плохими воинами далеко не уйдешь и потому стали подумывать объ устройствѣ правильнаго, т. е. постояннаго и хорошо обученнаго войска. И вотъ, наконецъ, только лѣтъ около 300 тому назадъ, въ Россіи создано было такое правильное войско, съ опредѣленіемъ закономъ подробностей его устройства, управленія и снаряженія. Для того же, чтобы ряды арміи постоянно пополня-

лись, Императоръ Петръ Великій установилъ ежегодные рекрутскіе наборы, состоявшіе въ томъ, что каждый годъ брали въ рекруты опредѣленное количество людей, человѣкъ по пяти-шести съ тысячи, а иногда и больше. При этомъ поступавшіе въ армію по набору обязаны были оставаться на службѣ всю свою жизнь: солдатъ кончалъ службу лишь со своею смертію; въ отставку же увольнялись только лица дряхлыя, уже совершенно неспособныя къ службѣ, которыя и помѣщались затѣмъ въ монастырь на пропитаніе. Только впослѣдствіи, много лѣтъ спустя, срокъ службы для нижнихъ чиновъ сокращенъ былъ до 25 лѣтъ.

Рекрутскимъ наборамъ подлежали одни только низшія, податныя сословія, т. е. крестьяне и мѣщане. Дворяне же вначалѣ обязаны были служить всѣ поголовно, сколько-бы въ семьѣ ни было человѣкъ. Но послѣ Петра Великаго они мало-по-малу освободились отъ обязательной военной службы, и въ концѣ концевъ рекрутскую повинность стали нести почти исключительно низшія, податныя сословія; остальные же, высшіе классы общества, изъяты были отъ этой обязанности и были вольны идти въ военную службу или же не идти.

Рекрутчина была крайне тяжелою для народа повинностію. Всѣмъ еще памятно, какъ она отбывалась, какими ужасными, душу раздиравшими сценами сопровождались проводы рекрутъ ихъ родственниками и вообще близкими имъ людьми, въ какое отчаяніе и уныніе приводила одна вѣсть о наборѣ всѣхъ, кого она касалась.

При существовавшемъ въ то время 25-лѣтнемъ срокѣ службы, поступавшій въ армію совершенно отрывался отъ родной земли: все, что было у чело-

вѣка родного, близкаго, дорогого—село, домъ, семью—все это приходилось оставлять, въ большинствѣ случаевъ навсегда. Тяжело становилось, поэтому, на душѣ у несчастныхъ молодыхъ людей, попадавшихъ въ число рекрутъ; горько плакали и неутѣшно рыдали и родные вновь принятаго въ солдаты: они знали, что прощались съ нимъ на цѣлыхъ 25 лѣтъ, а можетъ быть и навсегда, тѣмъ болѣе, что войска, въ которыя попадали рекруты, размѣщались, по необъятной землѣ русской, тамъ, гдѣ того требовала государственная надобность, вслѣдствіе чего рекрута всегда почти усылали за сотни, а нерѣдко даже и за тысячи верстъ отъ родного мѣста.

Независимо отъ этого, самая служба солдатская была такъ тяжела и сурова, положеніе солдата считалось настолько ужаснымъ и безотраднымъ, что самъ законъ допускалъ, какъ извѣстно, отдачу въ солдаты даже въ видѣ наказанія за преступленія, вмѣсто ссылки на поселеніе. Холодомъ обдавалъ, поэтому, одинъ видъ рекрутскаго присутствія, страхъ и ужасъ наводилъ онъ и на самого рекрута и на всю семью будущаго солдата, и нѣтъ ничего удивительнаго, что отцы, матери и жены оплакивали своихъ сыновей и мужей, сдаваемыхъ въ рекруты, какъ заживо похороненныхъ: въ рекрутѣ оплакивалась не только долгая разлука съ близкимъ человѣкомъ, но и будущій мученикъ, которому предстоитъ длинный, страдальческій путь отупляющей жизни.

Рекрутскіе наборы происходили обыкновенно около Рождества Христова. По объявленіи набора, крестьянскія и мѣщанскія общества опредѣляли, кто именно стоитъ на очереди, то-есть кому въ данномъ году идти въ солдаты, какой семьѣ поставить рекрута. Но при этомъ очередной могъ всегда избавиться

отъ рекрутчины, нанявъ за себя охотника, или, еще проще, заплативъ въ казну опредѣленную сумму денегъ, т. е. купивъ такъ-называемую зачетную рекрутскую квитанцію. Очень понятно, что всякій мало-мальски достаточный человѣкъ пользовался этимъ, предоставленнымъ ему по закону, правомъ, нанималъ за себя охотника или покупалъ квитанцію и такимъ образомъ самъ, лично, навсегда уже освобождался отъ солдатчины. Человѣкъ же бѣдный, неимущій долженъ былъ волею-неволею бросать и домъ и семью и идти на много лѣтъ въ солдаты. Мало того, часто бывали даже случаи, что люди, совсѣмъ не стоявшіе на очереди, сдавались въ рекруты потому только, что сдачею въ рекруты распоряжалось само общество, міръ, а тутъ много значила пріязнь, знакомство, кумовство, ради котораго мірскіе люди частенько-таки кривили душою.

Послѣ праздника Крещенія всѣхъ очередныхъ отправляли въ уѣздный городъ, въ рекрутское присутствіе. Въ присутствіи этомъ рекрутовъ осматривали и, если они оказывались здоровыми, годными къ службѣ, то ихъ принимали въ солдаты. Послѣ пріема, назначеннымъ въ рекруты забривали лбы, а иныхъ даже держали подъ стражею, заковывали въ кандалы, какъ злодѣевъ какихъ-нибудь, а затѣмъ переодѣвали въ рекрутское платье и отпраявляли подъ конвоемъ въ войска.

При этомъ въ рекруты брали въ возрастѣ отъ 21 до 25 и даже до 30 лѣтъ, и, такимъ образомъ, молодой человѣкъ, въ теченіе цѣлыхъ десяти лѣтъ, долженъ былъ ожидать своей очереди назначенія въ рекруты, постоянно опасаясь, что вотъ не въ этомъ году, такъ въ слѣдующемъ, не въ слѣдующемъ—такъ въ третьемъ придется ему идти въ солдаты. Очень понятно,

что въ продолженіе всего этого времени человѣкъ не могъ спокойно заниматься своимъ дѣломъ, не имѣлъ расчета ни устраиваться своимъ хозяйствомъ, ни обзаводиться семьею. Съ другой же стороны, въ армію попадали часто и люди женатые, уже успѣвшіе обзавестись семьею и, можетъ быть, пользовавшіеся полнымъ семейнымъ счастіемъ: и вотъ слово „наборъ" сразу разрушало все это счастіе.

Отслуживъ свои 25 лѣтъ вѣрою и правдою, солдатъ получалъ, наконецъ, отставку. Но что́ ему пользы было отъ этой отставки? Поступивъ на службу молодымъ человѣкомъ и употребивъ на нее лучшіе годы своей жизни, положивъ въ нее всѣ свои силы, все свое здоровье, онъ выходилъ въ отставку уже слабымъ, хилымъ, ни къ какой работѣ неспособнымъ старикомъ. Не весела была, поэтому, доля старослуживаго и по возвращеніи на родину. Вернувшись домой послѣ столь долгаго отсутствія, человѣкъ часто почти никого уже изъ своихъ родныхъ и знакомыхъ и въ живыхъ не находилъ, и приходилось ему, одинокому и безпомощному старику-инвалиду, всѣми оставленному и для всѣхъ чужому, снова мыкаться по свѣту и доживать свой вѣкъ, служа гдѣ-нибудь сторожемъ, а еще чаще протягивая руку за подаяніемъ на паперти церковной или на большой дорогѣ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ и сыновья нижнихъ чиновъ, прижитые на службѣ, зачислялись, по достиженіи девяти лѣтъ, въ военное званіе, въ особое сословіе такъ называвшихся „кантонистовъ", которые составляли отдѣльные баталіоны, обучались въ школахъ и затѣмъ, по достиженіи положенныхъ лѣтъ, также поступали на службу. Такимъ образомъ, военное званіе представлялось какъ-бы наслѣдственнымъ, солдатская служба была не только личною, но и

потомственною. Каждый солдатъ, имѣвшій сыновей, видѣлъ ихъ только въ раннемъ дѣтскомъ возрастѣ. Точно также и дѣти-кантонисты, оторванные отъ родной семьи, отнятые отъ отца и матери и воспитанные въ казармахъ, между солдатами, не знали семейныхъ радостей и, оставаясь, съ раннихъ лѣтъ, безъ родительской ласки, считали себя сиротами, даже при жизни родителей.

Но облегчать горе народное, осушать слезы подданныхъ суждено было Императору Александру II, не устававшему въ заботахъ о любимой имъ Россіи. Желая сдѣлать все, что было нужно для блага подданныхъ, облегчить, насколько возможно, ихъ положеніе и распредѣлить между ними равнѣе тѣ повинности, которыя народъ долженъ нести для пользы государства, Императоръ Александръ Николаевичъ, еще въ самые первые годы своего царствованія обратилъ вниманіе на тягости рекрутчины и всѣми силами стремился облегчить своему народу отбываніе этой повинности.

Никакой, вообще, странѣ, а тѣмъ болѣе такому обширному государству, какъ Россія, невозможно оставаться безъ постояннаго войска, необходимаго для защиты отечества отъ внѣшнихъ враговъ. Подчиняясь этой необходимости, Государю угодно было, однако, уравнять своихъ подданныхъ въ дѣлѣ отбыванія воинской повинности и въ то же время не отрывать солдата отъ его родины, дома и семьи навсегда или на слишкомъ долгое время, какъ это было при существованіи прежнихъ рекрутскихъ наборовъ. Съ этою цѣлію, прежде всего, Высочайшимъ манифестомъ, даннымъ въ самый день коронованія Государя, 26-го августа 1856 г., объявлена была пріостановка рекрутскихъ наборовъ, до 1860 года, благодаря чему населенію сохранены были, въ теченіе четырехъ лѣтъ

(съ 1856 до 1860 г.), его лучшія рабочія силы. Затѣмъ издается рядъ указовъ, которыми еще болѣе облегчается положеніе солдата и его семьи. Первымъ изъ такихъ указовъ, послѣдовавшимъ 25-го декабря 1856 г., Высочайше повелѣно: исключить изъ военнаго вѣдомства и обратить въ свободныя податныя сословія всѣхъ солдатскихъ дѣтей. Далѣе, въ сентябрѣ 1859 г., изданъ былъ указъ о сокращеніи для всѣхъ нижнихъ чиновъ самаго срока службы, вмѣсто прежнихъ 25-ти лѣтъ,—до 15-ти лѣтъ въ сухопутныхъ войскахъ и до 14-ти лѣтъ во флотѣ; въ безсрочный же отпускъ стали увольнять послѣ 12-ти лѣтъ службы и даже еще раньше.

Наконецъ, вмѣстѣ съ уменьшеніемъ срока службы, Государь обратилъ вниманіе какъ на обмундированіе и снаряженіе нижнихъ чиновъ, такъ и на продовольствіе арміи. Не говоря уже о томъ, что обмундированіе и снаряженіе нижнихъ чиновъ сдѣлано было несравненно удобнѣе прежняго, что́, въ свою очередь, благопріятно отразилось на свободѣ дѣйствій солдата и сохраненіи его здоровья, теперешній солдатъ и одѣтъ и обутъ прилично и всегда накормленъ такъ, какъ едва-ли приходилось ему ѣсть дома, на родинѣ.

Но въ ряду всѣхъ, совершившихся въ царствованіе Императора Александра II, преобразованій, касающихся войска и военнаго дѣла, наиболѣе крупнымъ событіемъ представляется, безъ сомнѣнія, Высочайшій манифестъ 1-го января 1874 г., провозгласившій введеніе въ Россіи всесословной воинской повинности.

Въ 1870 году, по Высочайшему повелѣнію, учреждена была особая коммиссія для пересмотра постановленій о личной воинской повинности и распредѣленія прямого участія въ этой повинности между

всѣми сословіями въ государствѣ. Три года работала эта коммиссія, по ближайшимъ указаніямъ самого Государя, надъ составленіемъ новаго воинскаго устава, и, наконецъ, 1-го января 1874 г., послѣдовалъ Высочайшій манифестъ, которымъ объявлено было русскому народу о введеніи всеобщей воинской повинности, обязательной для всѣхъ безъ изъятія классовъ населенія.

Уставъ о воинской повинности снялъ тягость военной службы съ податныхъ сословій, на которыхъ она лежала до тѣхъ поръ исключительно, и призвалъ къ участію въ отбываніи этой повинности и прочія сословія государства. Императоръ, который даровалъ народу „судъ, равный для всѣхъ“, положилъ, во имя справедливости, сравнять всѣхъ, безъ различія званія и положенія, и въ дѣлѣ защиты отечества. И вотъ, бокъ-о-бокъ съ неграмотнымъ нижнимъ чиномъ изъ простого народа становится теперь въ ряды арміи молодой человѣкъ дворянскаго происхожденія, получившій высшее образованіе; а изъ такого сближенія происходитъ только общая польза и выгода для обѣихъ сторонъ: образованный нижній чинъ имѣетъ полезное воздѣйствіе, умственное и нравственное вліяніе на своего неграмотнаго товарища, а послѣдній, въ свою очередь, знакомитъ перваго съ условіями быта, нравами и обычаями простого народа.

„Защита престола и отечества есть священная обязанность каждаго русскаго подданнаго, а потому все мужское населеніе, безъ различія состояній, подлежитъ воинской повинности“—вотъ главное положеніе Высочайше утвержденнаго 1-го января 1874 г. устава о воинской повинности.

По уставу этому уже не одинъ только простой народъ, не одни только крестьяне и мѣщане, какъ

это было прежде, несутъ воинскую повинность, а всѣ сословія, всѣ классы общества, безъ различія происхожденія: и бѣдный и богатый, и простолюдинъ и знатный — каждый, на кого палъ жребій, обязанъ теперь лично прослужить въ войскахъ установленный закономъ срокъ службы. Откупаться деньгами или нанимать за себя охотника теперь уже отнюдь не дозволяется. Помимо того, что допущеніе денежнаго выкупа или замѣны охотникомъ представляется несправедливымъ по отношенію къ людямъ бѣднымъ, лишеннымъ возможности купить себѣ зачетную рекрутскую квитанцію или нанять за себя охотника, новый уставъ о воинской повинности не допускаетъ этого главнымъ образомъ еще и потому, что каждый русскій подданный обязанъ лично защищать свое отечество, не поручая этого святого дѣла наемщику за деньги. Защитники государства должны исполнять свой долгъ съ полнымъ сознаніемъ важности и святости своихъ обязанностей; а такое войско можетъ получиться только тогда, когда защита отечества станетъ общимъ дѣломъ всего народа, когда всѣ граждане, безъ различія званій и состояній, будутъ лично отбывать воинскую повинность, какъ это и опредѣлено уставомъ 1874 года.

Что касается самаго порядка отбыванія воинской повинности, то, для пополненія армін и флота, производится нынѣ ежегодно общій наборъ, къ которому призываются молодые люди всѣхъ общественныхъ классовъ, безъ различія происхожденія, т. е. и дворяне, и купцы, и мѣщане и крестьяне, достигшіе, ко времени призыва, 20 лѣтъ отъ роду. Но такихъ однолѣтокъ набирается въ Россіи ежегодно отъ 700 до 800 тысячъ, и если бы всѣхъ ихъ поголовно сдавать въ солдаты, то черезъ 5—6 лѣтъ составилась бы гро-

мадная армія въ нѣсколько милліоновъ человѣкъ. Такое большое войско вовсе не нужно, однако, государству въ мирное время, да и содержаніе его обходилось бы слишкомъ дорого для казны и было бы обременительно для народа; поэтому въ дѣйствительную службу берется ежегодно только четвертая или пятая часть тѣхъ молодыхъ людей, которые занесены въ списки, всѣ же остальные зачисляются прямо въ государственное ополченіе, т. е. освобождаются отъ военной службы въ мирное время и лишь въ случаѣ войны и крайней нужды въ людяхъ, для пополненія убыли въ дѣйствующихъ войскахъ, призываются на службу. Такой порядокъ одинаково выгоденъ и для государства и для самого населенія: государство можетъ составить изъ ополченцевъ, въ случаѣ надобности, громадное войско, ничего не потративъ на него въ мирное время, а населеніе, въ свою очередь, не отрывается безъ нужды отъ своихъ постоянныхъ мирныхъ занятій.

Затѣмъ, для того, чтобы при назначеніи лицъ на дѣйствительную службу не было произвола, чтобы не рѣшали по пріязни и кумовству, какъ это было прежде, поступленіе на службу опредѣляется теперь жребіемъ, т. е. случаемъ. Каждый годъ всѣ молодые люди, достигшіе двадцатилѣтняго возраста, вынимаютъ въ воинскомъ присутствіи жребій и, смотря по номеру вынутаго ими жребія, или поступаютъ на дѣйствительную военную службу, или же освобождаются отъ нея на всегда, т. е. зачисляются прямо въ ополченіе и возвращаются домой къ своимъ обычнымъ занятіямъ. Жребій этотъ вынимается каждымъ человѣкомъ единожды на всю жизнь, на 21-мъ году отъ роду, и тутъ уже разъ навсегда рѣшается судьба молодого человѣка: идти ему въ солдаты или нѣтъ;

вслѣдствіе этого, всякій, вынувшій жребій, освобождающій его отъ дѣйствительной службы, можетъ быть увѣренъ, что его, безъ крайней нужды, больше уже не потревожатъ.

Но хотя, по новому уставу, воинская повинность признается всеобщею, законъ допускаетъ, однако, при этомъ такія изъятія, безъ которыхъ нельзя обойтись, т. е. установляетъ нѣкоторыя льготы, безъ которыхъ тяжело было-бы самому населенію.

Такъ, часто можетъ случиться, что солдатскій жребій выпадетъ на долю человѣка, поддерживающаго своимъ трудомъ цѣлую семью, являющагося единственнымъ работникомъ въ семьѣ и, слѣдовательно, единственнымъ ея кормильцемъ. Для самого населенія важно, чтобы молодые люди, находящіеся въ такихъ семейныхъ обстоятельствахъ, брались на службу только въ крайнемъ случаѣ, т. е. когда для пополненія требуемаго числа новобранцевъ не достаетъ годныхъ къ военной службѣ по тѣлосложенію лицъ, семейное положеніе коихъ не такъ затруднительно и которые не заслуживаютъ поэтому льготы.

Но семейныя обстоятельства лицъ, заслуживающихъ снисхожденія, могутъ быть различны. Всѣ льготные и дѣлятся поэтому на три разряда, смотря по бо́льшей или меньшей затруднительности ихъ семейнаго положенія, т. е. по тому, имѣются-ли въ семьѣ, кромѣ нихъ, еще другіе способные къ труду члены или нѣтъ. Способными же къ труду считаются всѣ лица мужескаго пола отъ 18 до 55 лѣтъ отъ роду.

Въ первомъ разрядѣ льготныхъ по семейному положенію считаются единственные работники въ семьѣ. Сюда относятся тѣ случаи, когда въ семьѣ только одинъ сынъ, или же хотя нѣсколько сыновей, но всѣ остальные, кромѣ призывного, малолѣтніе, а

отца или вовсе нѣтъ, или же онъ неспособенъ къ труду, лишенъ возможности работать, или, наконецъ, когда въ семьѣ есть одинъ только способный къ труду внукъ, а у стариковъ—дѣда и бабки—нѣтъ способнаго къ труду сына, и внукъ является, слѣдовательно, единственнымъ ихъ кормильцемъ. Семейное положеніе всѣхъ такихъ лицъ самое затруднительное, а потому имъ и даютъ льготу перваго разряда, т. е. ихъ требуютъ на службу только въ томъ случаѣ, когда прочихъ призывныхъ, не находящихся въ такомъ затруднительномъ семейномъ положеніи, недостаточно для пополненія требуемаго количества новобранцевъ.

Затѣмъ, льгота второго разряда дается старшему въ семьѣ сыну, при отцѣ, способномъ къ труду и братьяхъ, моложе 18 лѣтъ, ибо семейное положеніе такого лица, хотя и не такъ уже затруднительно, какъ льготнаго перваго разряда, но все же заслуживаетъ снисхожденія. Вотъ почему ему также дается льгота, но уже второго разряда, т. е. если приходится выбирать между нимъ и льготнымъ перваго разряда, то освобождается льготный перваго разряда; но если не имѣющихъ льготы ни перваго, ни второго разряда достаточно для пополненія нужнаго количества новобранцевъ, то и льготный второго разряда освобождается отъ военной службы.

Наконецъ, чтобы не обременять слишкомъ одну и ту же семью, дается также льгота молодымъ людямъ, непосредственно слѣдующимъ за братьями, находящимися уже на дѣйствительной военной службѣ или умершими на ней. Льгота эта называется льготою третьяго разряда.

Благодаря всѣмъ этимъ льготамъ по семейному положенію, воинская повинность не особенно обременительна теперь для народа. На службу поступаетъ

только небольшая часть всѣхъ молодыхъ людей призывного возраста, и при томъ преимущественно такіе, которые не особенно нужны своимъ семьямъ, такъ что семья каждаго принятаго на службу солдата и все вообще населеніе мало отъ этого страдаютъ: самые нужные люди остаются дома.

Затѣмъ, кромѣ этихъ льготъ по семейному положенію, законъ допускаетъ еще, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, отсрочки въ поступленіи на службу. Отсрочки эти даются: 1) ради имущественнаго положенія, 2) для окончанія образованія и 3) для поправленія здоровья.

Такъ, иногда у лицъ, не имѣющихъ льготъ по семейному положенію, находится на рукахъ цѣлое хозяйство, напримѣръ, управленіе какимъ-нибудь торговымъ заведеніемъ, фабрикою и т. п. Такимъ лицамъ необходимо имѣть время, чтобы оглядѣться, устроиться и привести дѣла свои въ порядокъ. И вотъ законъ даетъ имъ, ради ихъ имущественнаго положенія, особую льготу, состоящую въ разрѣшеніи поступить на службу черезъ два года по вынутіи солдатскаго жребія, причемъ, однако, по окончаніи данной отсрочки, означенныя лица поступаютъ на службу наравнѣ съ другими.

Далѣе, по общему правилу, установленному новымъ уставомъ о воинской повинности, всѣ молодые люди должны поступать на службу на 21-мъ году отъ роду. Но такъ какъ государству нужны люди образованные, то законъ допускаетъ, ради ученія, изъятіе изъ приведеннаго общаго правила, давая молодымъ людямъ, находящимся въ учебныхъ заведеніяхъ, время для окончанія начатаго ученія. Продолжительность даваемыхъ въ этихъ случаяхъ отсрочекъ зависитъ, впрочемъ, отъ того, въ какихъ

именно школахъ обучаются лица, вынувшія солдатскій жребій, такъ какъ однѣ школы можно окончить скорѣе, а въ другихъ приходится дольше учиться. Такъ, молодымъ людямъ, обучающимся въ гимназіяхъ и другихъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, дается отсрочка до достиженія 22 лѣтъ, а лицамъ, обучающимся въ университетахъ, академіяхъ и другихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ—до достиженія 27 и 28 лѣтъ отъ роду. По истеченіи же данныхъ отсрочекъ, и эти лица, кто бы они ни были по своему происхожденію, поступаютъ на службу, наравнѣ со всѣми прочими, — простыми солдатами: исключеній ни для кого не дѣлается.

Наконецъ, годичныя отсрочки въ поступленіи на службу даются еще молодымъ людямъ, неуспѣвшимъ ко времени достиженія призывного возраста укрѣпиться въ физическихъ силахъ и здоровьѣ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ установлены и новые сроки военной службы, которые теперь значительно короче прежнихъ: вмѣсто прежнихъ 15—12 лѣтъ, солдатъ остается теперь на дѣйствительной службѣ, въ строю, только 6 лѣтъ, при чемъ военному министру предоставлено право увольнять даже и ранѣе этого срока. По окончаніи срока дѣйствительной службы, солдатъ зачисляется въ запасъ арміи, въ которомъ числится 9 лѣтъ и изъ котораго, въ случаѣ чрезвычайной военной надобности, можетъ быть снова призванъ подъ знамена; по истеченіи же 9 лѣтъ пребыванія въ запасѣ, человѣкъ зачисляется въ ратники ополченія, въ которомъ и числится до достиженія 40-лѣтняго возраста. Ополченіе это составляется изъ всего вообще мужского населенія, имѣющаго не свыше сорока лѣтъ, способнаго носить оружіе и не состоящаго ни на дѣйствительной военной службѣ, ни въ запасѣ, и созы-

вается только въ самыхъ крайнихъ, чрезвычайныхъ обстоятельствахъ военнаго времени.

Но въ запасѣ и въ ополченіи человѣкъ только числится на бумагѣ, настоящую же, дѣйствительную службу несетъ онъ всего только 6 лѣтъ, а иногда и еще меньше. При такомъ сокращенномъ срокѣ службы, солдатъ, поступая на службу 20-ти лѣтъ отъ роду, оканчиваетъ ее и возвращается домой, на родину, всего 26 лѣтъ, т. е. человѣкомъ еще совсѣмъ молодымъ, бодрымъ, свѣжимъ, способнымъ ко всякому труду и, слѣдовательно, можетъ обзавестись хозяйствомъ и приняться за какое угодно дѣло, тогда какъ въ былыя времена солдатъ возвращался домой хилымъ и слабымъ старикомъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, прежде солдатъ, поступая на службу, исключался уже навсегда изъ своего общества и всю жизнь, даже по выходѣ въ отставку, считался въ солдатскомъ званіи и такъ и назывался „отставнымъ солдатомъ“. Теперь человѣкъ только на время уходитъ изъ своего общества, при увольненіи же со службы и возвращеніи домой, бывшій солдатъ получаетъ вновь всѣ тѣ права, которыми онъ пользовался прежде въ своемъ гражданскомъ положеніи; равнымъ образомъ и отведенная крестьянамъ въ надѣлъ мірская земля остается за ними и по возвращеніи на родину они пользуются ею по прежнему.

Большинство новобранцевъ, поступающихъ въ армію—люди неграмотные. Человѣкъ же неграмотный, т. е. никогда ничему не учившійся, не легко и не скоро въ толкъ беретъ то, что̀ ему объясняютъ; ему нужно, какъ говорится, все разжевать и въ ротъ положить, а потому и проходитъ много времени, прежде чѣмъ онъ хорошенько пойметъ и усвоитъ себѣ все то, что́ необходимо знать каждому солдату.

Вотъ почему для того, чтобы приготовить хорошаго солдата изъ человѣка неграмотнаго, нужно, какъ показалъ опытъ, не меньше пяти-шести лѣтъ времени. Другое дѣло люди образованные, уже кой-чему поучившіеся въ школахъ. Такіе люди, какъ умственно уже развитые,—гораздо понятливѣе; они всякое дѣло, всякую науку перенимаютъ гораздо легче и скорѣе, чѣмъ люди, ничему не учившіеся. Вотъ почему, чѣмъ больше человѣкъ учился, чѣмъ онъ образованнѣе, тѣмъ меньше времени нужно, чтобы приготовить изъ него вполнѣ хорошаго солдата, а слѣдовательно нѣтъ и надобности держать его на дѣйствительной военной службѣ цѣлыхъ шесть лѣтъ, подобно человѣку неграмотному. Въ виду этого, по новому уставу о воинской повинности, установляются для людей образованныхъ еще болѣе сокращенные сроки службы, причемъ размѣръ сокращенія сроковъ службы зависитъ отъ степени образованія человѣка, т. е. отъ того, въ какой именно школѣ окончилъ онъ ученіе.

Кромѣ того, для облегченія образованному классу населенія отбыванія воинской повинности, предоставляется всѣмъ молодымъ людямъ, которые удовлетворяютъ извѣстнымъ требованіямъ образованія, поступать, по достиженіи 17-ти лѣтняго возраста, на службу вольноопредѣляющимися, т. е. добровольно, безъ вынутія жребія, и въ этомъ случаѣ сроки службы для нихъ еще болѣе сокращаются.

Указанныя облегченія, состоящія въ сокращеніи сроковъ дѣйствительной службы, даются людямъ образованнымъ во-первыхъ потому, что они, какъ уже сказано, скорѣе могутъ научиться военной службѣ, а во-вторыхъ и потому еще, что эти люди нужны отечеству для государственной и земской службы, для торговли и промышленности, и многихъ другихъ

дѣлъ, а такъ какъ образованныхъ людей у насъ очень мало, то и проходится дорожить ими и не отрывать ихъ на долгое время отъ дѣла, для котораго они нужны. Наконецъ, тѣ же облегченія должны служить поощреніемъ для народа, привлекая всѣхъ и каждаго къ ученію. До введенія всеобщей воинской повинности ученіе шло у насъ довольно плохо, въ школы дѣтей посылали весьма неохотно и потому грамотные люди были въ диковинку среди простого народа. Теперь же, когда, съ введеніемъ новаго устава о всеобщей воинской повинности, людямъ необразованнымъ приходится служить значительно дольше, чѣмъ образованнымъ, польза ученія стала для каждаго нагляднѣе, и русскіе люди, которые прежде обходились безъ ученія, стали посылать дѣтей своихъ въ школы. Образованіе же нужно для скораго и успѣшнаго выполненія всякаго дѣла, нужно для всей вообще жизни человѣческой. „Ученье свѣтъ, а неученье тьма“—гласитъ русская поговорка, и это совершенно справедливо: всякое дѣло, всякое ремесло пойдетъ хорошо, если взяться за него и вести его умѣючи, а потому нужно постоянно учиться и пополнять свои знанія.

Но солдатская служба не легка; для несенія ея нужны люди крѣпкіе и здоровые, почему, само собою разумѣется, всѣ лица съ тѣлесными недостатками,—какъ-то калѣки, увѣчные, больные и вообще люди слабаго тѣлосложенія совершенно освобождаются отъ военной службы. Не освобождаются отъ нея только такіе калѣки и увѣчные, которые сами себя нарочно искалѣчили, расчитывая избавиться такимъ способомъ отъ солдатчины. Такіе „умышленные членовредители“, какъ называются они въ законѣ, не достигаютъ своей цѣли: хотя къ строевой службѣ они уже и не годны,

но ихъ все-таки сдаютъ въ солдаты въ нестроевыя должности, да сверхъ того присуждаютъ еще къ одиночному заключенію въ военной тюрьмѣ на шесть мѣсяцевъ.

Для пріема на службу новобранцевъ, на каждый уѣздъ существуетъ особое воинское присутствіе, которое и завѣдуетъ всѣми дѣлами по воинской повинности въ этомъ уѣздѣ. Большіе же города, какъ, напримѣръ, С.-Петербургъ, Москва, Одесса и проч., имѣютъ каждый свое особое городское по воинской повинности присутствіе. Въ началѣ зимы, въ ноябрѣ мѣсяцѣ, всѣ воинскія присутствія объявляютъ, чтобы призывные явились въ такой-то день для выниманія жребія. И всѣ они, безъ всякаго принужденія, являются сами въ присутствіе и вынимаютъ свой жребій. Послѣ того врачи осматриваютъ всѣхъ вынувшихъ солдатскій жребій, для опредѣленія, годны-ли они къ военной службѣ по тѣлосложенію и здоровью. Прежде всего осматриваются неимѣющіе никакихъ льготъ по семейному положенію, и если ихъ оказывается достаточно для пополненія всего необходимаго съ участка числа новобранцевъ, то этимъ дѣло и кончается. Если же ихъ не хватаетъ, то начинаютъ осматривать льготныхъ третьяго разряда по порядку вынутыхъ ими номеровъ, а если и ихъ недостаточно, то принимаются за льготныхъ второго разряда и, наконецъ, уже за льготныхъ перваго разряда. Но этого, можно сказать, почти никогда не бываетъ: безльготныхъ всегда набирается столько, что до льготныхъ перваго и даже до льготныхъ второго разряда совсѣмъ не доходитъ очередь, и только льготные третьяго разряда попадаютъ еще иногда въ солдаты. Такимъ образомъ, имѣя льготу перваго и даже второго разряда, можно почти навѣрное

расчитывать на освобожденіе отъ воинской повинности.

Оказавшіеся, по осмотру, годными къ службѣ, зачисляются въ солдаты. При этомъ уже почти невозможны прежнія несправедливости и злоупотребленія, ибо, какъ при вынутіи жребія, такъ и при освидѣтельствованіи и пріемѣ новобранцевъ на службу, можетъ присутствовать всякій желающій, первый зашедшій съ улицы, причемъ, если онъ замѣтитъ какую-нибудь неправильность призыва, напримѣръ, что забраковываютъ человѣка совершенно здороваго, то можетъ возражать противъ этого. Возраженіе его записывается въ книгу, и затѣмъ дѣло разбирается губернскимъ по воинской повинности присутствіемъ, куда подаются всѣ вообще жалобы на уѣздныя воинскія присутствія губерніи.

По занесеніи въ списки, новобранцы приводятся къ присягѣ и затѣмъ распускаются на нѣсколько недѣль по домамъ, для устройства своихъ дѣлъ и прощанія съ родными, причемъ имъ только объявляется, когда и куда именно должны они явиться на службу. И хотя никто ихъ не сторожитъ и не караулитъ,—всѣ они добровольно являются къ назначенному сроку, въ указанное мѣсто, именно потому, что ихъ считаютъ честными людьми, надѣятся больше на совѣсть ихъ, чѣмъ на конвой.

Сравнивая всѣ эти новые порядки съ прежними, существовавшими во время рекрутчины, нельзя не замѣтить, что разница между настоящимъ и прошлымъ—какъ между днемъ и ночью!

Положеніе русскаго воина настолько разнится теперь отъ бывшаго раньше, что невозможно и представить себѣ чего-нибудь болѣе несходнаго. Вотъ почему при отправленіи новобранцевъ на службу нѣтъ

уже теперь того безнадежнаго плача и отчаянныхъ рыданій, которые раздавались прежде при отдачѣ въ рекруты. Съ гордостію и пѣснями идутъ теперь новобранцы на службу; домой же возвращаются съ благодарностію за обученіе и съ уваженіемъ къ славной арміи, въ рядахъ которой не должно уже болѣе быть людей, опороченныхъ и отверженныхъ обществомъ.

Всесословная воинская повинность слила всѣ классы общества въ одну дружную семью, значительно облегчивъ народу прежнюю тяжесть несенія этой повинности. Въ связи съ этимъ и армія наша стала на высоту, достойную защитниковъ чести и славы отечества, а вмѣстѣ съ тѣмъ и сила и могущество русскаго государства значительно увеличились. Войска наши постоянно пополняются теперь молодыми, свѣжими силами, а запасъ арміи и ополченіе даютъ государству возможность во всякое время, въ случаѣ надобности, созвать подъ знамена огромныя боевыя дружины въ нѣсколько милліоновъ человѣкъ, уже подготовленныхъ къ военному дѣлу. Наконецъ, сокращеніе сроковъ службы для людей, получившихъ образованіе, явилось для народа новою побудительною причиною къ возможному расширенію его умственнаго развитія, служащаго безспорно залогомъ благоденствія какъ отдѣльныхъ гражданъ, такъ и цѣлаго государства.

Новые порядки, установленные въ Россіи благодаря великимъ преобразованіямъ Императора Александра II, вызывали особенную нужду въ грамотныхъ, просвѣщенныхъ, образованныхъ людяхъ, которые нужны были прежде всего для разумнаго и

толковаго проведенія въ жизнь свѣтлыхъ идей Царя-Преобразователя.

Признавая распространеніе въ народѣ грамотности и просвѣщенія необходимымъ условіемъ его благоденствія, Императоръ Александръ Николаевичъ, получившій самъ блестящее образованіе и убѣдившійся при личномъ обозрѣніи Россіи, что однимъ изъ главныхъ препятствій къ ея преуспѣянію является невѣжество народа, пожелалъ дать своимъ подданнымъ всѣ необходимыя средства къ возможно широкому просвѣщенію, заботы о которомъ и шли въ его царствованіе рядомъ съ заботами объ улучшеніи быта населенія и выразились въ коренномъ преобразованіи всѣхъ учебныхъ заведеній, начиная съ университетовъ и кончая народными школами.

Съ перваго же года по воцареніи, Императоръ Александръ Николаевичъ и супруга его, Императрица Марія Александровна обратили свое особое вниманіе на воспитаніе и образованіе дѣтей и позаботились о предоставленіи всѣмъ сословіямъ возможности дать своимъ дѣтямъ, за умѣренную плату, основательное образованіе. Въ сихъ видахъ при министерствѣ народнаго просвѣщенія учрежденъ былъ въ 1856 году особый Ученый Комитетъ, на который возложено составленіе и разсмотрѣніе программъ преподаванія и учебныхъ руководствъ и вообще принятіе мѣръ къ улучшенію учебной и воспитательной части.

Желая облегчить лицамъ, окончившимъ курсъ въ среднихъ школахъ, возможность завершить свое образованіе въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ—университетахъ, Государь повелѣлъ, уже въ 1855 году, принимать въ университеты неограниченное число студентовъ. Затѣмъ, въ 1863 году, университетамъ

данъ былъ новый уставъ, благодаря которому они получили право сами завѣдывать своими внутренними дѣлами, обновились и расширили свою ученую дѣятельность. Университетскій уставъ 1863 года былъ одинмъ изъ достойнѣйшихъ памятниковъ всего царствованія Императора Александра II и оказалъ благотворное вліяніе на развитіе у насъ просвѣщенія. Учреждено было также и нѣсколько новыхъ университетовъ и другихъ высшихъ учебныхъ заведеній. Въ пользу бѣдныхъ студентовъ Государь разрѣшилъ собирать пожертвованія, заводить общежитія и самъ давалъ постоянно средства на ихъ воспитаніе.

На ряду съ высшимъ, университетскимъ, образованіемъ, предметомъ постоянныхъ заботъ Императора Александра II въ теченіе всего его царствованія было и наше среднее образованіе. Существенная реформа нашихъ среднихъ учебныхъ заведеній послѣдовала въ 1864 году, когда былъ изданъ новый уставъ гимназій и прогимназій, значительно видоизмѣненный и дополненный впослѣдствіи уставомъ 1871 года. Вмѣстѣ съ тѣмъ измѣненъ былъ также и уставъ реальныхъ училищъ и преобразованы на новыхъ началахъ какъ военно-учебныя, такъ и духовно-учебныя заведенія.

Императрица Марія Александровна, съ своей стороны, приняла подъ свое непосредственное покровительство дѣло женскаго образованія. Въ 1856 году, по мысли Государыни, приступлено было къ устройству во всѣхъ губернскихъ городахъ Имперіи женскихъ гимназій для дочерей лицъ всѣхъ сословій; для дочерей же лицъ духовнаго званія открыты были еще женскія епархіальныя училища и учреждены особыя училища при многихъ женскихъ монастыряхъ. Для дѣвицъ, окончившихъ курсъ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, открыты были особые высшіе женскіе кур-

сы — въ С.-Петербургѣ, Москвѣ, Кіевѣ, Казани и Одессѣ, а въ 1872 году послѣдовало открытіе при военно-медицинской академіи высшихъ женскихъ медицинскихъ курсовъ, причемъ женщинамъ, окончившимъ таковые курсы, Государь далъ право заниматься врачебною практикою.

Наконецъ, собственно народныя школы—начальныя народныя училища и сельскія школы — можно сказать созданы въ царствованіе Императора Александра II, такъ какъ до этого царствованія начальное народное образованіе находилось у насъ въ очень печальномъ положеніи: среди народа господствовала почти повальная безграмотность. Вопросъ о необходимости просвѣщенія народной массы естественно возникъ прежде всего въ Редакціонныхъ Коммиссіяхъ, трудившихся надъ составленіемъ Положенія о крестьянахъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости. Планъ устройства сельскихъ школъ подвергался, однако, многократнымъ измѣненіямъ, и лишь въ 1864 году издано было особое Положеніе о начальныхъ народныхъ училищахъ. Положеніе это, вмѣстѣ съ порученіемъ народной школы попеченіямъ земства, создало новыя благопріятныя условія для распространенія грамотности и образованія среди русскаго народа и вызвало въ этой области сильное движеніе, быстрые и плодотворные успѣхи: къ концу царствованія Императора Александра II въ Россійской Имперіи—не считая Кавказа, Финляндіи и Прибалтійскихъ губерній—насчитывалось уже болѣе 25.000 однихъ только начальныхъ училищъ.

Великая роль въ дѣлѣ народнаго образованія принадлежала въ царствованіе Императора Александра II военному вѣдомству, во главѣ котораго стоялъ просвѣщеннѣйшій и даровитѣйшій государ-

ственный дѣятель того царствованія—*Дмитрій* Алексѣевичъ Милютинъ. Военный министръ этотъ горячо и убѣжденно защищалъ интересы народнаго образованія, которые онъ понималъ чрезвычайно широко. Всѣ произведенныя имъ, по указаніямъ Государя, коренныя преобразованія въ войскѣ, значительно улучшившія бытъ военнослужащихъ и сдѣлавшія русскую армію грозною для враговъ Россіи, были направлены къ возвышенію нравственнаго духа и умственнаго развитія въ войскѣ и имѣли цѣлью создать въ Имперіи просвѣщенную армію, воспитываемую въ духѣ разумной дисциплины и сознательнаго отношенія къ своему дѣлу. Тѣмъ же духомъ проникнуто было и преобразованіе военно-учебныхъ заведеній и даже установленіе всеобщей воинской повинности имѣло, между прочимъ, цѣлью увеличить при помощи военной арміи количество грамотныхъ людей въ Россіи.

Заботы о народномъ образованіи должны быть, по справедливости, отнесены къ числу важнѣйшихъ дѣлъ Царя-Освободителя. Но много еще было совершено имъ и другихъ дѣлъ, имѣвшихъ также большое и благодѣтельное значеніе для всего русскаго народа. Внутреннее обновленіе Россіи повело и къ внѣшнему, во многихъ отношеніяхъ, переустройству государства. Такъ, въ царствованіе Императора Александра II, непролазное отечество наше, не имѣвшее до его воцаренія никакихъ почти сколько-нибудь сносныхъ путей сообщенія, покрылось цѣлою сѣтью желѣзныхъ дорогъ. Въ связи съ необыкновенно быстрымъ развитіемъ желѣзнодорожнаго сообщенія, стала совершенствоваться почта, появился телеграфъ, начали развиваться промышленность и торговля. Наконецъ, внесены были существенныя измѣненія и

улучшенія и въ финансовое управленіе государства, преобразована полиція и предоставлены возможныя облегченія и удобства печати, послѣдствіемъ чего явилось сильное пробужденіе умственной жизни народа.

Въ заключеніе нельзя не обратить вниманія еще и на то обстоятельство, что та гуманность, человѣчность, та любовь къ ближнему, которая красною нитью проходитъ чрезъ всю жизнь и дѣятельность Императора Александра II, была перенесена имъ даже и за предѣлы Россійскаго государства. По почину великаго Государя этого, любвеобильному сердцу котораго были дороги всѣ страдальцы безъ исключенія, созванъ былъ, въ 1863 году, въ Швейцаріи, въ городѣ Женевѣ, особый международный конгрессъ, т. е. собраніе представителей различныхъ государствъ, положившее начало основанію одного изъ наиболѣе гуманныхъ и симпатичныхъ учрежденій, а именно— Общества „Краснаго Креста“, имѣющаго задачею доставленіе во время войны врачебной помощи и заботливаго ухода всѣмъ раненымъ на полѣ битвы воинамъ, какъ своимъ, такъ и непріятельскимъ. На этомъ же конгрессѣ, по настояніямъ Царя-Освободителя, рѣшено было также не употреблять впредь на войнѣ разрывныхъ пуль, начиненныхъ взрывчатыми веществами, которыя разрываются въ тѣлѣ и, такимъ образомъ, обращаютъ каждую огнестрѣльную рану, безъ всякой надобности, въ смертельную.

ГЛАВА VIII.

Русско-Турецкая война 1877—1878 годовъ.

Царствованіе Императора Александра II отличалось, по преимуществу, мирнымъ направленіемъ. Едва-ли на какомъ иномъ престолѣ находился когда-либо другой настолько добрый и миролюбивый Государь, какимъ былъ Императоръ Александръ Николаевичъ. Щадя и оберегая жизнь и кровь своихъ подданныхъ и не имѣя ни малѣйшей надобности въ расширеніи предѣловъ своей, и безъ того обширной, Имперіи, Государь всегда старался избѣгать предлоговъ и поводовъ къ войнѣ. Онъ поставилъ себѣ великою задачею обновленіе и развитіе Россіи путемъ внутреннихъ преобразованій и, желая обезпечить своему народу продолжительный миръ, остерегался всякихъ внѣшнихъ столкновеній въ Европѣ.

Но въ то время, какъ Россія тихо и мирно расцвѣтала, согрѣваемая горячими заботами о ней возлюбленнаго Монарха, на Востокѣ наши братья по вѣрѣ и крови, славяне Балканскаго полуострова, жестоко страдали подъ нестерпимымъ гнетомъ турокъ. Еще по парижскому миру 1856 г., которымъ закончилась крымская кампанія. Турція обязалась передъ всею Европою не угнетать болѣе подвластныхъ ей православныхъ христіанъ и сравнять ихъ въ правахъ съ мусульманами. Но, не смотря на это, положеніе христіанскихъ подданныхъ въ Турціи нисколько не улучшилось, бѣдственная участь ихъ нисколько не была облегчена. Турецкій произволъ становился, напротивъ, съ каждымъ годомъ все необузданнѣе,

звѣрства и жестокости турокъ принимали все большіе и большіе размѣры.

Изъ всѣхъ балканскихъ славянъ только одни черногорцы, въ силу своего неприступнаго положенія въ горахъ, сохранили свободу и независимость. Затѣмъ, благодаря побѣдамъ русскихъ надъ турками, и часть сербовъ сдѣлалась, въ началѣ настоящаго столѣтія, особымъ княжествомъ, съ природнымъ княземъ во главѣ, но съ обязательствомъ платить турецкому султану ежегодную дань. Остальныя же славянскія племена Балканскаго полуострова, въ особенности болгары, а равно и жители Босніи и Герцеговины, оставались, по прежнему, подъ игомъ турокъ и съ каждымъ годомъ положеніе ихъ становилось все хуже и невыносимѣе.

Наконецъ, притѣсненія христіанъ на Балканскомъ полуостровѣ вышли изъ послѣднихъ предѣловъ. Звѣрства турокъ и гнетъ ихъ надъ христіанами стали настолько невыносимы для послѣднихъ, что лѣтомъ 1875 г. славяне двухъ подвластныхъ Турціи областей, Босніи и Герцеговины, населенныхъ сербскимъ племенемъ, не будучи въ состояніи выносить долѣе турецкой неволи и доведенные громадными налогами до отчаянія и крайней нищеты, возстали противъ своихъ угнетателей и рѣшились съ оружіемъ въ рукахъ защищать свою вѣру, свободу, собственность, честь своихъ женъ и дочерей и добиться равноправія съ мусульманскими подданными Турціи. Началась упорная, страшно-неравная борьба на жизнь и на смерть. Послѣ ряда пораженій, нанесенныхъ горстію отважныхъ бойцовъ за свободу много разъ сильнѣйшему числомъ непріятелю, волненіе балканскихъ славянъ разгорѣлось еще болѣе и вскорѣ возстаніе охватило весь Балканскій полуостровъ.

Лѣтомъ 1876 г., на помощь возставшимъ боснякамъ и герцеговинцамъ явились сосѣднія съ ними славянскія княжества—Черногорія и Сербія, объявившія войну Турціи. Черногорцы выступили противъ турокъ подъ начальствомъ своего воинственнаго князя Николая, а войска Сербіи—подъ предводительствомъ русскаго генерала Черняева, извѣстнаго покореніемъ Ташкента и явившагося добровольно послужить на защиту славянъ.

Борьба балканскихъ славянъ за свою свободу и независимость не могла не отозваться и въ сердцѣ всей православной Руси. Весь русскій народъ съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдилъ за этою борьбою, горячо сочувствовалъ общему движенію славянъ къ свободѣ и, какъ старшій братъ въ семьѣ славянскихъ народовъ, не могъ не протянуть имъ руку помощи. Быстро начали образовываться комитеты помощи возставшимъ; стали стекаться отовсюду пожертвованія деньгами и вещами въ пользу балканскихъ славянъ; со всѣхъ концовъ обширной земли русской начали отправляться на мѣсто борьбы сестры милосердія, врачи, воины—добровольцы. Сердце русскаго человѣка неудержимо рвалось на помощь къ своимъ несчастнымъ, изнемогавшимъ въ неравной борьбѣ, единокровнымъ и единовѣрнымъ братьямъ. Но недоброжелательная къ Россіи Англія стояла на стражѣ. Она употребляла всѣ усилія къ тому, чтобы отклонить насъ отъ прямого вмѣшательства, сама же, между тѣмъ, возбуждала Турцію противъ Россіи, щедро снабжая ее и деньгами, и оружіемъ, и даже командирами изъ англичанъ.

Хотя воинственная Черногорія, не великая числомъ своихъ сыновъ, но могучая ихъ духомъ, ихъ любовію къ свободѣ, не разъ наносила турецкой арміи серьез-

ныя пораженія, но Сербія, съ своимъ малочисленнымъ войскомъ, не могла устоять противъ хорошо-вооруженныхъ на деньги англичанъ несмѣтныхъ турецкихъ полчищъ, которыя, сломивъ окончательно силы сербовъ, уже готовы были ворваться въ предѣлы Сербіи и, по своему обыкновенію, предать все огню и мечу. Но любвеобильное сердце Царя-Освободителя не допустило совершиться варварскому дѣлу. Въ октябрѣ 1876 г., Императоръ Александръ II, внимая голосу всего русскаго народа, потребовалъ отъ турецкаго султана немедленнаго прекращенія дальнѣйшихъ военныхъ дѣйствій противъ сербовъ, и, чтобы поддержать это требованіе, приказалъ привести часть русской арміи на военное положеніе.

Рѣшительное слово, обращенное русскимъ Царемъ къ турецкому правительству, разомъ остановило вторженіе турецкихъ полчищъ въ Сербію, и между нею и Турціею заключено было двухмѣсячное перемиріе.

Но, не смотря на это, турки продолжали свои свирѣпства надъ балканскими христіанами. Цѣлыя селенія и даже города, въ подвластныхъ Турціи славянскихъ земляхъ, были разграблены, опустошены или истреблены огнемъ.

Особенно пострадала отъ звѣрства и неистовства турокъ беззащитная Болгарія. Съ огнемъ и мечомъ пошли они по этой странѣ, стараясь потушить начатки происшедшаго тамъ движенія звѣрскимъ избіеніемъ многихъ тысячъ жителей, не разбирая ни пола, ни возраста. Цѣлыя болгарскія деревни были перерѣзаны, люди сжигались живыми, православные священники распинались на крестахъ и выставлялись на позоръ, честь болгарскихъ женщинъ и дѣвушекъ подвергалась всенародному поруганію, грудные младенцы разру-

бались на части на глазахъ отцовъ и матерей, горы труповъ лежали повсюду и десятки тысячъ невинныхъ жертвъ погибли мученическою смертію. Вѣсти о страшномъ угнетеніи болгаръ турками разнеслись по всей русской землѣ и со всѣхъ концовъ ея посыпались пожертвованія на поддержку болгаръ противъ турокъ.

Болѣя и самъ душою о единокровныхъ и единовѣрныхъ намъ славянахъ, Императоръ Александръ II порѣшилъ, во что-бы то ни стало, вступиться за несчастныхъ балканскихъ христіанъ и оградить ихъ отъ турецкаго произвола. И вотъ, 29 октября 1876 г., Великій Монархъ, въ рѣчи своей, произнесенной въ первопрестольной Москвѣ, объявилъ о своемъ непреклонномъ намѣреніи добиться отъ Турціи надежныхъ обезпеченій въ прекращеніи дальнѣйшихъ притѣсненій подвластныхъ ей христіанскихъ народовъ, присовокупивъ при этомъ, что если Турція не дастъ этихъ обезпеченій, то онъ будетъ дѣйствовать самостоятельно; а 1-го ноября того же года Государь далъ своей арміи указъ быть готовой и собраться въ Кишиневѣ, при чемъ главнокомандующимъ русскихъ войскъ на Дунаѣ назначенъ былъ братъ Государя, великій князь Николай Николаевичъ.

Государь желалъ достигнуть цѣли безъ пролитія крови. „Я знаю",—сказалъ онъ 10 ноября 1876 г. при пріемѣ дворянства и другихъ сословій въ московскомъ кремлѣ,—„что вся Россія, вмѣстѣ со мною, принимаетъ живѣйшее участіе въ страданіяхъ нашихъ братьевъ по вѣрѣ и происхожденію; но для меня истинные интересы Россіи дороже всего, и я желалъ бы до крайности щадить дорогую русскую кровь".

По предложенію всегдашней, хотя и двусмыслен-

ной, союзницы и покровительницы Турціи—Англіи, принимавшей всѣ мѣры къ тому, чтобы не допустить Россію до войны, составилась, въ концѣ 1876 года, конференція (совѣщаніе) изъ представителей всѣхъ великихъ европейскихъ державъ въ столицѣ турецкой Имперіи—Константинополѣ, куда съѣхались послы всѣхъ этихъ державъ, для обсужденія мѣръ къ возможному облегченію бѣдственной участи угнетаемыхъ Турціею славянскихъ народовъ и къ немедленному введенію въ управленіи христіанскими провинціями Турціи такихъ преобразованій, при которыхъ притѣсненія и насилія турецкихъ чиновниковъ не могли-бы болѣе повторяться. Вся слѣдующая зима и часть весны прошли въ этихъ переговорахъ объ улучшеніи быта славянъ въ Турціи; но всѣ мѣры, принимавшіяся державами въ этомъ отношеніи, всѣ попытки довести дѣло до конца мирнымъ путемъ и отклонить кровопролитную русско-турецкую войну оказались тщетными. Чѣмъ уступчивѣе дѣлалась Россія, тѣмъ нахальнѣе становилась Турція. Подстрекаемая Англіею, она точно издѣвалась какъ надъ Россіею, такъ и надъ другими великими европейскими державами. На всѣ справедливыя требованія державъ въ пользу облегченія участи славянъ, даже на самыя умѣренныя, Турція отдѣлывалась разными уловками и, наконецъ, на окончательное требованіе, объявленное ей 19 марта 1877 г., отвѣчала полнымъ и рѣшительнымъ отказомъ. При такомъ упорствѣ турокъ война сдѣлалась неизбѣжною. Долго употреблялъ Государь всѣ возможныя мѣры, чтобы уладить несогласія съ турками мирно, не прибѣгая къ силѣ оружія, чтобы—какъ самъ онъ выражался—„не проливать драгоцѣнной крови сыновъ Россіи“. Но всѣ старанія его остались безуспѣшными, всѣ средства къ рѣшенію дѣла мир-

нымъ путемъ переговоровъ были истощены, а вмѣстѣ съ тѣмъ было исчерпано и долготерпѣніе миролюбивѣйшаго изъ Монарховъ: Императоръ Александръ II, внимая голосу народному, вынужденъ былъ объявить Турціи войну и придвинулъ свои войска къ турецкой границѣ.

7-го апрѣля 1877 г. Государь самъ отправился къ своей арміи въ Кишиневъ, а 12-го того же апрѣля послѣ молебствія объявилъ колѣнопреклоненнымъ войскамъ свое державное повелѣніе о вступленіи въ предѣлы Турціи.

„Исчерпавъ до конца миролюбіе наше".—говорилось въ манифестѣ объ объявленіи войны Турціи,—„мы вынуждены высокомѣрнымъ упорствомъ Порты приступить къ дѣйствіямъ болѣе рѣшительнымъ".—„Не для завоеваній идемъ мы",—гласилъ отданный, одновременно съ этимъ манифестомъ, приказъ войскамъ главнокомандующаго,—„а на защиту поруганныхъ, угнетенныхъ братьевъ нашихъ, на защиту вѣры Христовой". И эта война за свободу Болгаріи была, на самомъ дѣлѣ. ничѣмъ инымъ, какъ подвигомъ великой христіанской любви, которая неугасимо горѣла въ чистомъ сердцѣ Царя-Праведника. Не съ завоевательными намѣреніями была предпринята эта война. Единственною, вполнѣ безкорыстною и высокою цѣлію войны было освобожденіе христіанскихъ народовъ Балканскаго полуострова отъ многовѣковаго ига турокъ, огражденіе ихъ жизни, чести и имущества отъ турецкаго произвола.

Вотъ какъ описываетъ одинъ изъ очевидцевъ Высочайшій смотръ войскамъ въ Кишиневѣ и чтеніе манифеста 12-го апрѣля 1877 г.: „Былъ великолѣпный солнечный день. Въ исходѣ девятаго часа войска были уже подъ ружьемъ, и стояли такъ длин-

ными шеренгами и большими группами, съ неподвижностію и безмолвіемъ статуй, съ полтора часа времени, пока не пріѣхалъ Императоръ. Было что-то глубоко-затрогивающее и торжественное въ этой продолжительной тишинѣ и неподвижности. Собравшаяся посмотрѣть на войска толпа народа тоже пріумолкла и смотрѣла съ изумленіемъ и трепетомъ на эти молчаливыя и неподвижныя шеренги, возвышавшіяся одна надъ другою. Молчаніе не прерывалось и при появленіи Императора. Толпа разступилась и очистила дорогу, снимая шапки по его пути, и только, когда онъ сѣлъ на лошадь и рядомъ съ братомъ своимъ, великимъ княземъ Николаемъ Николаевичемъ, въ сопровожденіи большой свиты, человѣкъ во сто офицеровъ, сталъ медленно объѣзжать ряды войскъ, тишина нарушилась звуками музыки и привѣтственными криками. Затѣмъ, когда тишина снова возстановилась, музыка умолкла,—солдаты обнажили головы и толпа послѣдовала ихъ примѣру. Одинъ голосъ только былъ слышенъ, голосъ епископа Кишиневскаго, служившаго праздничную походную литургію. Наконецъ, окончилась и литургія; тогда тревожный шопотъ пробѣжалъ по толпѣ: если манифестъ будетъ изданъ, если война будетъ объявлена—пришла минута, когда этому надлежитъ исполниться. И дѣйствительно, долго жданная, давно желанная минута наступила. Мертвая тишина воцарилась на секунду. Затѣмъ, звучный, громкій голосъ прервалъ всеобщее молчаніе. То не былъ голосъ Императора, а голосъ епископа Кишиневскаго, читавшаго манифестъ: и онъ не прочелъ его еще и до половины, какъ послышались рыданія и, когда нѣкоторые обернулись, чтобы узнать, откуда они слышатся, то увидѣли, что плачетъ Императоръ Александръ и плачетъ, какъ ребенокъ. Тѣмъ

царствованіе его и славилось, и красилось, что оно было мирное царствованіе; онъ гордился этимъ и надѣялся, что до самаго конца его не будетъ ни одной войны, и вдругъ, не взирая на все, что̀ онъ предпринималъ, чтобы избѣжать ее, шагъ этотъ наконецъ сдѣланъ и война, послѣдствій которой никто не можетъ предвидѣть, объявлена. Когда увидѣли, какъ огорченъ этимъ Императоръ, ни одного человѣка съ сухими глазами не осталось на всемъ пространствѣ, гдѣ разносился голосъ чтеца; но лишь только онъ окончилъ чтеніе, какъ раздалось потрясающее, единодушное ура! Это былъ крикъ радости, торжества и облегченія въ одно и то же время, какъ будто тяжелое бремя неизвѣстности отлетѣло отъ сердца толпы. Когда тишина снова возстановилась, епископъ Кишиневскій обратился къ войскамъ съ глубоко-прочувствованною и вполнѣ соотвѣтствовавшею случаю рѣчью. Затѣмъ, по окончаніи молебна, тихо сѣли всѣ на коней, тихо отъѣхали вслѣдъ за Монархомъ въ сторону, очиставъ мѣсто войскамъ для предстоявшаго церемоніальнаго марша. Торжественное впечатлѣніе великой минуты все еще не прерывалось, все еще было слишкомъ сильно для того, чтобы нашлось у кого-либо подобающее слово къ выраженію этого чувства въ эти незабвенныя мгновенія. Впереди громадной свиты стоялъ на конѣ Императоръ. Только въ ту минуту, когда Государь произнесъ войскамъ: „Прощайте! до свиданія!.. Возвращайтесь поскорѣе со славою... Поддержите честь русскаго оружія, и да хранитъ васъ Всевышній“!.. только послѣ этихъ, съ глубокимъ чувствомъ произнесенныхъ словъ, войска разразились громовыми криками. Но что̀ были это за крики! Что за мощная сила вырвала ихъ изъ груди каждаго! Какой вос-

торгъ, какая любовь сіяли на лицахъ! Какъ вся эта масса, въ невольномъ порывѣ, восторженно ринулась къ Монарху и обступила его, съ поднятыми вверхъ шапками, саблями, штыками?.. Солдатскія шапки полетѣли цѣлыми роями въ воздухъ... Безчисленныя массы народа кидались на колѣни, простирали къ Государю руки и шумно, радостно вторили этому восторгу войскъ; надъ ними тоже мелькало въ воздухѣ множество шапокъ; женщины, дѣти махали платками, кидали букеты; множество усатыхъ мужественныхъ лицъ было орошено слезами, которыхъ не старались прятать другъ отъ друга: „ура! за братій! за святое дѣло! за вѣру Христову! за свободу славянъ"! раздавались повсюду мощные крики. Казалось, самый воздухъ гремитъ надъ этими сливавшимися во-едино и сплотившимися вокругъ своего Царя массами войска и народа".

Такъ началась русско-турецкая война, которая велась одновременно въ двухъ частяхъ свѣта — въ Европѣ и въ Азіи—и ознаменовалась, за немногими неудачами, рядомъ блестящихъ побѣдъ и геройскихъ подвиговъ славнаго русскаго воинства.

Въ самый день объявленія войны, 12-го апрѣля 1877 г., кавказскій корпусъ нашъ вступилъ въ предѣлы Азіатской Турціи. Главнокомандующимъ русскихъ войскъ на азіатскомъ театрѣ войны былъ назначенъ великій князь Михаилъ Николаевичъ, намѣстникъ кавказскій. Уже черезъ нѣсколько дней послѣ изданія манифеста о войнѣ, наши войска заняли здѣсь (18-го апрѣля) безъ боя турецкую крѣпость Баязетъ и въ то же время приступили къ осадѣ первоклассной крѣпости Карса, который справедливо считался опорнымъ пунктомъ турецкой арміи въ Малой Азіи, а затѣмъ, въ началѣ мая, взяли приступомъ

новую довольно значительную турецкую крѣпость Ардаганъ.

Къ успѣхамъ русскаго оружія на сухомъ пути въ Азіи, присоединились, въ началѣ войны, еще блестящіе успѣхи наши на водѣ. Желая воспрепятствовать переходу нашихъ войскъ через Дунай, турки ввели въ эту рѣку нѣсколько броненосцевъ, т. е. большихъ кораблей, обшитыхъ толстыми желѣзными листами. У насъ же не было на Дунаѣ ни одного значительнаго судна; но не смотря на это наши моряки совершали чудеса храбрости, вслѣдствіе чего мы и тутъ одержали верхъ надъ турками. Такъ, одинъ изъ самыхъ большихъ турецкихъ броненосцевъ былъ взорванъ на воздухъ, 29 апрѣля, у Браилова, вслѣдствіе мѣткихъ выстрѣловъ съ русской береговой батареи. Другой же броненосецъ пошелъ ко дну благодаря геройскому подвигу двухъ нашихъ моряковъ: лейтенантовъ Дубасова и Шестакова. Въ ночь съ 13 на 14 мая, эти отважные офицеры двинулись въ путь на своихъ маленькихъ миноносныхъ лодкахъ и стали приближаться къ турецкому броненосцу, вблизи котораго стояли два военныхъ парохода. Подъ выстрѣлами всполошившихся турокъ, лейтенантъ Дубасовъ подплылъ къ броненосцу и нанесъ ему ударъ въ лѣвый бортъ; раздался оглушительный трескъ, и броненосецъ скрылся въ дыму. Однако онъ все еще держался на водѣ. Тогда двинулся впередъ, съ явною опасностію для жизни, лейтенантъ Шестаковъ и нанесъ броненосцу второй ударъ; послѣдовалъ новый трескъ, и броненосецъ изчезъ подъ водою. Этотъ блистательный подвигъ Дубасова и Шестакова, сдѣлавшій имена ихъ извѣстными всему свѣту, значительно облегчилъ нашимъ войскамъ послѣдующую переправу черезъ Дунай.

Что же касается нашей дунайской арміи, предводимой великимъ княземъ Николаемъ Николаевичемъ, то она въ самый день объявленія войны вступила въ подчиненное Турціи княжество Румынское и направилась къ Дунаю. При арміи этой находились покойный Императоръ Александръ III, тогда еще наслѣдникъ цесаревичъ, принявшій начальство надъ цѣлымъ ея отрядомъ, а также и другіе члены царствующаго дома, подвергая жизнь свою опасности за начатое Государемъ святое дѣло.

Вслѣдствіе необыкновенно сильнаго разлитія Дуная въ весну 1877 г., переправа черезъ него нашихъ войскъ должна была замедлиться на цѣлыхъ два мѣсяца. Главная задача наша, при переходѣ черезъ Дунай, состояла въ томъ, чтобы отвлечь вниманіе турокъ отъ мѣста переправы главныхъ силъ нашей арміи. Задача эта была разрѣшена весьма удачно: тайна была вполнѣ сохранена, и русскія войска, въ ночь съ 14 на 15 іюня, перешли черезъ Дунай, при помощи понтоновъ и плотовъ, въ такомъ мѣстѣ, гдѣ турки менѣе всего ожидали этого, именно отъ Зимницы (между крѣпостями Рущукомъ и Никополемъ) въ Систово. Вслѣдствіе этого, переправа черезъ Дунай совершилась благополучно и наша потеря въ этомъ важномъ дѣлѣ не превышала 1,000 человѣкъ, выбывшихъ изъ строя.

Переправившись съ Божіею помощію черезъ Дунай и высадившись на непріятельскомъ берегу, войска наши, не давая врагу времени опомниться, стали двигаться въ самое сердце Болгаріи и забирать у турокъ городъ за городомъ, крѣпость за крѣпостію. Такъ, недѣли черезъ полторы по переходѣ черезъ Дунай, передовой отрядъ русскихъ войскъ, подъ командою генерала Гурко, овладѣлъ (25 іюня) горо-

домъ Тырновомъ,—древнею столицею болгарскихъ царей, являющею изъ себя важнѣйшій ключъ къ горнымъ проходамъ черезъ Балканы, и такимъ образомъ обезпечилъ себѣ доступъ къ этимъ горамъ, а вслѣдъ затѣмъ (2 іюля) взята была нами, послѣ ожесточеннаго штурма, сильная крѣпость Никополь. Послѣ того, отрядъ генерала Гурко двинулся далѣе къ Балканамъ и 7-го іюля овладѣлъ главнымъ такъ-называемымъ Шипкинскимъ проходомъ черезъ эти горы, выбивши оттуда турокъ.

Такимъ образомъ первыя дѣйствія русскихъ войскъ, какъ въ азіатской, такъ и въ европейской Турціи, были вполнѣ счастливы и успѣшны.

Но, какъ въ Азіи, такъ и въ Европѣ, за первыми нашими блестящими успѣхами послѣдовало нѣсколько серьезныхъ неудачъ. Неудачи эти, точно также какъ и успѣхи, обнаружились прежде всего на азіатскомъ театрѣ войны. Такъ, въ началѣ іюня, турки, получивъ значительныя подкрѣпленія, осадили въ крѣпости Баязетѣ небольшой, занимавшій эту крѣпость, русскій гарнизонъ, который, впрочемъ, вскорѣ былъ выручень.

Наиболѣе же крупною неудачею нашею въ Азіи была безуспѣшная атака (13 іюня) крѣпкой позиціи турокъ подъ Зевинымъ, послѣ чего войска наши принуждены были даже снять на время осаду Карса и отступить къ своимъ предѣламъ.

Но гораздо важнѣе были временныя неудачи русскихъ войскъ на европейскомъ театрѣ войны.

Самою крупною неудачею во время всей балканской войны было нападеніе русскихъ войскъ на Плевну. Плевна—незначительный болгарскій городокъ. Войска наши надѣялись легко овладѣть имъ, и 8 іюля небольшой отрядъ ихъ атаковалъ Плевну.

Но оказалось, что турки успѣли уже сосредоточить въ этомъ городкѣ значительныя силы, подъ начальствомъ лучшаго изъ своихъ полководцевъ, даровитаго и рѣшительнаго Османа-паши и, сверхъ того, наученые европейскими инженерами, создали вокругъ Плевны, въ нѣсколько дней, неприступную позицію, покрытую цѣлою сѣтью полевыхъ укрѣпленій. Вслѣдствіе такой несоразмѣрности нашихъ силъ въ открытомъ полѣ съ силами непріятеля, засѣвшаго за укрѣпленіями, первое нападеніе русскихъ войскъ на Плевну, совершенное съ обычнымъ мужествомъ, было отбито турками, при чемъ потеря наша простиралась до трехъ тысячъ человѣкъ, выбывшихъ изъ строя.

Черезъ 10 дней (18 іюля) русскія войска, подкрѣпившись въ силахъ, произвели второе нападеніе на Плевну. Но и на этотъ разъ атака окончилась для насъ такою же неудачею: далеко превосходившій насъ силами непріятель отразилъ всѣ приступы русскихъ войскъ, причемъ эта вторая плевна обошлась намъ до $7^1/_2$ тысячъ выбывшихъ изъ строя.

Между тѣмъ, съ прибытіемъ къ русской арміи, расположенной подъ Плевною, подкрѣпленій, сдѣлано было третье и послѣднее героическое усиліе взять штурмомъ этотъ укрѣпленный лагерь. Главное участіе въ этомъ дѣлѣ принималъ храбрый молодой генералъ Скобелевъ 2-й съ своимъ отрядомъ. 28 августа онъ отразилъ двѣ отчаянныхъ атаки турокъ, чувствовавшихъ, откуда имъ грозила гибель. На слѣдующій день, 29 августа, Скобелевъ занялъ Зеленыя Горы и укрѣпился на нихъ, а 30 августа, когда должна была произойти общая атака, отрядомъ его взяты были два турецкихъ укрѣпленія. При этомъ Скобелевъ, бывшій постоянно въ бѣломъ кителѣ и

на бѣломъ конѣ и прозванный поэтому турками „бѣлымъ генераломъ“ (акъ паша), каждый разъ самъ водилъ свои боевыя колонны въ дѣйствіе, какъ на парадъ, съ музыкою и распущенными знаменами, и даже первый верхомъ вскочилъ на брустверъ одного изъ турецкихъ редутовъ. Но не смотря на блестящія дѣйствія генерала Скобелева, не смотря на геройство и самоотверженіе его солдатъ, штурмъ и на этотъ разъ не удался. 31 августа Скобелевъ отразилъ пять бѣшеныхъ атакъ всей массы турокъ, но, не получивъ помощи, такъ какъ ее не-откуда было взять, долженъ былъ отступить. Эта послѣдняя неудача стоила намъ до 3 тысячъ убитыми и около 10 тысячъ ранеными.

Но вслѣдъ за этимъ какъ въ Азіи, такъ и въ Европѣ стали быстро слѣдовать одна за другою блестящія побѣды русскихъ войскъ надъ турками.

Стянувшись и получивъ подкрѣпленіе, кавказская армія наша перешла къ осени опять въ наступленіе и начала выбивать турокъ изъ занятыхъ ими крѣпкихъ позицій. Въ началѣ октября, подъ предводительствомъ генерала Лорисъ-Меликова, сдѣлана была общая атака на главныя турецкія силы при Аладжѣ на рѣкѣ Авліарѣ, причемъ главнокомандующій турецкими войсками въ Азіи, Мухтаръ-паша, потерпѣлъ окончательное пораженіе, послѣ котораго вынужденъ былъ обратиться въ безпорядочное бѣгство. Тотчасъ за этимъ разгромомъ, главныя русскія силы двинулись къ Карсу и вторично осадили эту крѣпость, передовые же отряды наши подошли къ Эрзеруму и здѣсь, при Деве-Бойнѣ, нанесено было туркамъ (23 октября) новое рѣшительное пораженіе.

Но вѣнцомъ успѣховъ русскихъ войскъ въ Азіи было паденіе, 6 ноября, грозныхъ твердынь Карса, ко-

торый взятъ былъ генераломъ Лорисъ-Меликовымъ послѣ геройскаго ночного штурма. Сами англичане признали взятіе Карса однимъ изъ величайшихъ и труднѣйшихъ военныхъ дѣлъ, когда либо предпринятыхъ.

Въ тоже время на европейскомъ театрѣ войны, у горнаго склона Балкановъ, близъ дер. Шипки, сосредоточился большой турецкій корпусъ, подъ начальствомъ суроваго, непреклоннаго волею и талантливаго полководца Сулеймана-паши, поставившаго себѣ цѣлію, во что-бы то ни стало, отбить назадъ Шипкинскій проходъ, занятый небольшимъ русскимъ отрядомъ. Въ теченіе семи дней (съ 9 по 16 августа) пытались турки отнять у насъ Шипкинскій проходъ и произвели съ этою цѣлію рядъ бѣшеныхъ атакъ. Въ два первые дня горсть храбрецовъ, оборонявшихъ Шипкинскій перевалъ, отразила всѣ отчаянныя усилія цѣлой арміи Сулеймана-паши. Но затѣмъ наступилъ ужасный день 11 августа! Гулъ непрерывныхъ артиллерійскихъ выстрѣловъ сливался въ одинъ раскатъ безконечнаго грома. Это былъ адскій огонь и, подъ прикрытіемъ этого огня, турецкія атаки продолжались еще въ бòльшихъ размѣрахъ. Русскіе ряды таяли и изнемогали отъ ранъ и усталости. Въ это-то время, по-два и по-три на казачьей лошадкѣ, подоспѣли наши стрѣлки, подъ командою генерала Радецкаго. Едва спрыгнувъ на землю, они немедленно, съ громкимъ „ура", ринулись въ штыки, и, пораженные такимъ неожиданнымъ оборотомъ дѣла, турки обратились въ бѣгство. 12 августа къ войскамъ нашимъ прибыли свѣжія подкрѣпленія; 13, 14 и 15 числа еще продолжались безумныя атаки турокъ, но вечеромъ 15 августа вдругъ все затихло: турки убѣдились, что имъ не сломить стойкости и мужества русскихъ

войскъ, оборонявшихъ Шипкинскій проходъ, и отступили.

Между тѣмъ, послѣ третьей Плевны рѣшено было не возобновлять болѣе дорого-стоющихъ атакъ и ограничиться возможно бо́льшимъ оцѣпленіемъ турецкой позиціи, чтобы пресѣчь всѣ сообщенія Плевны съ окрестными мѣстностями, не допускать подвоза къ ней провіанта и заставить, такимъ образомъ, турокъ сдаться. Общее руководительство осадными работами поручено было знаменитому инженеру генералу Тотлебену, прославившемуся еще во время обороны Севастополя въ крымскую кампанію. Генералъ Тотлебенъ повелъ правильную осаду Плевны, обложивъ ее со всѣхъ сторонъ и подвергнувъ сильному артиллерійскому огню. Сверхъ того, сюда прибывали все новыя и свѣжія войска, и положеніе Османа-паши и его арміи стало, наконецъ, отчаяннымъ.

Въ концѣ октября, отрядъ генерала Гурко, въ составъ котораго входила гвардія, взялъ Горный Дубнякъ, Телишъ и рядъ другихъ турецкихъ укрѣпленій, расположенныхъ къ юго-западу отъ Плевны и оберегавшихъ софійскую дорогу, по которой подвозились до тѣхъ поръ къ Плевнѣ подкрѣпленія и припасы, и, такимъ образомъ, совершенно отрѣзалъ туркамъ всякое сообщеніе съ Плевною. Менѣе чѣмъ черезъ мѣсяцъ всѣ съѣстные припасы у находившихся въ Плевнѣ турокъ окончательно истощились. Утромъ 28-го ноября Османъ-паша, желая пробиться сквозь русскія линіи къ Дунаю, стремительно бросился было изъ Плевны на проломъ, но, послѣ нѣсколькихъ часовъ отчаяннаго боя, во время котораго раненъ былъ въ ногу,—былъ отброшенъ назадъ и сдался въ плѣнъ, со всею своею арміею, числомъ болѣе, чѣмъ въ 40 тысячъ человѣкъ. Все это горячее дѣло стоило

намъ до 600 человѣкъ убитыми и вдвое болѣе ранеными.

Принимая близко къ сердцу успѣхъ своей доблестной арміи и святого дѣла, за которое она сражалась, Государь Императоръ уже въ концѣ мая 1877 года, т. е. еще въ самомъ началѣ войны, прибылъ въ Болгарію и, не смотря на слабость своего здоровья, все время оставался среди дѣйствующей Дунайской арміи, раздѣляя съ нею всѣ тяготы и волненія военно-походной жизни, слѣдя за каждымъ ея шагомъ и воодушевляя ее своимъ присутствіемъ.

Не въ качествѣ полководца отправился Государь вслѣдъ за своими войсками въ разоренную Болгарію: одна любовь подвигнула его къ тому, искренее сострадание къ больнымъ, раненымъ, обремененнымъ, которыхъ никто не могъ обласкать и утѣшить лучше Царя. „Я ѣду братомъ милосердія",—говорилъ сердобольный Царь, печальникъ о горѣ народномъ, отправляясь въ дѣйствующую армію. И дѣйствительно, предоставляя другимъ всю военную славу побѣды надъ непріятелемъ, Императоръ сосредоточилъ все свое вниманіе на больныхъ и раненыхъ воинахъ, для которыхъ явился не только братомъ, но отцомъ милосердія. Никогда отношенія народа къ Царю не были такъ близки, сердечны, теплы, какъ во время этой войны: и благоговѣйная любовь къ нему еще глубже залегла въ душу народа.

Пребывая среди своей арміи, Государь жилъ подъ открытымъ небомъ, ночевалъ въ полуразрушенныхъ болгарскихъ избушкахъ, молился за войска и благословлялъ ихъ на бой. Усердно посѣщая больныхъ и раненыхъ воиновъ въ госпиталяхъ и на перевязочныхъ пунктахъ, Императоръ обходилъ ихъ съ умилительно-добрымъ выраженіемъ лица, принималъ

сердечное участіе въ ихъ положеніи, утѣшалъ, ободрялъ и поддерживалъ страдальцевъ своимъ ласковымъ царскимъ словомъ, съ отеческою любовію выслушивалъ ихъ разсказы и тутъ же собственноручно награждалъ отличившихся за ихъ боевыя заслуги.

Во все время перехода черезъ Дунай у Зимницы, Государь съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдилъ за переправою и болѣлъ душою за каждаго раненаго, 16-го іюня 1877 г. Императоръ посѣтилъ раненыхъ воиновъ въ Зимницкомъ госпиталѣ и глубоко-прочувствованными словами выразилъ имъ свою признательность за ихъ молодецкую службу.

Тутъ-же лежалъ тяжело раненый офицеръ гвардіи. „Ты очень страдаешь?" — спросилъ его Государь. „Да, Ваше Величество",—отвѣчалъ раненый,—„дайте руку поцѣловать"!.. „Нѣтъ! я тебя поцѣлую"!—отвѣчалъ Государь, обнимая доблестнаго воина.

Выходя изъ палаты, гдѣ лежали одни тяжело раненые, Государь, благодаря ихъ за доблестную службу, сказалъ: „Показали себя молодцами, сдержали, что̀ обѣщали мнѣ еще въ Кишиневѣ!"—„Рады стараться, Ваше Императорское Величество!"—громко отвѣчали ему, по обычаю, больные, израненые воины. „Да вы ужъ постарались",—выговорилъ черезъ слезы Государь,—„и большое вамъ мое и Россіи за это спасибо". „Что за люди!"—произнесъ Государь послѣ посѣщенія госпиталя—„ни одной жалобы, ни одной просьбы! Одно только желаніе, одно у всѣхъ стремленіе—поскорѣе въ полкъ, чтобъ идти на непріятеля".

Въ другой разъ Государь взялъ за руку тяжко раненаго офицера и отъ жалости самъ едва могъ проговорить ему нѣсколько успокоительныхъ словъ. Тогда тотъ, желая облегчить Государю его душевныя страданія, собралъ свои послѣднія силы и сказалъ

съ трудомъ вполголоса:—Не извольте безпокоиться, Ваше Величество! Мнѣ хорошо. Всѣмъ намъ хорошо. Я вовсе не страдаю...—и испустилъ послѣдній вздохъ, едва только Государь вышелъ изъ палаты.

Съ величайшимъ участіемъ распрашивалъ Государь, не имѣетъ-ли кто какой-нибудь просьбы или особой заботы. Если находился проситель, Государь говорилъ съ нимъ отдѣльно, вполголоса, чтобы тотъ не стѣснялся постороннихъ. Онъ бывалъ очень тронутъ, если кто изъ умиравшихъ ходатайствовалъ передъ нимъ о своихъ родныхъ, остающихся безъ поддержки: онъ спѣшилъ тогда успокоить просителя, увѣряя, что позаботится о его семействѣ. Его вниманіе ко всякому горю было безконечно.

17 іюня, послѣ полудня, Государь переѣхалъ на правый берегъ Дуная, гдѣ въ тотъ же день отслужено было, по его приказанію, благодарственное молебствіе, съ возглашеніемъ вѣчной памяти воинамъ, павшимъ при переправѣ. Затѣмъ Государь вызвалъ изъ строя отличившихся, выразилъ имъ въ милостивыхъ словахъ благодарность свою за ихъ храбрость и молодечество, собственноручно украсилъ груди ихъ георгіевскими крестами и удостоилъ каждаго поцѣлуемъ. Когда кресты были розданы, Императоръ приказалъ солдатамъ, удостоеннымъ воинской награды, взойти на курганъ и скомандовалъ всѣмъ войскамъ: „Новымъ георгіевскимъ кавалерамъ честь отдать! баталіоны на плечо! слушай на кра-улъ!“ При этомъ Государь приложилъ руку къ козырьку и, вмѣстѣ со всею массою войскъ, провозгласилъ „ура“, а затѣмъ обнялъ и поцѣловалъ главнокомандующаго.

Государь лично ѣздилъ благодарить свои доблестныя войска послѣ сраженій, горячо молился за убитыхъ воиновъ надъ братскими ихъ могилами и на

панихидахъ въ убогихъ болгарскихъ церквахъ. Вѣчно находясь въ тревогѣ и скорби, часто подвергаясь мѣстной лихорадкѣ, онъ постоянно былъ ласковъ и привѣтливъ съ окружающими и скрывалъ отъ нихъ свое нездоровье. Движимый любовію къ своему народу, Государь безропотно переносилъ всѣ невзгоды и лишенія и являлъ первый примѣръ христіанскаго терпѣнія. Случалось ему ночевать и въ промокшей палаткѣ, и въ горницѣ безъ рамъ. гдѣ окна наскоро заклеивали бумагой... Въ мѣстечкѣ Порадимѣ ему было до такой степени холодно и нехорошо въ своей избенкѣ, что онъ лично обратился къ нѣкоторымъ солдатамъ изъ своего конвоя съ просьбою: „Очень ужъ мнѣ холодно въ мазанкѣ, не сложите-ли вы мнѣ, голубчики, небольшую печь“. Солдаты бросились сооружать печь и обили комнату сукномъ, которое кто-то при этомъ пожертвовалъ. Государь остался очень доволенъ.

При появленіи Императора въ госпиталяхъ. раненые оживлялись и забывали о своихъ страданіяхъ. Ласковое обращеніе съ ними Царя ободряло ихъ и они свободно отвѣчали на его вопросы. Самъ же Государь выходилъ изъ госпиталя всегда разстроенный, блѣдный, со слезами на глазахъ.

Однажды, во время переправы черезъ Дунай, Государь посѣтилъ военный госпиталь при городѣ Галацѣ. Въ палаткѣ, гдѣ лежали раненые, была полнѣйшая тишина: глаза всѣхъ были устремлены на вошедшаго Царя. Спросивъ у старшаго врача, всѣ-ли раненые перевязаны, Государь подошелъ къ первому солдату. Раненый сильно страдалъ, но, видя подходящаго къ нему Царя, старался привстать. „Лежи, лежи!“... поспѣшилъ предупредить его Государь.—„Ты куда раненъ?“.

— Въ животъ... произнесъ больной слабымъ голосомъ.

— „Какъ ты себя чувствуешь?“ спросилъ Государь.

Раненый растерянно глядѣлъ на окружавшихъ его докторовъ и видимо не зналъ, что̀ отвѣтить.

— „Какъ ты себя чувствуешь, другъ мой?“— ласково повторилъ Государь.

— Ничего, хорошо.

— „Какъ же тебя ранили?„—

— Мы въ первой лодкѣ, Ваше Императорское Величество, переправлялись—уже смѣло произнесъ раненый — пошли это въ штыки... Турокъ хотѣлъ штыкомъ въ животъ, а я схватилъ его одной рукой... онъ и выстрѣлилъ!

— „Ну, дастъ Богъ, поправишься, не горюй... а вотъ тебѣ за храбрость крестъ; ты его заслужилъ. Дай я тебѣ приколю его къ рубашкѣ,“—говорилъ Государь, нагибаясь къ солдату.

Многіе больные приподнялись, чтобы взглянуть, какъ самъ Царь прикалывалъ георгіевскій крестъ къ солдатской рубахѣ. Нѣкоторые крестились и шептали молитвы...

— „Ну, до свиданія, поправляйся!“

Солдатъ благодарилъ Государя, и по лицу его капали слезы...

Милостиво разговаривая съ ранеными, благодаря ихъ за службу и вселяя надежду, что они скоро поправятся, Государь, уже совершенно взволнованный, со слезами на глазахъ, подошелъ къ одному солдату, изрубленному шашками.

—„Какъ же тебя ранили?“—спросилъ онъ дрожащимъ голосомъ.

—Черкесы... могъ только выговорить раненый и не въ состояніи былъ продолжать.

Государь сѣлъ къ нему на кровать, нагнулся къ нему и положилъ на грудь его георгіевскій крестъ.

— „Ну, а ты, молодецъ, куда раненъ?“—спросилъ Императоръ солдата съ раскраснѣвшимся отъ волненія лицомъ и блестящими глазами, радостно смотрѣвшими на Царя.

— Не опасно, Ваше Императорское Величество,—бодро произнесъ онъ.

— „Слава Богу, коли такъ“,—произнесъ Государь, улыбаясь,—„но, однако, куда же?“

— Въ грудь на вылетъ... вотъ тутъ...—отвѣтилъ солдатъ и при послѣднемъ словѣ вдругъ поблѣднѣлъ и лишился чувствъ. Императоръ не отходилъ отъ больного, пока онъ, при помощи докторовъ, не пришелъ въ себя. Рядомъ съ нимъ лежалъ его землякъ и однополчанинъ, который разсказалъ, что его товарищъ страшно боялся, чтобы старуха—мать не узнала объ его ранѣ и чтобы скрыть, что онъ въ госпиталѣ, хотѣлъ послать ей письмо и деньги. Узнавъ объ этомъ, Государь приказалъ положить ему подъ подушку 25 рублей.

— „Смотрите, поправляйтесь!“—сказалъ Государь, прощаясь съ ранеными.—„Я пришлю справиться о вашемъ здоровьѣ. Надѣйтесь на Бога. Еще разъ благодарю васъ за службу!“

Когда Императоръ вышелъ изъ госпиталя, лицо его было блѣдное, измученное.

Раненые и ихъ семейства были неусыпною заботою Государя. Радъ онъ былъ, когда изъ Петербурга прибывали вещи для раненыхъ, присылавшіяся въ подарокъ Императрицей Маріей Александровной. Онъ непремѣнно самъ раздавалъ ихъ, заботливо спрашивая у раненыхъ, кто чего хочетъ, что̀ любитъ и стараясь угодить каждому страждущему; музыкантамъ

давалъ онъ гармоніи, грамотнымъ книжки, курящимъ кисеты для табаку, некурящимъ чай, закуски, гостинцы. Какъ дѣти радовались солдаты и офицеры, получая подарки изъ рукъ царственнаго „брата милосердія“, слыша его задушевное, ласковое слово. Любовь къ нему солдатъ, радость и восторгъ отъ свиданія съ нимъ дѣйствовали на раненыхъ какъ живая вода: всякій, кто могъ шевелиться, старался встать, приподняться, ободриться; они простирали къ Царю свои руки, цѣловали его одежду, благословляли его имя; крупныя слезы катились по всѣмъ лицамъ; и, видя такую преданность, Государь самъ плакалъ отъ умиленія.

Послѣ второго неудачнаго нападенія русскихъ войскъ на Плевну, Государь пожелалъ быть ближе къ главному въ то время мѣсту военныхъ дѣйствій и назначилъ своимъ мѣстопребываніемъ Горній Студень. Здѣсь онъ избралъ себѣ, для наблюденія за боемъ, мѣсто на древнемъ курганѣ, получившемъ съ тѣхъ поръ названіе Императорскаго кургана. Съ этой возвышенности можно было видѣть верстъ на 15 во всѣ стороны. На вершинѣ этого холма, подъ выстрѣлами турокъ, Императоръ, сидя на складномъ стулѣ, съ утра до вечера, съ сосредоточеннымъ вниманіемъ, слѣдилъ въ зрительную трубку за ходомъ сраженія. На курганѣ же встрѣтилъ и провелъ Государь и 30-е августа—день своего тезоименитства, причемъ тутъ же, въ палаткѣ, совершено было и молебствіе, во время котораго салютомъ, вмѣсто обычныхъ выстрѣловъ съ Петропавловской крѣпости,—служилъ перекатный громъ боевыхъ орудій. 7-го ноября Государь былъ порадованъ извѣстіемъ о паденіи Карса, а три недѣли спустя, 29-го ноября, верхомъ, со свитою, въѣхалъ въ павшую уже передъ

нимъ Плевну. Здѣсь Императору Александру II былъ представленъ храбрый защитникъ Плевны Османъ-паша, едва переступавшій вслѣдствіе полученной имъ раны. Государь принялъ его милостиво и, въ знакъ уваженія къ его храбрости, возвратилъ ему его саблю, сказавъ при этомъ: „Вы можете носить ее и у насъ въ Россіи, куда Вы теперь отправитесь и гдѣ, надѣюсь, Вы не будете имѣть причинъ къ какому бы то ни было недовольству".

Только тогда, когда, съ паденіемъ Плевны, борьба явно склонилась въ нашу пользу и дальнѣйшій успѣхъ святого дѣла былъ уже вполнѣ обезпеченъ, Государь, простившись со своими войсками, уѣхалъ изъ дѣйствующей арміи и въ началѣ декабря 1877 г. вернулся въ Россію.

Семимѣсячное пребываніе Императора Александра II при дѣйствующей арміи представляетъ собою одинъ изъ самыхъ крупныхъ подвиговъ его славнаго царствованія. Въ это именно время ярче всего обрисовалось любвеобильное сердце Царя-Освободителя, Царя-Человѣка.

Государь оставался на мѣстѣ военныхъ дѣйствій въ теченіе самаго труднаго времени. При немъ совершилась переправа черезъ Дунай, въ его же присутствіи происходилъ и рѣшительный бой подъ Плевной, и Царь разстался со своимъ войскомъ только тогда, когда уже не оставалось сомнѣнія въ исходѣ войны.

Возвращеніе Государя изъ дѣйствующей арміи сначала въ Москву, а потомъ въ С.-Петербургъ было рядомъ торжественныхъ встрѣчъ съ изъявленіями восторженныхъ чувствъ всѣхъ сословій русскаго народа и сопровождалось яркими выраженіями самой искренней любви, глубочайшей преданности и без-

предѣльнаго довѣрія народа къ своему Царю. Россія знала, съ какимъ христіанскимъ терпѣніемъ и неизмѣримою кротостію переносилъ ея Монархъ всѣ лишенія и трудности похода въ далекой странѣ, гдѣ палатка была его чертогомъ, а убогая комната—дворцомъ. Россія знала, какимъ ангеломъ-утѣшителемъ являлся ея Государь среди больныхъ и раненыхъ воиновъ, ободряя ихъ милостивымъ словомъ теплаго участія и облегчая ихъ страданія съ тою безпредѣльною добротою, которою преисполнено было его любящее сердце; она знала, какъ спасительно было присутствіе обожаемаго Монарха на мѣстѣ военныхъ дѣйствій, какъ оно воодушевляло войско, которое вѣрило въ своего Царя, какъ Царь вѣрилъ въ свое войско.

Тотчасъ же послѣ взятія Плевны, рѣшено было безотлагательно, не теряя времени, перейти Балканы. Съ этою цѣлію главныя войска наши двинуты были къ Шипкинскому перевалу, который, въ теченіе пяти мѣсяцевъ достославно оборонялся небольшимъ отрядомъ русскихъ войскъ отъ цѣлой турецкой арміи. Между тѣмъ, наступила уже суровая зима и турки не допускали даже мысли о возможности перехода нашихъ войскъ черезъ Балканы въ это время года. Но тутъ-то и выказалась вся доблесть русской арміи. Къ великому изумленію и турокъ, и всей вообще Европы, наши войска въ самые рождественскіе морозы появились на вершинахъ Великихъ Балкановъ.

Перевалить зимою съ арміею черезъ Великіе Балканы—вообще дѣло въ высшей степени трудное и рискованное; но перевалить черезъ Трояновъ проходъ въ какое бы то ни было время года ни одна армія въ мірѣ еще не рѣшалась, а если бы и рѣшилась, то навѣрное погибла бы у его подножія. Склоны

этого перевала настолько круты, что даже ослы, эти выносливѣйшія въ горахъ животныя, не въ силахъ одолѣть ихъ крутизны, вслѣдствіе чего самый перевалъ получилъ даже названіе „ослиной гибели“. Самая вершина этого перевала есть ничто иное, какъ безлѣсный черепъ, увѣнчанный турецкимъ редутомъ и занесенный глубокимъ снѣгомъ, изъ подъ котораго мѣстами выставляются камни, покрытые гололедицею. Бураны, составляющіе здѣсь обычное явленіе, грозятъ мгновенно и неминуемо погребсти въ снѣгахъ всякаго смѣльчака, который бы рискнулъ замѣшкаться долго на перевалѣ.

Собственно главная русская армія перешла Балканы въ двухъ другихъ пунктахъ, но намъ нужно было попытаться, хотя бы незначительную часть нашихъ войскъ, переправить именно черезъ Траянъ для того, чтобы, совершивъ такой подвигъ, поразить турокъ паническимъ страхомъ, отвлечь ихъ вниманіе отъ движенія нашей главной арміи и тѣмъ облегчить послѣдней переходъ черезъ Балканы. Выполненіе этого страшно труднаго, почти невозможнаго дѣла возложено было на отрядъ генерала Карцова. Въ ночь съ 22-го на 23-е декабря отрядъ двинулся въ путь, таща на салазкахъ и лубкахъ тяжелѣйшія пушки, причемъ въ каждыя салазки впрягалось по нѣсколько буйволовъ и до 30 человѣкъ. Саперы, слѣдуя впереди и поминутно проваливаясь по грудь въ снѣжныя ямы, кое-какъ намѣчали тропу, которая вилась зигзагами по откосу, такъ что одного неосторожнаго шага было достаточно, чтобы свалиться въ пропасть. Все это происходило притомъ въ облакахъ, которыя до того окутывали Траянъ со всѣхъ сторонъ, что впереди можно было видѣть не далѣе, какъ на 10 шаговъ. Добравшись до самаго черепа перевала и

проведя тамъ день Рождества Христова, отрядъ генерала Карцова 26-го декабря уже штурмовалъ турецкій редутъ, ворвался въ него и прогналъ турокъ. Послѣ того приходилось спуститься въ такъ-называемую Долину Розъ по южному склону Балкановъ, который еще гораздо круче сѣвернаго. Вслѣдствіе этого, спускъ былъ еще труднѣе, еще ужаснѣе подъема. Какъ только русскіе спустились съ Траяна, турки покинули свои позиціи у подножія Великихъ Балкановъ, а отрядъ генерала Карцова вошелъ въ связь съ одной стороны—съ отрядомъ генерала Гурко, а съ другой—съ шипкинскимъ отрядомъ генерала Радецкаго.

За исключеніемъ отряда генерала Карцова, перевалившаго черезъ Траянъ, вся русская армія перешла Балканы въ двухъ другихъ мѣстахъ. Одна половина ея, подъ предводительствомъ генерала Гурко. совершила переходъ у Этрополя, причемъ ей пришлось побороть чрезвычайныя трудности зимняго похода по обледенѣлымъ снѣжнымъ вершинамъ и крутизнамъ, безпрерывно сражаясь съ непріятелемъ, занимавшимъ всѣ удобопроходимыя мѣста. Другая же половина нашей арміи, подъ предводительствомъ генерала Радецкаго, двигаясь по колѣно въ снѣгу, перешла Балканы у Шипки.

Спустившись съ Балкановъ въ Долину Розъ, генералъ Радецкій, вмѣстѣ съ явившимся ему на помощь изъ подъ Плевны (послѣ ея паденія) генераломъ Скобелевымъ 2-мъ, аттаковалъ, 28-го декабря, стоявшую передъ Шипкой, у Казанлыка, 40-тысячную турецкую армію, которая, послѣ упорнаго сопротивленія, была разбита и взята въ плѣнъ.

Разгромивъ и разсѣявъ шипкинскую турецкую армію и совершивъ безпримѣрный въ исторіи переходъ черезъ Балканы, русскія войска продолжали

двигаться впередъ, отражая турецкіе отряды, осмѣливавшіеся дѣлать на нихъ нападенія, или преграждать имъ путь. Въ виду такого побѣдоноснаго шествія русской арміи къ завѣтному пункту—Константинополю, устрашенный султанъ, еще въ началѣ января 1878 года, прислалъ къ нашему главнокомандующему уполномоченныхъ съ просьбою о прекращеніи военныхъ дѣйствій и о заключеніи мира. Но пока шли переговоры, русскія войска двигались все впередъ, заняли безъ боя даже Адріанополь—вторую столицу Турецкой имперіи и подступили къ самому Константинополю. Тогда, 19-го января, заключено было перемиріе, а черезъ мѣсяцъ, 19-го февраля 1878 г., въ мѣстечкѣ Санъ-Стефано, верстахъ въ десяти отъ Константинополя, Турція подписала предложенныя ей Россіею условія мира.

Между тѣмъ великія европейскія державы потребовали, чтобы мирныя условія эти переданы были на ихъ разсмотрѣніе. Уступая настояніямъ означенныхъ державъ, Императоръ Александръ II вынужденъ былъ согласиться на предъявленное ими требованіе. Такимъ образомъ Санъ-Стефанскій мирный договоръ былъ только предварительнымъ: великія европейскія державы утвердили его съ значительными измѣненіями. Эти измѣненныя условія мира были подписаны въ 1878 г. уполномоченными всѣхъ великихъ державъ на конгрессѣ въ Берлинѣ, послѣ чего, 27 января 1879 года, подписанъ былъ въ Константинополѣ, на тѣхъ же основаніяхъ, и окончательный мирный договоръ между Россіей и Турціей.

Императоръ Александръ Николаевичъ могъ бы, конечно, съ полнымъ правомъ настаивать на утвержденіи Санъ-Стефанскаго мирнаго договора безъ всякихъ измѣненій; но тогда Россіи предстояла бы новая

война со всею Европою. Между тѣмъ Государь глубоко чувствовалъ необходимость мира: и безъ того уже довольно было пролито драгоцѣнной русской крови; пора было дать отдохнуть русскому народу, понесшему столько жертвъ въ борьбѣ за братьевъ-славянъ! Жалѣя народъ свой, Государь рѣшилъ—какъ ни тяжело ему было—не настаивать на всемъ томъ, что̀ было добыто дорогою русскою кровью и утверждено Санъ-Стефанскимъ договоромъ съ Турціей, и согласился въ Берлинѣ на большія уступки, которыя не подавили, однако, освобожденія христіанскихъ народовъ Турціи.

По мирнымъ договорамъ въ Санъ-Стефано и Берлинѣ, Турція обязалась признать полную независимость Сербіи и Румыніи, съ прирѣзкою къ нимъ значительныхъ пространствъ земли; Болгарія раздѣлена была на двѣ части, дунайскую и забалканскую: первая, лежащая къ сѣверу отъ Балкановъ, образовала особое, самостоятельное Болгарское княжество, связанное съ Турціею только тѣмъ, что уплачиваетъ султану ежегодную дань; южная же часть Болгаріи, подъ названіемъ „Восточной Румеліи". осталась въ зависимости отъ Турціи, но при этомъ тамъ введено самоуправленіе, съ христіанскимъ губернаторомъ во главѣ; Боснія и Герцеговина изъяты изъ-подъ вѣдѣнія Турецкой Имперіи, избавлены отъ ея злоупотребленій и впослѣдствіи перешли въ управленіе Австріи; въ остальныхъ же славянскихъ областяхъ Турція обязалась ввести необходимыя преобразованія и улучшенія: наконецъ, признана равноправность всѣхъ религій на Балканскомъ полуостровѣ. Что же касается собственно Россіи, то въ Европѣ возвращена ей та часть Бессарабіи, которая была уступлена ею Турціи послѣ Крымской кампаніи, по Парижскому миру 1856 г.,

благодаря чему Россія вновь достигла устьевъ рѣки Дуная; въ Азіи же она пріобрѣла часть турецкихъ владѣній, съ портомъ Батумомъ и крѣпостью Карсомъ, которые обезпечиваютъ здѣсь нашу безопасность и наше развитіе на будущее время. Наконецъ, за понесенныя Россіею военныя издержки, Турція обязалась уплатить ей денежное вознагражденіе въ размѣрѣ 300.000,000 руб.

Такъ окончилась русско-турецкая война 1877—1878 годовъ, эта безкорыстная борьба за освобожденіе славянъ Балканскаго полуострова, и хотя Россія, вслѣдствіе вмѣшательства Европы, далеко не получила того, на что̀ имѣла право разсчитывать послѣ принесенныхъ ею громадныхъ жертвъ и одержанныхъ славныхъ побѣдъ, тѣмъ не менѣе главная, святая цѣль войны была достигнута: въ достопамятный день освобожденія крестьянъ въ Россіи—и славянскіе народы Балканскаго полуострова освобождены были, при помощи Россіи и ея великаго Монарха, отъ тяготѣвшаго надъ ними въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ турецкаго гнета. Императору Александру II, даровавшему свободу многимъ милліонамъ собственныхъ подданныхъ, выпала славная роль и освободителя балканскихъ христіанъ, которыми онъ вторично названъ былъ Царемъ-Освободителемъ.

—

ГЛАВА IX.

Злодѣйскія посягательства на жизнь Государя и мученическая его кончина.

Возстановляя въ памяти все пережитое русскимъ народомъ въ теченіе царствованія Императора Александра II и сравнивая настоящее поло-

женіе Россіи съ тѣмъ, какимъ оно было въ началѣ этого царствованія, нельзя не изумиться благодѣтельной перемѣнѣ, происшедшей въ этотъ короткій промежутокъ времени во всѣхъ отрасляхъ народной жизни.

Освобожденіе крестьянъ отъ тяготѣвшей надъ ними нѣсколько вѣковъ крѣпостной зависимости и устройство ихъ быта, отмѣна позорныхъ и жестокихъ тѣлесныхъ наказаній, введеніе земскихъ учрежденій, городского самоуправленія, новыхъ судовъ и всеобщей воинской повинности, не считая другихъ, менѣе важныхъ, преобразованій, нововведеній и улучшеній, совершившихся по волѣ Царя-Освободителя,— имѣли неизмѣримое вліяніе на умственное и нравственное возрожденіе русскаго народа и, можно сказать, совершенно обновили весь строй нашей жизни.

Преобразовательная дѣятельность Императора Александра II, по ширинѣ и глубинѣ совершенныхъ въ его царствованіе преобразованій, можно сравнить только съ государственными преобразованіями, задуманными и направленными по мысли и волѣ перваго Императора земли русской—Петра Великаго.

Оглядываясь затѣмъ на войны того-же царствованія, нельзя не замѣтить, что всѣ онѣ были начаты и ведены не подъ вліяніемъ честолюбія, не ради жажды завоеваній, но исключительно по чувству человѣколюбія,—для огражденія живущихъ на окраинахъ государства русскихъ отъ хищническихъ набѣговъ полудикихъ азіатскихъ племенъ (покореніе Кавказа, Кокана, Бухары и Хивы), или же для освобожденія угнетенныхъ единоплеменниковъ (освобожденіе балканскихъ славянъ).

Неустанно заботясь о благѣ своихъ подданныхъ, Императоръ Александръ Николаевичъ, въ теченіе

26 лѣтъ своего славнаго царствованія, не упустилъ изъ виду ничего, что̀ могло бы послужить къ возвеличенію отечества и упроченію благоденствія русскаго народа, надъ которымъ Богъ поставилъ его Государемъ. Много и неусыпно трудился онъ на благо своего народа, много и страдалъ своимъ любящимъ сердцемъ за родную русскую землю.

Не всякій вѣнценосецъ рѣшился бы взять на себя столько подвиговъ по переустройству государства, сколько совершено было Императоромъ Александромъ II, не всякій повелъ бы войну по одному чувству христіанской любви къ ближнему, безкорыстно и самоотверженно. Цѣлый рядъ великихъ и мудрыхъ дѣлъ задумалъ и совершилъ Государь на пользу и счастіе Россіи, не страшась трудностей и не робѣя передъ препятствіями, съ вѣрою въ помощь Всевышняго и съ любовію къ своему народу. Много трудовъ и заботъ потребовалось для того, чтобы ввести въ государствѣ новые порядки, дать имъ окрѣпнуть и вырости на благо и пользу отечества; много нужно было и доброй воли, чтобы, не останавливаясь ни предъ какими преградами, идти неуклонно впередъ по разъ начертанному пути.

Не смотря, однако, на неустанные труды и отеческія заботы Императора Александра Николаевича, не смотря на всѣ его громадныя заслуги передъ отечествомъ, на его безпредѣльную доброту, великое милосердіе и безпримѣрное человѣколюбіе,—среди русскихъ же людей нашлась, къ стыду нашему, горсть злоумышленниковъ, которые, преслѣдуя какія-то туманныя цѣли, неоднократно пытались перевернуть вверхъ дномъ весь мирный строй вскормившей ихъ отчизны. Желая какихъ-то несбыточныхъ переворотовъ и прикрываясь любовію къ на-

роду, эти невѣдомые, темные враги Бога, Царя и отечества не останавливались ни передъ какимъ преступленіемъ, причемъ наглая, непомѣрная дерзость ихъ дошла, наконецъ, до послѣднихъ предѣловъ: они осмѣлились неоднократно покушаться на драгоцѣнную жизнь обожаемаго народомъ Царя-Освободителя.

Первое злодѣйское посягательство на жизнь Государя совершено было 4-го апрѣля 1866 года, посредствомъ выстрѣла изъ пистолета, произведеннаго проклятымъ народною памятью Каракозовымъ. Но пуля, направленная рукою злодѣя, среди бѣлаго дня, на глазахъ всего народа, въ великаго Государя, не коснулась его священной особы.

Знаменательно въ этомъ дѣлѣ то, что Провидѣніе избрало для спасенія жизни Царя-Освободителя одного изъ тѣхъ 22-хъ милліоновъ крѣпостныхъ крестьянъ, которымъ, по слову этого Царя, дарована была свобода. Имя этого крестьянина—Осипъ Ивановъ Коммисаровъ.

Уроженецъ Костромской губерніи, Коммисаровъ жилъ въ С.-Петербургѣ, и, какъ бóльшая часть его земляковъ, обучался шапочному мастерству, состоя подмастерьемъ. 4-го апрѣля 1866 г., Коммисаровъ, будучи именинникомъ, подходилъ, гуляя, къ воротамъ Лѣтняго сада, причемъ увидѣлъ экипажъ, окруженный толпою народа. Узнавъ, что это экипажъ Государя и что самъ Государь прогуливается по саду, Коммисаровъ остановился у воротъ сада, чтобы, вмѣстѣ съ находившимся тутъ народомъ, посмотрѣть на своего Освободителя. Спустя нѣкоторое время изъ сада, дѣйствительно, вышелъ Государь и, подойдя къ коляскѣ, хотѣлъ было уже надѣвать шинель. Въ это время какой-то неизвѣстный человѣкъ сталъ

до того сильно проталкиваться впередъ мимо Коммисарова, что тотъ, хотя и желалъ самъ поближе видѣть Императора, долженъ былъ, поневолѣ, отодвинуться и дать незнакомцу мѣсто пройти. Но тутъ Коммисаровъ замѣтилъ, что пробравшійся сквозь толпу человѣкъ начинаетъ изъ пистолета цѣлиться въ Императора; не теряя ни секунды времени, Коммисаровъ быстро ударилъ злодѣя подъ локоть, раздался выстрѣлъ и пуля пролетѣла мимо Государя.

Подвигъ Коммисарова оцѣненъ былъ Государемъ по достоинству: изъ простого крестьянина и подмастерья Коммисаровъ возведенъ былъ, по Высочайшему указу, въ потомственное дворянство и наименованъ Коммисаровымъ-Костромскимъ.

Возмутительное событіе 4-го апрѣля 1866 г. какъ громомъ поразило всю Россію; но ужасъ вѣрноподданныхъ и глубокая скорбь ихъ о томъ, что среди облагодѣтельствованнаго Государемъ народа нашелся человѣкъ, посягнувшій на драгоцѣнную жизнь этого Царя-Благодѣтеля, умягчались всеобщею безпредѣльною радостію по случаю чудеснаго спасенія обожаемаго Монарха отъ угрожавшей ему опасности.

Государь много разъ благодарилъ, отъ всей души и всего сердца, всѣхъ, являвшихся къ нему съ выраженіями своихъ вѣрноподданническихъ чувствъ. „Я глубоко тронутъ, господа“,—говорилъ онъ имъ,—„выраженіями чувствъ преданности, которыя стекаются ко мнѣ со всей Россіи: въ этихъ чувствахъ я не сомнѣвался никогда, а въ настоящемъ случаѣ они служатъ мнѣ истиннымъ утѣшеніемъ. Въ охраненіи дней моихъ я вижу Божію волю, и съ новыми силами буду продолжать трудиться для блага Россіи, которую люблю выше всего; все, что̀ ни дѣлается, дѣлается

къ лучшему, и я теперь достойно награжденъ за всѣ мои труды и за безпредѣльную любовь къ Россіи... Благодарю Васъ. Я увѣренъ, что вы сохраните мнѣ вашу любовь и преданность навсегда, а когда не станетъ меня, перенесете ихъ на наслѣдника моего". Государь обнялъ и поцѣловалъ при этомъ великаго князя Александра Александровича. У всѣхъ присутствовавшихъ навернулись слезы на глазахъ. „Богъ да сохранитъ Васъ надолго, Государь, вся Россія молитъ Его объ этомъ"—послышалось въ залѣ. „Благодарю Васъ, господа, за ваши молитвы",—отвѣчалъ Государь;—„благодарю васъ за ваши чувства; я постоянно молю Бога за Россію, за всѣхъ васъ, молю, чтобъ Онъ даровалъ мнѣ силы продолжать начатое дѣло".

Но прошелъ всего годъ съ небольшимъ со времени совершенія гнуснаго, противнаго и Божескимъ и человѣческимъ законамъ, дѣла Каракозова, какъ совершено было второе злодѣйское покушеніе на драгоцѣнную жизнь того, который самъ даровалъ новую жизнь милліонамъ русскихъ людей, освободивъ ихъ отъ тяжелаго вѣкового рабства. Это новое злодѣяніе совершено было 25 мая 1867 г., во время пребыванія Государя въ столицѣ Франціи—Парижѣ, польскимъ выходцемъ Березовскимъ. Но Провидѣніе Божіе и на этотъ разъ чудеснымъ образомъ спасло для русскаго народа его Царя-Освободителя.

Почти двѣнадцать лѣтъ прошло затѣмъ безъ новыхъ преступныхъ посягательствъ на священную особу Государя Императора. Но тутъ къ вѣчно терзающимъ, оскорбляющимъ слухъ русскаго человѣка фамиліямъ Каракозова и Березовскаго присоединилась еще одна несчастная фамилія—Соловьева, которымъ сдѣлано было, 2 апрѣля 1879 г., третье по счету

покушеніе на жизнь Императора Александра II, пятью выстрѣлами въ упоръ.

Хотя рука Божія вновь отстранила ударъ, направленный противъ Царя-Освободителя, но злодѣяніе это повлекло за собою цѣлый рядъ другихъ посягательствъ на жизнь Государя со стороны лицъ, принадлежащихъ къ особому тайному сообществу, поставившему себѣ цѣлію ниспровергнуть, посредствомъ насильственнаго переворота, существующій въ Россіи государственный и общественный строй.

Приверженцами означеннаго преступнаго сообщества заложена была, подъ полотномъ желѣзной дороги, близъ города Александровска, Екатеринославской губерніи, мина, съ цѣлію взорванія динамитомъ императорскаго поѣзда, въ которомъ находился Государь, по пути изъ Крыма, причемъ, однакоже, при проходѣ, 18 ноября 1879 г., означеннаго поѣзда изъ Александровска, взрыва не произошло и поѣздъ благополучно прослѣдовалъ мимо злоумышленниковъ.

На слѣдующій день, 19 того же ноября, съ тою же цѣлію лишенія жизни Государя Императора, произведенъ былъ взрывъ полотна на линіи Московско-Курской желѣзной дороги, близъ Москвы, при прохожденіи поѣзда съ императорскою свитою, вслѣдствіе чего произошло крушеніе поѣзда, въ которомъ злоумышленники очевидно предполагали присутствіе Императора, не причинившее, однако же, никакого вреда лицамъ, слѣдовавшимъ въ поѣздѣ.

Наконецъ, 5 февраля 1880 г., совершенно было новое покушеніе на жизнь Государя, посредствомъ произведеннаго съ неимовѣрною наглостію взрыва столовой комнаты въ Зимнемъ дворцѣ въ С.-Петербургѣ.

Но Провидѣніе Божіе всякій разъ невидимою и

чудесною силою спасало жизнь Своего избраннаго Помазанника.

Взрывъ столовой комнаты Зимняго дворца въ С.-Петербургѣ послѣдовалъ за нѣсколько дней до торжественнаго празднованія двадцатипятилѣтія достославнаго царствованія Императора Александра II, происходившаго 19 февраля 1880 года. То былъ дѣйствительно народный, рѣдкій въ лѣтописяхъ исторіи, праздникъ, и съ неподдѣльнымъ одушевленіемъ отпразднованъ былъ этотъ незабвенный день какъ въ обѣихъ столицахъ, такъ и во всей вообще Россіи.

Но среди милліоновъ искренно-веселившихся русскихъ сердецъ, въ то время, когда церкви Россіи громкимъ трезвономъ оглашали воздухъ, когда всѣ дома разукрашены были флагами, одному только человѣку на Руси праздникъ былъ не въ праздникъ. Грустно поникло его чело, печально отуманился его ласковый взоръ. Человѣкъ этотъ былъ—самъ Царь, творецъ счастія многихъ милліоновъ русскихъ людей и виновникъ торжества.

Государь не сомнѣвался въ живомъ, искреннемъ чувствѣ къ нему народа, онъ зналъ и чувствовалъ, что Россія любитъ своего Царя отъ души и предана ему безпредѣльно, что тѣсный союзъ и взаимное, полное, безграничное довѣріе связываютъ его съ его народомъ, но онъ зналъ и чувствовалъ въ тоже время, что, не смотря на всю славу его царствованія, не взирая на всѣ великія событія, его наполняющія, земля русская носитъ на себѣ горсть тайныхъ злодѣевъ, адскіе замыслы которыхъ не въ силахъ остановить ни рядъ Божіихъ чудесъ, ни страхъ Божьей и человѣческой кары, ни проклятіе русскаго народа.

22 мая того же 1880 года Императоръ Александръ Николаевичъ, а вмѣстѣ съ нимъ и вся Россія, по-

ражены были новымъ горемъ: въ этотъ день тихо скончалась въ С.-Петербургѣ, словно заснула, уже давно страдавшая болѣзнію легкихъ Государыня Императрица Марія Александровна, вся жизнь которой посвящена была заботамъ о дѣлахъ воспитанія, благотворительности, милосердія и религіи.

Между тѣмъ крамола, не смотря на всѣ предпринимавшіяся противъ нея мѣры, незамѣтно дѣлала свое ужасное подпольное дѣло. Замысливъ цареубійство, крамольники притихли было, на время, для того, чтобы возмущенное ими общество успокоилось, увѣровало въ ихъ исчезновеніе, а между тѣмъ, собравшись съ силами и рѣшившись, во что-бы то ни стало, привести свой адскій замыселъ въ исполненіе, занялись необходимыми къ тому приготовленіями.

Наступило роковое воскресенье 1 марта 1881 г.

Около часа пополудни, Государь Императоръ выѣхалъ въ каретѣ изъ Зимняго дворца въ С.-Петербургѣ, въ сопровожденіи обычнаго конвоя, въ Михайловскій манежъ, на назначенный тамъ въ этотъ день разводъ съ церемоніею. Разводомъ Государь остался вполнѣ доволенъ и, вообще, былъ въ самомъ лучшемъ расположеніи духа.

Выходя, по окончаніи развода, изъ манежа, около трехъ четвертей второго часа, и узнавъ, что великій князь Михаилъ Николаевичъ, присутствовавшій при разводѣ, намѣренъ посѣтить великую княгиню Екатерину Михаиловну въ Михайловскомъ дворцѣ, Императоръ предложилъ брату ѣхать вмѣстѣ. Пробывъ въ Михайловскомъ дворцѣ около получаса, Государь уѣхалъ оттуда уже одинъ, безъ великаго князя, сказавъ кучеру: „той же дорогой домой“. Карета направилась по Инженерной улицѣ, а затѣмъ повернула направо, по набережной Екатерининскаго канала, на-

правляясь къ Театральному мосту, причемъ ѣхала настолько быстро, что сопровождавшій экипажъ Государя конвой, состоявшій изъ шести конныхъ казаковъ, слѣдовавшихъ впереди, съ боковъ и сзади императорскаго экипажа, принужденъ былъ скакать.

Въ началѣ третьяго часа пополудни, на разстояніи около 50-ти саженъ отъ угла Инженерной улицы, карета Государя, проѣзжая по набережной канала, мимо сада Михайловскаго дворца, поравнялась съ шедшимъ на встрѣчу ей, по панели канала, молодымъ человѣкомъ, оказавшимся впослѣдствіи тихвинскимъ мѣщаниномъ Николаемъ Ивановымъ Рысаковымъ. Поравнявшись съ императорскою каретою, Рысаковъ повернулся къ ней лицомъ и, прежде чѣмъ конвойные могли сообразить что-либо, быстро метнулъ подъ ноги впряженныхъ въ карету лошадей что-то бѣлое, похожее на комъ снѣга и оказавшееся впослѣдствіи завернутымъ въ платокъ разрывнымъ снарядомъ. Въ тотъ же мигъ раздался оглушительный трескъ, подобный залпу изъ орудій; скакавшіе сзади царскаго экипажа два казака свалились раненые съ лошадей; тутъ же на тротуарѣ стоналъ смертельно раненый 14-ти-лѣтній крестьянскій мальчикъ, несшій изъ мясной лавки корзину съ провизіей; густое облако изъ снѣга и разныхъ осколковъ поднялось кверху. Карета Государя оказалась сильно поврежденною взрывомъ: всѣ четыре стекла и маленькое окно сзади были разбиты, кузовъ отъ дверецъ по бокамъ и сзади расщепленъ, задняя стѣнка разрушена, дно снизу отчасти повреждено.

Бросивъ подъ карету взрывчатый снарядъ, Рысаковъ пустился было бѣжать по направленію къ Невскому проспекту, но, въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ мѣста взрыва, поскользнулся, упалъ и былъ схваченъ

подоспѣвшими солдатами. У преступника оказались револьверъ и небольшой кинжалъ, которые, тотчасъ же по поимкѣ злодѣя, были у него отобраны.

Самъ Государь Императоръ остался совершенно невредимъ, приказалъ кучеру остановить лошадей, отворилъ лѣвую дверцу и вышелъ изъ кареты. Ѣхавшій вслѣдъ за экипажемъ Государя, на разстояніи не болѣе двухъ саженъ отъ него, въ саняхъ, запряженныхъ парою въ пристяжку, полиціймейстеръ 1-го Отдѣленія С.-Петербурга полковникъ Дворжицкій выскочилъ изъ саней и бросился къ императорской каретѣ, гдѣ, встрѣтивъ выходившаго изъ нея невредимымъ Государя, доложилъ Его Величеству, что преступникъ задержанъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, предложилъ Государю свои сани, для возвращенія въ Зимній дворецъ. Государь пожелалъ, однако, прежде видѣть несчастныхъ раненыхъ и преступника и потому направился къ тому мѣсту, гдѣ находился уже окруженный собравшеюся толпою народа Рысаковъ. Идя по тротуару канала и услышавъ тревожный вопросъ: „Что̀ съ Государемъ“? Императоръ оглянулся и, не доходя шаговъ десяти до преступника, отвѣтилъ: „Слава Богу, я уцѣлѣлъ, но вотъ“—и указалъ при этомъ на лежавшаго около кареты раненаго казака и тутъ же кричавшаго отъ боли раненаго мальчика. Услышавъ слова Государя, Рысаковъ съ зловѣщерадостною улыбкою замѣтилъ: „Еще слава-ли Богу“. Приблизившись къ задержанному и освѣдомившись, онъ-ли бросилъ разрывной снарядъ, Императоръ, послѣ утвердительнаго отвѣта присутствовавшихъ, спросилъ Рысакова: кто онъ такой,—на что̀ тотъ назвалъ себя мѣщаниномъ Глазовымъ, подъ именемъ котораго онъ проживалъ въ послѣднее время по подложному паспорту.

Затѣмъ, едва только Государь, желая посмотрѣть мѣсто взрыва, отошелъ отъ задержаннаго Рысакова и успѣлъ сдѣлать нѣсколько шаговъ по панели вдоль канала, по направленію къ своему экипажу, какъ другой неизвѣстный человѣкъ, стоявшій бокомъ и прислонившись къ рѣшеткѣ канала, выждавъ приближеніе Императора на разстояніе не болѣе двухъ аршинъ, приподнялъ руки вверхъ и бросилъ что-то на панель къ самымъ ногамъ Государя. Въ тотъ же мигъ (спустя не болѣе 4—5 минутъ послѣ перваго взрыва) раздался новый оглушительный взрывъ, причемъ поднятая имъ масса дыма, снѣга и клочьевъ платья закрыла на нѣсколько мгновеній все пространство. Когда же поднятый взрывомъ столбъ разсѣялся, пораженнымъ взорамъ присутствовавшихъ представилось поистинѣ потрясающее зрѣлище: до двадцати человѣкъ болѣе или менѣе тяжело раненыхъ обоими взрывами лежали у тротуара и на мостовой; въ числѣ ихъ находился и Государь Императоръ. Прислонившись спиною къ рѣшеткѣ канала, упершись руками въ панель, безъ фуражки и шинели, полусидѣлъ на ней горячо любимый народомъ Монархъ, окровавленный и трудно дышавшій. Обнажившіяся ноги вѣнценоснаго страдальца были раздроблены, кровь сильно струилась изъ нихъ, тѣло висѣло кусками, лицо было все въ крови... Тутъ же лежали, свалившіяся съ головы и плечъ Государя, фуражка и шинель, отъ которыхъ остались одни лишь окровавленные и обожженные клочья.

При видѣ столь неожиданнаго, столь невѣроятнаго несчастія, не только оставшіеся невредимыми, но и пострадавшіе отъ взрывовъ бросились на помощь къ Государю. Раненый рядомъ съ Императоромъ полковникъ Дворжицкій, приподнявшись съ

земли, услышалъ едва-внятно произнесенное слово Государя „помоги“ и, вскочивъ, подбѣжалъ къ нему, вмѣстѣ со многими другими лицами. Кто-то изъ окружавшихъ Императора подалъ платокъ. Государь, приложивъ его къ лицу, очень слабымъ голосомъ произнесъ: „холодно, холодно“. Тогда, приподнявъ съ земли израненнаго Императора, уже начинавшаго терять сознаніе, окружавшія его лица, при подоспѣвшемъ великомъ князѣ Михаилѣ Николаевичѣ, понесли его къ санямъ полковника Дворжицкаго. Наклонившись къ правому плечу Государя, уже несомаго на рукахъ, великій князь спросилъ: слышитъ-ли Его Величество, — на что́ Императоръ тихо отвѣтилъ: „слышу“; на дальнѣйшій вопросъ о томъ, какъ Государь себя чувствуетъ, Императоръ сказалъ: „скорѣе... во дворецъ“, а затѣмъ, какъ-бы въ отвѣтъ на услышанное имъ предложеніе внести его въ ближайшій домъ для поданія первоначальной помощи, Государь произнесъ: „несите меня во дворецъ... тамъ... умереть“... То были послѣднія, слышанныя свидѣтелями — очевидцами злодѣйскаго преступленія 1-го марта, слова умиравшаго Монарха. Послѣ этого Императоръ помѣщенъ былъ въ сани полковника Дворжицкаго и повезенъ въ Зимній дворецъ.

Между тѣмъ, на мѣстѣ страшнаго происшествія стали подбирать пострадавшихъ отъ взрывовъ раненыхъ; всего ихъ оказалось около 20 человѣкъ, причемъ въ числѣ ихъ былъ и виновникъ рокового второго взрыва, пресѣкшаго драгоцѣнную жизнь Царя-Освободителя. Этотъ неизвѣстный человѣкъ, лѣтъ около 30-ти отъ роду, проживавшій, до совершенія своего адскаго замысла, по подложному паспорту на имя виленскаго мѣщанина Николая Степанова

Ельникова и оказавшійся, какъ обнаружилось впослѣдствіи, полякомъ Гриневецкимъ, умеръ, спустя восемь часовъ по доставленіи его, въ безсознательномъ состояніи, въ придворный госпиталь конюшеннаго вѣдомства, отъ смертельныхъ ранъ, полученныхъ при взрывѣ брошеннаго имъ же самимъ снаряда.

По доставленіи во дворецъ, Государь находился уже въ совершенно безсознательномъ состояніи: лицо его было крайне блѣдно, глаза полуоткрыты, челюсти судорожно сжаты, дыханіе неполное и едва слышалось самое слабое біеніе сердца. Во дворецъ прибыли наслѣдникъ цесаревичъ и прочіе члены царскаго дома. Приступлено было къ употребленію разныхъ возбуждающихъ средствъ, для оживленія дѣятельности сердца и мозга, но всѣ попытки оказывались безуспѣшными. Одно время казалось, что дыханіе сдѣлалось какъ будто нѣсколько полнѣе, и въ этотъ моментъ Императоръ пріобщенъ былъ Святыхъ Тайнъ; но вскорѣ послѣ этого дыханіе стало снова видимо ослабѣвать и прибывшіе, для подачи медицинской помощи, врачи были только свидѣтелями мало-помалу угасавшей жизни великаго Монарха. Не смотря на настойчивое и усиленное употребленіе различныхъ оживляющихъ средствъ, дыханіе постепенно слабѣло и едва было замѣтно по движенію шейныхъ мышцъ, а въ 3 часа 35 минутъ пополудни Государя Императора Александра II не стало.

Таковы обстоятельства, при которыхъ совершилось, неслыханное по гнусности своей и ужаснымъ послѣдствіямъ, злодѣяніе, безвременно положившее предѣлъ драгоцѣнной жизни добродѣтельнѣйшаго и благочестивѣйшаго изъ Монарховъ, бывшаго по истинѣ гордостію и славою Россіи.—Государя Императора Александра II-го. Такъ окончилось земное

поприще этого великаго, по благодѣяніямъ своему народу, Государя, еще при жизни прозваннаго Царемъ-Освободителемъ, Государя, вся жизнь котораго была единымъ безпрерывнымъ подвигомъ любви на благо и счастіе своихъ подданныхъ.

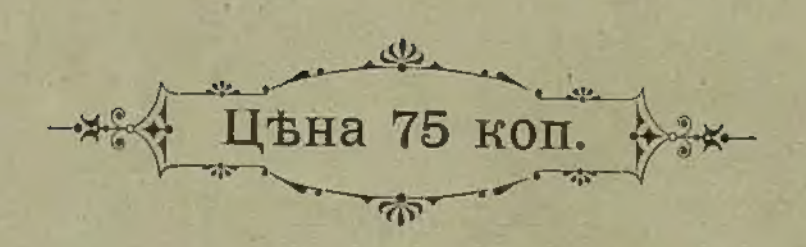
Императоръ Александръ II великъ былъ не только какъ Царь многомилліоннаго народа, всю жизнь свою посвятившій на благо своихъ подданныхъ, но и какъ истинно рѣдкій человѣкъ, какъ воплощенная доброта, любовь и милосердіе. Его человѣколюбивая, христіански-чистая душа, какъ искра Божія, такъ и свѣтилась во всѣхъ его дѣлахъ и начинаніяхъ. Будучи неограниченнымъ, самодержавнымъ Монархомъ обширнѣйшаго въ мірѣ царства, этотъ Царь — Человѣкъ во всей своей дѣятельности руководился, главнымъ образомъ, велѣніями своего любящаго сердца. Являя высокій примѣръ самоотверженной христіанской любви, — той любви, о которой сказано: „больше сея любве никто-же имать, да кто душу свою положитъ за други своя“, — онъ остался вѣрнымъ себѣ до конца. Онъ жилъ для того, чтобы своею государственною мудростію, великодушіемъ, справедливостію и благочестіемъ возвеличить Россію, облегчить нужды и упрочить благосостояніе своего народа. И что же? Святотатственная рука изверга, вооруженная смертоноснымъ орудіемъ, отняла у него жизнь среди бѣлаго дня, въ его же собственной столицѣ, обагрила его царственною кровью землю русскую, осквернила ее злодѣяніемъ цареубійства.

Императоръ Александръ Николаевичъ погибъ какъ истинный мученикъ отъ руки гнуснаго злодѣя, палъ искупительною жертвою такъ же, какъ пали и нѣкоторые другіе искренніе друзья человѣчества, поборники истины и правды, которые за правду и

истину были и гонимы, и поругаемы и убиваемы. Великая и могучая Русь не съумѣла уберечь драгоцѣнную жизнь своего Царя-Освободителя и Благодѣтеля русскаго народа, не смогла охранить своего завѣтнаго сокровища, своей народной гордости отъ покушеній и поруганій горсти злодѣевъ-крамольниковъ. Искалѣченные умственно, извращенные нравственно, несчастные, погибшіе безумцы эти убили того Царя, который выше всѣхъ своихъ современниковъ держалъ знамя человѣчества и больше всѣхъ ихъ совершилъ великаго подъ этимъ священнымъ для него знаменемъ, который всѣ двадцать шесть лѣтъ своего славнаго царствованія, будучи великимъ Царемъ, не переставалъ быть въ тоже время и благороднѣйшимъ человѣкомъ, въ самомъ лучшемъ значеніи этого слова!

Совершая цареубійство, крамольники думали своимъ злодѣйствомъ замутить и потрясти Россію, но жестоко ошиблись въ своихъ расчетахъ. Невинная кровь Царя-Освободителя сдѣлала его кроткій, свѣтлый образъ еще болѣе любезнымъ въ глазахъ вѣрнаго и преданнаго ему народа; мученическая кончина его еще крѣпче, чѣмъ когда-либо, связала русскій народъ съ царствующимъ домомъ, еще глубже, чѣмъ было доселѣ, внѣдрила въ душу и сознаніе этого народа его исконное вѣрованіе, что Царь всероссійскій — есть по истинѣ священный залогъ и оплотъ величія Россіи и благоденствія русскаго народа, что въ живомъ нераздѣльномъ союзѣ съ нимъ народа — несокрушимая сила русскаго государства!

Народъ въ Царѣ, а Царь въ народѣ,—
Вотъ наша сила, Богъ за насъ!

16

